

Колтёр

8

АВГУСТ
1965

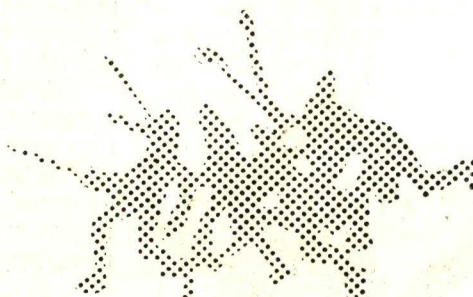
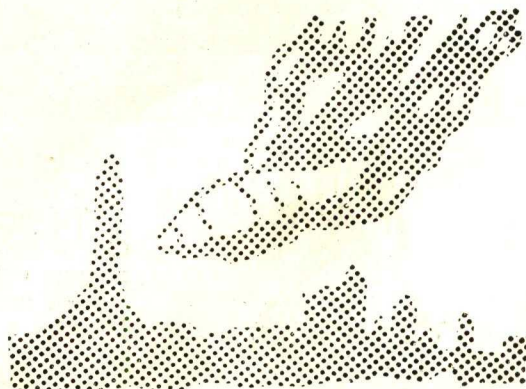
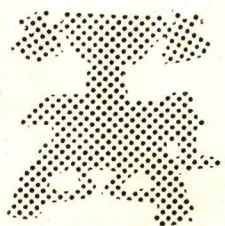
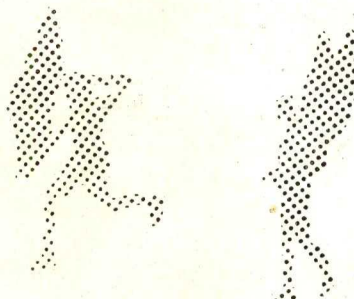
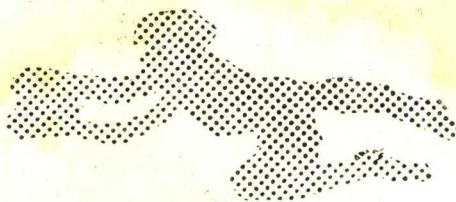
Костёр

8
АВГУСТ
1965г.

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Там, где кончается асфальт**
репортаж Ю. ПИМЕНОВА и В. ШУМИЛИНА 3
- «Номендант» аэродрома**
рассказ Героя Советского Союза В. НЕКРАСОВА 5
- Два рассказа о В. П. Чкалове**
В. ЗАРХИ 9
- Таврический сад**
повесть И. ЕФИМОВА 12
- Нам, для наших телефонов**
очерк В. МАРАМЗИНА 25
- Почта Кости Теркина**
ответы на письма читателей 28
- Возвращение воздушного корабля**
очерк М. ЛАЗАРЕВА 29
- Дома-дикинины**
фотоочерк И. КВЯТКОВСКОГО 32
- Что? Где? Когда? Почему?**
заметки, фото, рисунки 34
- Пусть взмахнут наши крылья**
зарисовка Е. РЕЙНА 35
- Футбол 1965 года**
обзор ЮРИЯ КОРШАКА 37
- Наш стол загадок** 27
- Мио, мой Мио**
повесть-сказка АСТРИД ЛИНДГРЕН 41
- Над камчатскими вулканами**
фотоочерк А. ШАЛИМОВА 56
- Федя-поводырь**
поэма-быль ВС. РОЖДЕСТВЕНСКОГО 57
- Школа „Спринт“** 60
- Уголёк**
журнал для малышей 61
- Веселый Архивариус** 63
- Походная песенка**
музыка М. ФЕРКЕЛЬМАНА, слова В. ФЕТИСОВА 64

ДА БУДУТ МИРНЫМИ ГРАНИЦЫ

Ты переписываешься с зарубежным другом, посылаешь ему в подарок марки, открытки, фотографии, с нетерпением ждешь ответных писем и, конечно, мечтаешь о встрече.

...А вот этим ребятам повезло — они живут совсем рядом. И раз в год встречаются. Это пионеры-калининградцы и польские харцеры. Место их встреч ты легко отыщешь на карте: советско-польская граница, Багратионовск.

Не на каждой границе увидишь и услышишь такое — праздничные знамена, смех, песни, танцы! Ребята обмениваются сувенирами, адресами, устраивают совместные концерты.

Давай помечтаем, читатель, о тех временах, когда все границы перестанут щетиниться оружием, когда у пограничных столбов подымутся пионерские палатки, когда...

Ты понимаешь, дело это долгое, серьезное. Такие вещи «вдруг» не происходят. Чтобы приблизить будущее, надо много и хорошо трудиться, смело бороться за мир и крепить дружбу с людьми всех стран.

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ

Лагерь в лесу

Вокруг лес, и прямо в лесу вьется красный флаг. В разные стороны от линейки разбегаются тропки. Дач не видно, они где-то там, за деревьями и кустарником, далеко одна от другой.

А рядом шумит море. Качаются на ветру ели, березы. И непонятно, где начинается лагерь, где начинается лес. Непонятно не только людям, но и лосям. Не раз забредали лесные красавцы в лагерь и призывно трубили возле дач. А Миша Саликов даже нашел на территории лагеря лосиные рога.

Все лес да лес. Ни клумб, ни гаревых дорожек. Вот это место!

Приехали мы, смотрим: одна, другая дача пусты. Узнаем: сорок отчаянных мальчишек и девчонок только что отправились на необитаемый остров.

Остров робинзонов

Первым на берег выпрыгнул Костя Бич.

— Ура! — закричал Костя и скрылся в кустарнике. И сразу истошный вопль пронесся над островом:

— Змея-я-я!

В страхе завизжали девчонки, мальчишки храбро бросились на выручку:

— Где? Где?

— Уползла, — сказал Костя.

Обыскали траву, кустарник, заглянули под каждый камень: нет змеи.

Посмотрели ребята на Костю и разошлись.

Вскоре опять крик.

— Ко мне! Скорей! Змея!

Примчались, и опять никакой змеи.

— Ты что, смеешься?

А когда в третий раз завопил Костя, никто не сдвинулся с места.

— Я правду говорю, правду! — донеслось из кустов. — Не верите? Вот вам!

И Костя торжественно поднял на палке убитую гадюку.

К вечеру начался шторм. Небо заволочло тяжелыми свинцовыми тучами. Гудящие волны яростно перекатывались через прибрежные камни.

— Не труситы! Разбивайте палатки! — скомандовал вожакий Володя.

Весело в тесных палатках.

— Отодвинь нос, Воробушек, голову некуда положить.

— А ну вас, — махнул рукой Витя Воробьев, — пойду шалаш строить.

...Штормило и на следующий день. По крутым волнам физрук Михаил Георгиевич доставил свежую почту. Нельзя же робинзонам отставать от цивилизации.

Запасы пресной воды подходили к концу. Стали рыть грунт. Показалась вода, но желтая, мутная.

— Пусть отстоится! — сказал Костя Бич, — а пока разведем костер.

Островитяне сели вокруг костра и под гитару запели: «Бригантина поднимает паруса»...

И, словно родившийся из песни, из-за мыса появился парусник.

Ребята вскочили, замахали шапками и платками. Их заметили. Матросы спустились в шлюпку, и она понеслась к острову так стремительно, что весла казались крыльями.

— Вы с бригантины? — бросились навстречу ребята.

— Нет, с баркентины, — усмехнулись курсанты училища имени адмирала Макарова. — А вас каким ветром занесло?

— О, долго рассказывать! Считайте, что мы потерпели кораблекрушение и изнываем от жажды. Нет ли у вас водички?

— Найдется, — сказали курсанты и привезли с «Сириуса» целый бак вкусной невской воды.

На четвертый день стало стихать. Ребят подобрал траулер «Нива».

Казалось, все приключения позади, но не тут-то было.

К лагерю траулер подойти не мог — мелко. Пришлось прыгать в рыбачий баркас, дно и борта которого словно обклеены мелкой сверкающей чешуей.

Толпы встречающих вышли на берег. Метрах в двадцати от причала сломалось весло. Попробовали грести обломком. Ничего не вышло: развернуло баркас по волнам, закачало. И к потерпевшим крушение робинзонам понеслись спасательные лодки.

Фуражка космонавта

Ребята запрокинули головы, замерли в радостном ожидании.

Прямо над стадионом повис вертолет. От вращающегося винта колышется кустарник, лохматятся вихрастые головы, надуваются рубашки. С вертолета спускается летчик. Он расстегивает ремни и протягивает пакет. Гвардейцы, с которыми давно уже дружат ребята, дарят лагерю офицерскую фуражку Германа Степа-

новича Титова, который раньше служил в их части.

О, как смотрели на фуражку мальчишки! Хотя бы подержать в руках, потрогать, не то что надеть...

Кто же наденет фуражку космонавта?

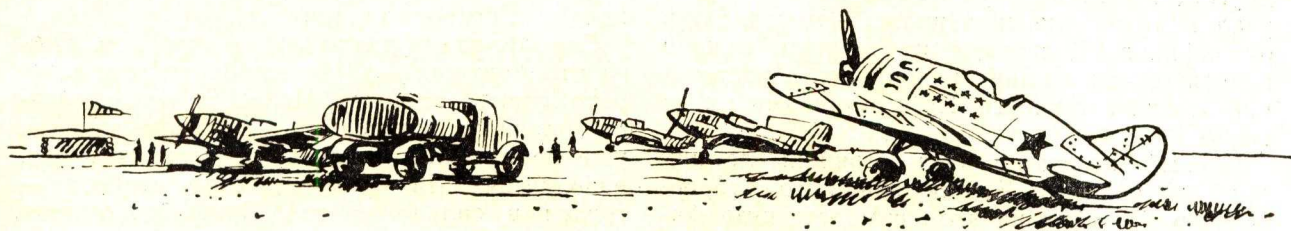
Алик Усманов — лучший спортсмен. Сережа Минин — лучший артист. Саша Козлов — лучший рыболов. Кто же из них?

И вдруг из строя вышла девочка. Чуть не плакали маль-

чишки, глядя, как на ее косы опускалась фуражка космонавта.

А октябрята — все четыре отряда — кричали ура. Потому что Лариса Сидоренко их лучший друг. Это Лариса придумала веселые игры, которые надолго запомнятся октябряткам. Это Лариса придумала, чтоб у октябрят была своя, октябрятская линейка. Это Лариса целую смену заменяла заболевшую вожатую, и как заменяла!

Из пионерского лагеря имени Германа Титова вели репортаж наши специальные корреспонденты Ю. Пименов и В. Шумилин

„КОМЕНДАНТ“ АЭРОДРОМА

РАССКАЗ

В. Некрасов, Герой Советского Союза

Рисунки Н. Кутузова

У нас в части долгое время стоял старый, изрядно потрепанный истребитель. Его обшивка пестрела наклейками, латками разных форм и размеров.

Краска на бортах пообтерлась, потрескалась и выцвела на солнце. Когда запускали мотор, истребитель кашлял, чихал, как дряхлый старик, долго и мучительно плевался черными выхлопами, пока прогревал свое тело. Неуклюже подогнутые шасси при этом как-то жалко и беспомощно подпрыгивали.

Всякий новый летчик, увидев его первый раз, восклицал:

— Вот это драндулет так драндулет! — и подходил к самолету с опаской, как будто тот вот-вот взорвется.

Механик самолета, старшина Гуров, видя нерешительность новичков, посмеиваясь, подбадривал:

— Не бойся, не кусается! — Он легонько хлопывал мозолистой ладонью по шершавой поверхности фюзеляжа. — На этом «Яке» сбито девять фашистских самолетов, самый большой счет в полку. Через него все наши летчики прошли. Добрые вояки стали.

Потом начинался торжественный осмотр самолета. Механик и летчик обходили истребитель, ощупывали его обшивку, качали рули, осматривали шасси, лазили под брюхо, под плоскость, заглядывали во все люки. Гуров

рассказывал о каждой заплате, будто о ранах на собственном теле.

— Это легкое, а это тяжелое, — говорил он, осторожно прикасаясь к наклейкам.

Наконец, летчик забирался в самолет и осматривался в кабине: педали и сектора управления мотором обшарпаны; ручка старой конструкции, с дужкой, обмотанной шпагатом, приборы на доске — устаревшей марки. Но... в кабине была полная чистота и порядок. Агрегаты действовали безотказно. И радиостанция — глаза и уши самолета — несмотря на неприглядность, работала безукоризненно.

Полковые остряки прозвали этот потрепанный самолет «комендантом» аэродрома.

Название придумали не в бровь, а в глаз. «Комендант» аэродрома... Каждый новый летчик, прибывая к нам в часть, первые полеты совершал на этом истребителе, как бы получал разрешение на прописку.

Происходило это примерно так. Выполнив три полета по кругу и один в зону на пилотаж, новичок вылезал из самолета, морщился и сплевывал в сторону:

— Гроб с музыкой, а не машина.

Летчики и техники дружно смеялись, разглядывая новенькие погоны пилота, закопченные выхлопными газами.

— «Комендант» поставил печать на прописку, а он, гляди, еще недоволен, — шутили ребята.

Гуров обиженно косился на новичка и лез в самолет.

— Желторотик! — возмущался он, — летать еле-еле научился, а туда же! «Гроб с музыкой»... — недовольно бормотал он, наводя порядок в кабине.

Он гордился своим израненным крылатым другом, трогательно ухаживал за ним и приучал к этому членов экипажа — моториста и оружейника. Благодаря их заботам, тяжело поврежденная машина находилась в постоянной боевой готовности. Но с летчиками им не везло.

Первый командир был стоящий летчик, храбрый, опытный. В полку звали его «оторви-голова». Он сбил на этом самолете пять фашистских стервятников. Но однажды не вернулся с задания. Через несколько дней в часть сообщили: самолет находится недалеко от линии фронта, а летчик в госпитале.

Старшина Гуров отправился на машине за истребителем и прибуksировал его на аэродром.

На самолете не было живого места: обшивка топорщилась, как у петуха после хорошей трепки, правую консоль крыла на целый метр разворотило снарядом, был сильно поврежден лонжерон — по всем инструкциям самолет не подлежал уже никакому ремонту.

Инженер полка приказал было оттащить самолет на свалку, но настойчивые просьбы Гурова поколебали его решение.

— Что ж, попытайтесь, может быть, что-нибудь и получится, — сказал он неопределенно и добавил: — А крыло надо заменить... Возьмете со свалки. Видели там «семерку»? Плоскость на ней без задоринки. Самолеты одного завода. — Он подумал и резко закончил: — На помощь не рассчитывайте, людей нет. Запчасти, какие есть, дам. — Повернулся и ушел, оставив Гурова над грудой искореженного металла.

Старшина с экипажем работали днем и ночью. Ели и спали тут же, у самолета. Бывало, моторист чистит, чистит, отойдет в сторону, увидит обляпанные латками бока и тяжело вздохнет:

— Драишь, драишь, а все без толку. Видно, черного кобеля не отмоешь добела, — скажет в сердцах и снова за тряпку. К концу второй недели крыло было заменено, и истребитель стал похож на боевую машину. Гуров устранял мелкие неисправности и удовлетворенно улыбался. «Еще послужит ястребок», — уверенно говорил он.

Наконец, самолет был готов к взлету, но командир в часть не возвращался. Прислал

только письмо из госпиталя о своем последнем бое.

Дочитав письмо, старшина обвел всех угрюмым взглядом и коротко приказал:

— Нарисовать еще две звездочки на фюзеляже!

В экипаж пришел другой летчик. И этот хорошо воевал. И тоже не вернулся после выполнения боевого задания.

Самолет прибуksировали на аэродром. Снова отремонтировали. На его борту теперь горело девять звездочек. Но после этой последней починки истребитель на боевые задания уже не пускали, боялись: не выдержит боя, развалится. Да и мотор стал слабоват — грелся и сильно коптил. Пришлось старого бойца использовать возле аэродрома. Ему иногда разрешалось подежурить или полетать у всех на виду, погреть свои кости на солнце и опять вернуться на стоянку. Так и превратился он в «коменданта» аэродрома.

Гуров по-прежнему подкрашивал на его борту звездочки, «чтоб не тускнели», и каждого молодого летчика, прибывающего в часть, знакомил с прошлыми боевыми заслугами прославленного ветерана.

Новички приходили не часто. И «комендант» стоял без дела. Боевые истребители располагались в капонирах, а старик примостился у самого края аэродрома, в стороне от взлетной полосы. Его силуэт одиноко маячил на фоне вечернего неба.

Когда начинались горячие деньки и истребителей не хватало, «коменданта» тоже включали в дежурную пару. В таких случаях веселые шутки летчиков, особенно тех, кому приходилось дежурить на нем, сменялись злыми.

— Не самолет, а музейная редкость, — ворчали одни.

— Экспонат с ложного аэродрома, — язвили другие.

Но появлялся старшина Гуров, и шутники умолкали. Всем было ясно, что самолет летает на железной воле этого трудолюбивого до жадности «технаря».

Дежурство само по себе очень скучное занятие. Наденет летчик доспехи, застегнется на все крючки, втиснется в кабину — и ждет. Ждет целый день. Монотонно воеет умформер радиостанции. В наушниках то и дело раздается нудная, режущая уши морзянка. Доносятся обрывки чьих-то команд. Жарко. Душно. Утомительно. А тут еще сидишь в обшарпанной кабине и заранее знаешь, что о вылете нечего и думать. И все-таки однажды произошло вот что.

Дело было к осени. Дежурил на «коменданте» лейтенант Прошин, боевой и очень ре-

шительный летчик, у которого, впрочем, был и грех — излишняя горячность, лихость, вот командир эскадрильи в наказание и посадил его на дежурство.

Прошин летал на всех истребителях, которые были в полку. И «коменданта» знал хорошо: в полете старый самолет тяжеловат, но в безотказности его нечего и сомневаться, — старшина Гуров неисправный самолет в воздух не выпустит.

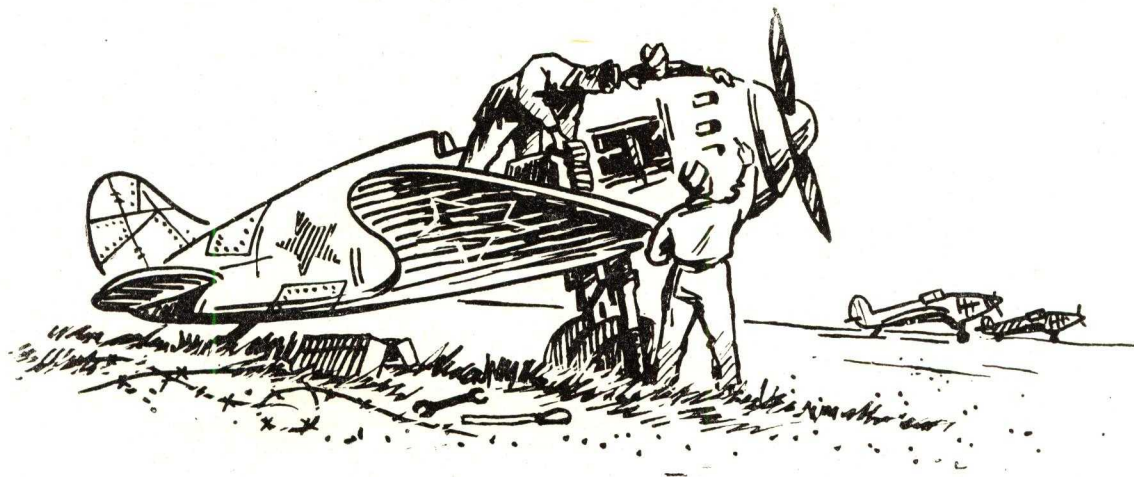
Рано утром, в тот день, о котором пойдет рассказ, Прошин и старшина еще в темноте опробовали мотор. Мотор как всегда покаш-

В наушниках заработала какая-то далекая радиостанция.

— Береза! Береза! Я — Дуб! Я — Дуб! Как слышишь? — лейтенант убавил громкость, но в уши с прежней назойливостью лезло: — Я — Дуб! Я — Дуб! Как слышишь?

— Дубина ты, а не дуб, — ни с того ни с сего выругался Прошин и впился глазами в проходящую мимо машину с летным составом. — Береза! Береза! Я — Дуб! Я — Дуб! — гудело в ушах.

Он сорвал шлемофон и неожиданно успокоился.

лял, поплевался выхлопами и через некоторое время заработал нормально. Оружие действовало безотказно. Лейтенант связался по радио и доложил дежурному по штабу:

— Готовность номер один занял.

— Вас понял. Как старичок, не рассыпался? — ответил дежурный.

Прошин промолчал. Все самолеты включались на блокирование фашистского аэродрома, а он, Прошин, оставался дежурить на точке. Он, Прошин, и на точке!

Техники сутились в капонирах, подготавливая машины к полету. Моторы ревели, будоража воздух, трещали и гремели проверочные выстрелы из пулеметов и пушек. Постепенно светало. Начинался шумный день войны.

Небо чистое, безоблачное. Горизонт укутан голубоватой дымкой. Над стоянкой облаком висит пыль, поднятая винтами.

— Жаркий денек предстоит, товарищ командир, — проговорил Гуров.

Прошин, занятый своими мыслями, неопределенно ответил:

— Посмотрим...

Истребители, вздымая пыль, выруливали к взлетной полосе. Вот они уже в воздухе. Клинообразный строй четверок уплывал в синеву неба. На аэродроме пришла тишина. Лейтенант натянул шлемофон, прислушался к разговору улетающих друзей:

— Двадцать пятый, станьте на свое место! Восемнадцатый, подтяните ведомого!

Из-за горизонта выкатилось солнце, большое, яркое. Залило светом опустевшее летное поле.

— Занималась заря молодая,

Солнце вышло сражение смотреть, — пел старшина, гремя ключами под плоскостью и явно фальшивя.

Солнце начало припекать, воздух не шевелился. В кабине стало жарко. Прошину надоело сидеть молча, он поерзал в кабине, вытер пот с лица, вытянул затекшие без движения ноги, поправил парашют, на котором сидел, снова взглянул в сторону механика. Тот проверял крепление элерона.

— Экий же ты, старшина, непоседа! — миролюбиво проговорил он, — отдохни хоть не-

много. Прислушайся, тишина-то какая! Как будто и войны нет. У нас на Амуре сейчас самая хорошая пора.

— Да-да! — мечтательно протянул старшина. — Сенокос, наверное, кончили. Рыбаки готовятся к кетовой, скоро утка пойдет. Ухи бы сейчас, командир, а? Знаешь, той самой...

Разрезая воздух, шипя, взлетела красная ракета. Старшина и лейтенант недоуменно переглянулись. В наушниках раздалась команда:

— Десятый! Десятый! Вам немедленно взлет. Я — ноль первый.

— Вас понял! — живо отозвался Прошин и, резко меняя тон, приказал: — Убрать колодки!

Через минуту «комендант» оторвался от земли.

Соседний полк сообщил:

— В направлении нашей точки идет пара фашистских разведчиков.

Прошин набирал высоту. Шум «коменданта» постепенно растворялся. На аэродроме все замерло в ожидании. Только за границей взлетной полосы суетились зенитчики, готовясь к бою.

Возвращаясь каждый день с заданий, наши летчики видели, что в последнее время по дорогам к линии фронта потянулись колонны танков, артиллерии, мотопехоты. У нас появились новые соседи: бомбардировщики, штурмовики, истребители. И мы догадывались: фронт готовится к большому наступлению.

Фашисты, наверно, почувствовали это. За последние дни участились полеты их разведчиков. Нам, истребителям, и предстояло избавиться от этих непрошенных наблюдателей. Дашь безнаказанно уйти самолету-шпиону — значит, раскроешь замысел командования, сорвешь наступление.

Сейчас мы все понимали опасность создавшегося положения. Каждый из нас был уверен в Прошине, как в самом себе. А вот выдержит ли «комендант»?

Звук вражеских самолетов долетел до нашего слуха позже, чем мы увидели пару «фокке-вульф — 190».

Они шли курсом на аэродром, примерно на высоте двух тысяч метров.

Грозной скороговоркой затараторили зенитные пушки аэродромного прикрытия. Перед «фоккерами» вспыхнул рой белых разрывов. Вражеские самолеты легли в медленный вираж, обходя зону заградительного огня. Полными оборотами ревели их моторы, сотрясая

воздух мелкой дрожью. Вдруг вверху над «фоккерами» что-то промелькнуло. Мы увидели нашего «коменданта». Он, словно ястреб, бросился с высоты на свою добычу.

Зенитчики, помогая летчику, перенесли огонь внутрь круга, отвлекая внимание гитлеровцев. Прошин на большой скорости провалился ниже. Затем круто переломил направление «коменданта» так, что с консолей сорвались белые струйки — спутники больших перегрузок. На аэродроме все оцепенели.

— Что он делает? — крикнул кто-то.

«Комендант» не рассыпался. Мы облегченно вздохнули.

Лейтенант Прошин быстро приближался к одному из «фоккеров». Фашистский стервятник неожиданно споткнулся, выпустил густую струю дыма и рухнул вниз. До нас долетела длинная пулеметная очередь. В другой раз такая удача вызвала бы восхищение, но сейчас она никого не обрадовала. Выиграв время, второй «фоккер» зашел в хвост «коменданту». Участь старика была решена.

Прошин резко отвернул, но поздно. Раздалась дробь пулеметов. «Комендант» вздрогнул, как-то беспомощно опрокинулся на крыло, за ним потянулся смертельно-черный шлейф. Немец вплотную проходил над ним, торжествуя победу. Но тут «комендант» вдруг выровнялся, дал залп по проходящему «фоккеру», перевернулся на спину и, объятый пламенем, описывая кривую, повалился к земле. За ним следом, переваливаясь, падал его враг. Над самолетами вспыхнул зонтик парашюта. Это был лейтенант Прошин.

Мы молча глядели на падающие машины. Последние секунды нашего «коменданта»...

Он упал беззвучно, как будто его опустили в могилу. «Фоккер» же при ударе взорвался. Земля вздрогнула, словно не желала принять чужеземного гостя...

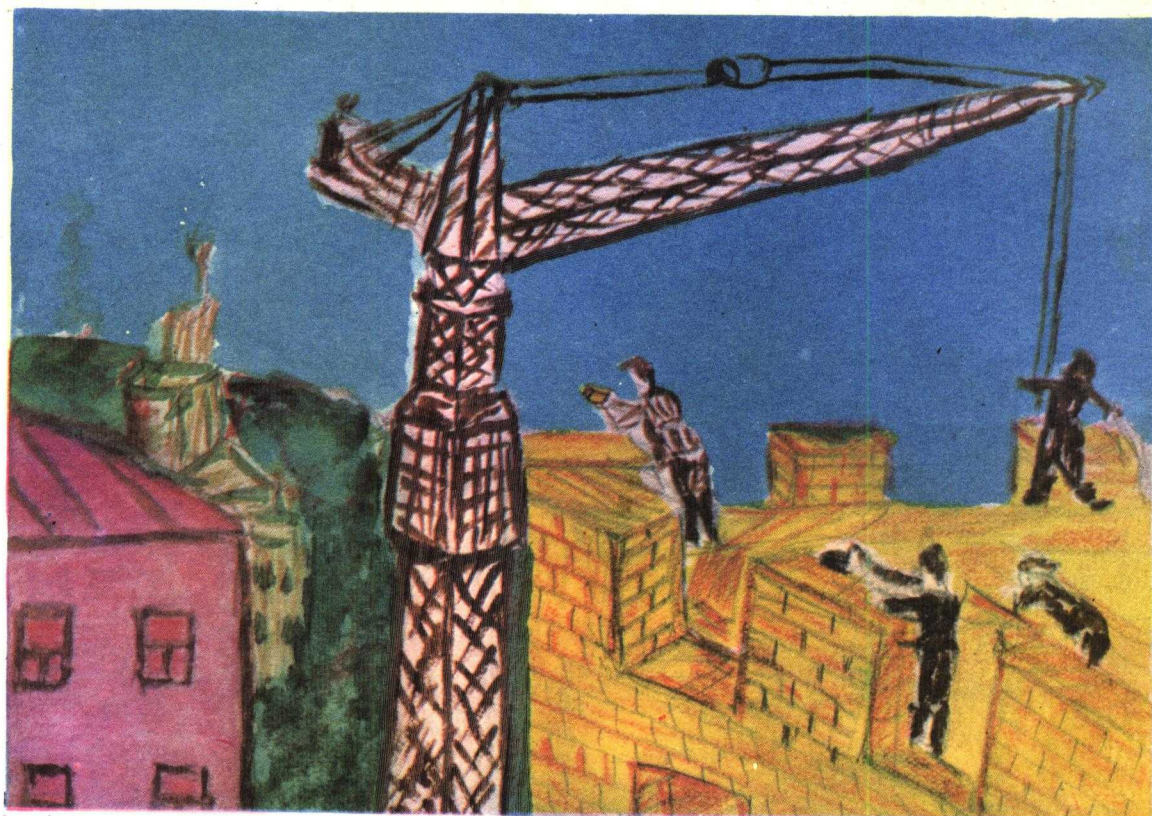
Лейтенанта Прошина привезли целого и невредимого. Первым обнял его старшина Гуров. Он крепко сжал его в своих медвежьих лапах.

— Молодец! Честное слово, молодец! Какой бой выдержал! — и посмотрел в сторону своего догорающего любимца. — Самолет-то какой был!

...О «коменданте» аэродрома теперь все вспоминали с теплотой и грустью. По вечерам, когда заканчивался боевой день, мы часто поглядывали на место его законной стоянки. Нам чего-то не хватало.

Газета
казахстанских
пионеров
„ДРУЖНЫЕ
РЕБЯТА“
проводила среди
своих читателей
конкурс
„РОДНОЙ КРАЙ“.
На нашей вклейке
два рисунка
из поступивших
на конкурс.

СТРОЙКА.

Лена Щеголёва, г. Караганда, 4 кл.

НА ВОСКРЕСНИКЕ.

Коля Консуев, совхоз Бидали Карагандинской области, 8 кл.

Два рассказа о В. П. Чкалове

В отделе техники Ленинградского Дворца пионеров работает преподаватель Владимир Лазаревич Зархи. Жизнь Владимира Лазаревича тесно связана с авиацией. В свое время он летал бортмехаником с Валерием Чкаловым.

По просьбе «Костра» В. Зархи написал о тех давних днях несколько страничек воспоминаний.

ВОЗДУШНЫЙ ПОЕДИНОК

Этот поединок состоялся в 1929 году. Валерий Павлович работал в то время летчиком Осоавиахима. Он катал пассажиров над Ленинградом. Уже тогда Чкалов был, что называется, «классным» летчиком. Но слава и признание пришли к нему позже. А тогда его имя еще не было широко известным.

На том же самом аэродроме, с которого Валерий Павлович возил ленинградцев на воздушные прогулки, находились самолеты международной линии Ленинград—Кенигсберг. Их обслуживали советские и немецкие летчики. Один из немцев, Беринг, входил в десятку лучших летчиков Европы.

...Стоял хороший августовский день. На аэродроме приятно пахло свежескошенной травой.

Прогулочных рейсов в этот день не было. Мы должны были сделать пробный полет на самолете, только что вышедшем из ремонта.

И самолеты Осоавиахима, и самолеты, летавшие в Кенигсберг, были одной и той же марки—«Юнкерс-13». Только наши были послабее, всего в 185 лошадиных сил. А на международной линии летали самолеты с моторами в 240 лошадиных сил.

И вот мы с Валерием Павловичем поднялись в воздух, полетали минут пятнадцать, проверили все, что должны были проверить, и уже собирались идти на посадку.

В это время мы вдруг увидели, что на нас в лобовую атаку идет самолет.

Валерий Павлович принял вызов. Не такой он был человек, чтобы уклониться от боя. И тоже повел наш самолет навстречу.

Это был самый настоящий лобовой таран. Дело решали доли секунды. Зная характер Чкалова, я мог предположить только два варианта: или оба самолета разобьются, или немец в последний момент уйдет вверх или вниз. Третьего варианта, то есть того, что уйдет Чкалов, быть не могло. Но немец-то этого не знал.

На всякий случай я послал последнее «прости» все-му, что оставалось у меня на земле, и приготовился к самому худшему.

В. П. Чкалов — летчик Осоавиахима
1929 год

Но в последнее мгновение немец скользнул вниз. Тогда Чкалов заложил самолет в крутой вертикальный вираж, выйдя из которого, «сел на хвост» немца.

Дело в том, что в вертикальном вираже наш самолет приобрел дополнительную скорость и оказался в состоянии догнать самолет Беринга, у которого был более мощный мотор.

Мы сделали два круга на хвосте у немца. Он так и не смог от нас отцепиться. После его посадки Чкалов сделал еще один круг — круг победы, и только после этого мы приземлились.

Не успели мы подогнать самолет к ангару, как к нам примчался связной мотоциклист и потребовал «всех, кто на борту» к командующему ВВС товарищу Межраупу.

У Межраупа мы получили грозный разнос и приказ о пятнадцати сутках ареста.

Слушая этот разнос, я смотрел на Чкалова и еле сдерживался от смеха. Он стоял, опустив голову, как провинившийся школьник, и даже не пытался оправдываться. А когда Межрауп кончил нас разносить, Валерий Павлович робко сказал:

— Он первый начал...

— Это мы еще проверим, — сказал Межрауп и отпустил нас.

Пока мы были у Межраупа, с Берингом разговаривал начальник аэродрома. Он с упреком спросил немецкого летчика:

— Что же вы затеяли воздушный бой?

Беринг ответил:

— Хотел попробовать, как русский летчик выдержит легкий натиск такой машины. Я — старый, опытный летчик. И мне сели на хвост. Я очень удивлен. Это, наверное, ваш лучший летчик?

— У нас все такие, — лихо ответил ему начальник аэродрома.

Межраупу доложили по телефону о разговоре с Берингом.

«Юнкерс-13», на котором Чкалов выиграл воздушный «бой»

БУДНИЧНЫЙ ПОДВИГ

О том, как Валерий Павлович Чкалов пролетел под Троицким (теперь Кировским) мостом в Ленинграде, известно хорошо.

Об этом писали в рассказах о Чкалове, этот пролет показан в кинофильме «Валерий Чкалов». Но мало кто знает, что этот пролет Чкалова под мостом был не единственным в его жизни.

Не знаю, конечно, может быть, Валерий Павлович и несколько раз пролетал под мостами.

Но достоверно я знаю только о двух случаях.

Вот о втором я и хочу рассказать.

Правда, сам я очевидцем не был, в полете, во время которого это произошло, не участвовал. А рассказываю я об этом со слов другого чкаловского бортмеханика, Николая Николаевича Иванова, летавшего тогда с Чкаловым.

Николай Николаевич сейчас живет в Ленинграде, и я специально ездил к нему, чтобы уточнить некоторые подробности.

Так что за достоверность мы ручаемся оба.

Это было в ноябре 1929 года.

Шла горячая пора коллективизации.

Валерий Павлович получил задание: вылететь в Боровичи, там принять на борт агитатора и листовки и облететь труднодоступные из-за бездорожья районы. Летел Чкалов на самолете-амфибии «Ш-1». Посадка была возможна и на суше и на воде.

Задание Валерий Павлович выполнил хорошо, агитатор побывал во многих местах, и вот наступил день вылета в Ленинград.

Сейчас у нас уже хорошо научились предсказывать погоду, очень редко синоптики ошибаются. А тогда ошибки бывали частенько.

Ошиблись синоптики и на этот раз. «Дали» хорошую погоду. Чкалов и Иванов вылетели из Боровичей.

А примерно через час полета самолет попал в густой туман. Резко ухудшилась видимость.

Приказ об аресте был отменен.

При выходе с аэродрома мы встретились с Берингом. Его механик сказал Берингу, показывая на Чкалова:

— Вот тот летчик.

Беринг подошел к Валерию Павловичу. Мне бросилась в глаза булавка на галстуке Беринга, сделанная в виде свастики.

Беринг подал Чкалову руку.

Чкалов ответил на рукопожатие.

А надо сказать, что Валерий Павлович обладал чрезвычайной физической силой. Он, например, легко играл двухпудовой гирей, легко поднимал хвост «Юнкерса», что обычно с трудом делали три человека.

Так что можно себе представить, как Чкалов мог пожать руку.

Лицо Беринга перекошилось от такого рукопожатия. Он почти вырвал свою руку и, не попрощавшись, быстро ушел.

— Здорово мы ему дали перцу, — сказал Валерий Павлович.

И засмеялся.

— Что будем делать, Коля? Может, вернемся? — прокричал Валерий Павлович своему бортмеханику.

Николай Николаевич, прекрасно зная характер Чкалова, понял, конечно, что тот шутит, и поддержал шутку.

— Конечно, вернемся! В Ленинград!

Чкалов рассмеялся.

Скоро видимость стала плохой, и Чкалову пришлось вести машину вдоль железнодорожного полотна.

Плоскость стала покрываться льдом. Машина явно тяжелеела и неуклонно снижалась.

Амфибия уже летела на высоте 25—30 метров. С двух сторон железной дороги — лес. Не видно ни поляны, ни просеки — то ли их в самом деле не попадалось, то ли туман мешал увидеть.

Но вот уже настолько обледенела машина, что и повернуть стало невозможно, даже если бы и попалась подходящая поляна.

Вдруг Иванов закричал в ухо Чкалову:

— Провода!

Действительно, перпендикулярно железной дороге шла линия высоковольтной передачи, а самолет летел как раз на высоте натянутых проводов.

С большим трудом удалось Валерию Павловичу приподнять самолет над проводами.

Не успели перелететь одну высоковольтную линию — за ней вторая.

Перелетев ее, Чкалов крикнул:

— Больше ни метра! — то есть больше ни метра высоты не взять.

Внезапно начал вибрировать покрывшийся толстым слоем льда защитный козырек. Сначала чуть-чуть, потом все сильнее и сильнее. Отломился и отлетел кусок обледеневшего стекла, и сразу еще и еще. Николай Николаевич стал ломать стекло руками и бросать куски на землю, потому что боялся, что стекло может попасть в лицо ему и Чкалову.

Чкалов жестом показал Иванову: «Сажай на рельсы».

Иванов кивнул. Действительно, другого выхода не было.

И в этот момент впереди вырисовываются контуры железнодорожного виадука. Чкалов пытается поднять машину, чтобы перелететь виадук.

Не тут-то было! Машина не поднимается ни на метр, настолько она обледенела.

И затормозить нельзя — не автомобиль! А виадук — на носу.

И вот здесь побеждает высокая точность расчета и мастерство исполнения.

Ручку от себя! — последний шанс увеличить скорость самолета переходом в маленькое пики.

Почти касаясь рельсов, самолет идет под мост.

От конца плоскости до устоев моста оставалось по шесть сантиметров. А размах плоскостей — двенадцать метров.

Валерий Павлович выпустил лыжи. Одна лыжа уже скользнула по рельсу. Еще немного — и амфибия благополучно села бы на рельсы.

Но благополучия в этом полете так до конца и не было.

Вылетев из-под виадука, самолет задел плоскостью столб семафора. Машину резко развернуло влево, она ударилась о рельсы, и, таким образом, помимо воли летчика, приземлилась, только не вдоль железнодорожного полотна, а поперек.

Чкалов и Иванов отделались легкими ушибами, вылезли из самолета, размялись.

— Ну вот, теперь можно и покурить, — сказал Валерий Павлович и достал портсигар.

Но покурить не пришлось.

Раздался паровозный гудок.

Валерий Павлович и Николай Николаевич, оба физически очень сильные («два медведя в одной кабине» — шутили о них летчики), молча, не сговариваясь, подняли машину за хвост и потащили ее прочь с полотна.

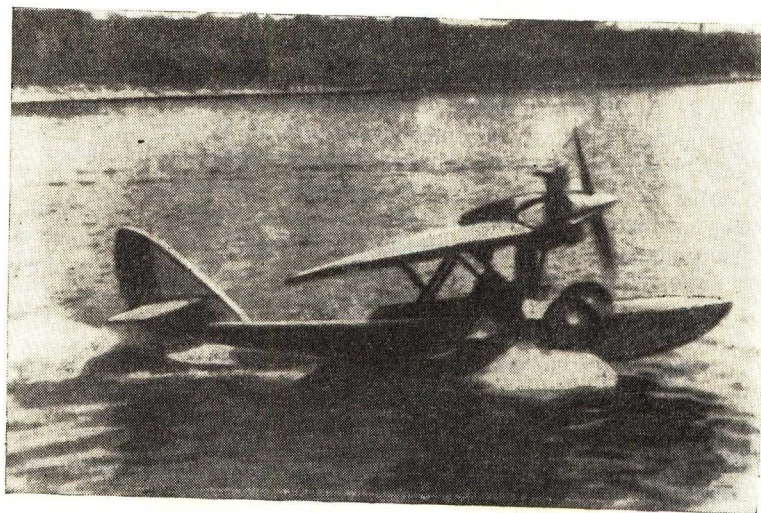
Показался товарный поезд.

— Николай, оставайся, я поехал за помощью, — Чкалов прыгнул на подножку товарного вагона с тамбуром для кондуктора и весело помахал рукой своему бортмеханику.

В. П. Чкалов (второй слева) в группе авиаконструкторов и летчиков.

Второй справа — В. Л. Зархи

Самолет-амфибия «Ш-1». На такой амфибии Чкалов совершил пролет под железнодорожным виадуком

ВНИМАНИЕ!

Стол отгадок (См. «Костер» № 6).

1. Яблоко	4. «Красный мак» — Р. М. Глиэр	7. Розы
2. Лавр	5. Каменный цветок	8. Персики
3. Лилия	6. Магеллан	9. Черные маки

Редакция продолжает получать письма с ответами. Спасибо!

Смотри страницу 27

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

ПОВЕСТЬ

Игорь Ефимов

Рисунки А. Колозубова

Глава 14

СНАРЯД

Я никогда бы не смог презирать Волкова, что бы он там ни сделал, как бы ни поступил. Я не мог ни разозлиться на него, ни обидеться как следует и мечтал только об одном: чтоб он, наконец, принял меня, пустил куда-то, куда и Котьку Деревянко, а меня — все нет и нет. Но как он мог принять? Он же не записывал ни в какие списки, не распоряжался куда-нибудь впустить или выпустить, я даже не мог бы к нему попроситься, если б решился по-честному. «Чего тебе?» — спросил бы он, и, действительно, чего мне от него надо? Были бы мы в ссоре, тогда проще всего предложить помириться, но он же со мной говорил, и играл, и ходил повсюду, даже как я его спасал в детском саду, вроде забыл, но все равно я чувствовал по разным мелочам, что он меня куда-то не принимает. То он переставал говорить с Котькой, если я подходил, или мог долго слушать меня, мои лучшие рассказы, которые всем нравились, смотреть мне в лицо и потом потрясти головой и сказать:

— Извини, я тут задумался и ничего не слышал. Ты расскажешь в другой раз, хорошо?

Или сам начинал мне что-нибудь сочинять, потом вдруг спохватывался и говорил:

— А, ладно. Давай лучше в ножички.

Будто он не предвидел от меня никакого интереса, будто знал заранее все, чего от меня можно ожидать. И я каждый вечер, лежа в кровати, смотрел в темный потолок и думал, какую бы мне выкинуть шутку, чтобы доказать ему наконец, чтобы он увидел и понял и оценил меня, но не мог придумать ничего, кроме разных мелких хулиганств, вроде рисовать кого-нибудь во сне зубной пастой

или закинуть на крышу чьи-то трусики — он этому никогда не смеялся.

Потом я уже дошел до того, что начал за ним следить. Я делал это без всякой цели, часто даже не хотел, но невольно высматривал, где он сейчас и что делает и нельзя ли к нему будто случайно подойти и сделать что-нибудь вместе. Но даже если вместе было нельзя, я все равно продолжал незаметно следить за ним, мне все про него было интересно, что бы он ни делал. Вот утро, все бегут к умывальникам, и он бежит босиком в толпе, тянет сам себя за шею полотенцем и тут же сам от себя упирается. Или сидит один за столовой, думает о чем-то на бидонах из-под молока, где у него было место для одиночества — подложил под себя тюбетейку и никто, никто ему не нужен. Или идет по лесу с Региной Петровной, и она ему что-то серьезно объясняет, а он говорит:

— Вы так думаете?

— Да, — отвечает она, — я думаю именно так.

— И я, — говорит он. — Я тоже буду теперь так думать. Вы меня убедили.

Окончание. См. «Костер» №№ 6—7, 1965 г.

А у меня он никогда не спрашивал, что я думаю и чего хочу, ему это с самого начала заранее было безразлично.

Однажды я выследил его в лесу на вырубленной поляне. Он стоял, задрав голову, среди пеньков, подбрасывал по одной черничине и ловил их ртом, клацал на лету зубами. Потом начал ловить ухом. Потом что-то услышал и пошел в сторону шоссе. Я незаметно пошел за ним. По пути он все трогал, что было в лесу, вырывал травинки, наматывал их на палец и пытался согнуть, но замотанный палец не сгибался. Теперь и я услышал явно не лесной шум и крики. Мы подошли к шоссе и в просвете увидели небольшую толпу чудиков из младшего отряда. Они окружили какое-то место на асфальте, топтали его ногами и колотили палками. Их расталкивал один с забинтованным горлом и кричал:

— Камнем трахну! Камнем! Пустите, дайте я его камнем!

— Эй, кого вы там? — спросил Волков, подходя к ним на цыпочках и заглядывая с вытянутой шеей.

— Да снаряд нашли, — ответил забинтованный и снова полез в середину.

— Стой! — закричал Волков. — Вы что?! Прочь, говорю! Дикари! Самоубийцы малолетние! Долой!

Он принялся их растаскивать, но они не поддавались, упирались изо всех сил и продолжали колотить. Они были хоть и маленькие, но уже очень нахальные и решительные, если толпой, то никому не подчинялись. Волков протиснулся между ними и подхватил снаряд на руки, но они вцепились в него, ломали ему пальцы, кричали и плакали, чтоб он отдал:

— Не ты нашел! Не ты нашел! — кричали они.

Тогда он вырвался и бросился бежать. Я тоже выскочил на шоссе и побежал за ним, а чудики прямо озверели, и я отцеплял их от Волкова, ставил подножки, расшвыривал, делал с ними все, чего нельзя делать с маленькими. Нам в спину стукались палки и шишки, неслись крики погони «не ты нашел! не ты нашел!», а мы мчались по булыжникам, потом свернули в незнакомый лес, выбежали на луг с крохотными коровами вдалеке, и тут Волков вдруг оглянулся и закричал на меня:

— Стой там! Не подходи.

И сам тоже остановился.

Мы стояли теперь шагах в тридцати друг от друга, облизывались, вытирали пот и громко дышали.

— Ты что? — крикнул я. — Брось его сейчас же.

Он замотал головой и ничего не ответил. Он прижимал снаряд, как полено, а рубашка его была вся в раздавленной чернике и с оторванным карманом. Я видел, что ему теперь страшно пошевелиться. Лицо у него тряслось точь-в-точь как у мальчишки со змеей в том фильме.

— Волков, ну чего ты, Волков? — позвал я. — По нему же палками колотили.

Он что-то сказал, но я не расслышал.

— Чего?

— Не кричи так, — повторил Волков. — Там все теперь на волоске. Уходи, пока не поздно.

— Я не уйду. Без тебя я не уйду, слышишь? Идем вместе.

Он снова замотал головой и глотнул, но ничего не смог выговорить. Снаряд был ржавый и с острым носом, и я представил себе, как раздастся взрыв, потом эхо от взрыва, и снова станет тихо-тихо, ничего кругом не изменится, ни в лесу, ни в поле с коровами, ни в лагере, а нас уже не будет.

Это было не страшно, но очень удивительно.

— Скажи Боярской, пусть она не думает! — крикнул Волков. — Я не нарочно.

— Волков, — завопил я. — Кончай, Волков! Кинь его в сторону и уподи. Прошу тебя. Или положи и быстро уйдем, он не успеет.

— Беги скорей, — сказал Волков, — он уже тикает.

И тогда я повернулся и с криками «на помощь! на помощь!» бросился обратно в лес.

И вот мы стоим за деревом, я и Регина Петровна, и смотрим в поле, где виднеется одинокий Волков в тюбетейке и со снарядом в руках, а к нему от нас быстро идет Коминтерн Сергеевич и на ходу подбадривает его какими-то возгласами и

командами вроде: держись, пятки вместе — носки врозь, не бойся. Регина Петровна в отчаянии кусает себе бусы и пальцы, а свободной рукой прижимает меня к дереву, будто хочет спасти хотя бы меня. Я смотрю из-под ее руки и вижу, как они встречаются там вдалеке, и Коминтерн Сергеевич осторожно отнимает у Волкова снаряд. «Уходи», — показывает он ему рукой в нашу сторону. Волков идет к нам. Регина Петровна выбегает ему навстречу, тащит в лес, в укрытие, и тут накидывается дергать его и обнимать, вытирать лицо, заглядывает в глаза, в рот, в уши — не верит, что Волков цел, что все у него на месте. Незаметно подходит

Коминтерн Сергеевич. Он подкидывает в руках снаряд и успокаивает нас издалика.

— Не бойтесь, не бойтесь, — говорит он. — Это болванка, бронебойная. Она пустая, не взрывается — чистый металл.

Тут на меня от радости и облегчения нападает дикий смех, я хохочу, прыгаю перед Волковым, кривляюсь и кричу:

— Ха-ха, тикает! На волоске! Передай Боярской, что сейчас взорвется! Кто же там тикал? А? У-ха-ха-ха, помираю!

И тогда Волков закрывает лицо руками и бежит в лес, а Регина Петровна за ним, и я смотрю им вслед, и мне все еще кажется, что все обошлось и ничего страшного не случилось.

Глава 15

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИ

На следующий день Волкова благодарили перед всем лагерем и всячески восхваляли за смелость и спасение малолетних чудиков от снаряда. Регина Петровна наградила его книгой «Дети герон», но он почему-то не хотел брать, отталкивал и пытался несколько раз убежать, и его каждый раз вовремя ловили и ставили на место перед строем. Коминтерн Сергеевич сказал потом, что напишет о нем стихи в газету.

Зато со мной все было кончено. Каждый раз теперь, как я появлялся поблизости, Волков отворачивался, замолкал или открыто уходил подальше, так я был ему, наверно, ненавистен за то, что смеялся тогда от радости, а он думал, что над ним. Он довел меня до того, что я уже сам старался не показываться ему на глаза, пусть живет спокойно и не нервничает из-за своего тонкого достоинства, а у меня тоже есть свое не хуже. Я решил, что ни за что не стану к нему больше набиваться и не подойду, а буду жить в стороне своей спортивной жизнью.

Мы теперь тренировались каждый день очень много, развивая силу и глазомер, и я уже почти не уставал, только по утрам мускулы на руках и ногах болели под одеялом. Мой инстинкт работал безотказно, дядя Павел был бы очень доволен. Я мог поймать любой мяч, который пролетал мимо меня по земле или навесом, даже у самой штанги. Только под ноги я боялся падать за ним, боялся доставать из свалки, пока Коминтерн Сергеевич не научил меня, как это делается — надо падать между мячом и ботинками нападающих, а смотреть только на мяч и в последний момент поворачиваться спиной вперед, тогда ничуть не страшно. Мне так понравился этот прием,

что я на тренировках принялся бегать по всему полю и где попало кидался ребятам под ноги, а они падали через меня, а Коминтерн Сергеевич успокаивал их и говорил, что «ничего, ничего — так и надо, пусть потренируется». У нас в команде были отличные ребята, знаменитые футболисты — Шурик Романов, например. Он был очень коварный, всегда целился в правый угол, а потом вдруг поворачивался и бил в левый. Так что я уже заранее бросался наоборот. Мои ворота были сделаны из жердей и тряслись от его ударов, а с верхней штанги отлетали на меня кусочки коры, и штанга еще долго качалась каждый раз, поднималась вверх-вниз, как струна.

Потом наступил последний день и праздник закрытия лагеря. После обеда со знаменем и барабаном к нам в гости пришел вражеский лагерь текстильщиков, у них было все точно такое же, как у нас — знамя, барабан и галстуки, и все-таки они были совсем другие, не наши. Когда мы уселись вокруг стадиона, они с одной стороны, а мы напротив, и я оглянулся на своих, все они вдруг показались мне незабвенными друзьями, даже самые противные, которых я раньше не выносил, выглядели теперь гораздо лучше и нравились мне, потому что они были наши. А когда начались соревнования в прыжках и беге, и я увидел, что по дорожке бежит текстищик и его изо всех сил обгоняет сам Волков, у меня защипало в глазах, такой он был наш, и я мог незаметно кричать и надрываться со всеми:

— Волков, давай!

— Дава-а-ай, Волков!

И от наших криков Волков так рванулся вперед на последних метрах, что голова его не успела, откинулась, отставая, за спину, ноги

замелькали и он налетел на ленточку, вырвал ее у державших и с разгона убежал далеко в лес с ленточкой на груди, так что никто не мог его поймать и пришлось натягивать новую, другого цвета.

А потом был футбол, и я был наш вратарь. Какое это счастье — быть нашим вратарем, а не их, как я жалел их вратаря — несчастного текстильщика в белой кепочке. Шурик Романов сразу же забил ему коварный гол в правый угол, и пошло, и пошло! Только первый раз мне было немного страшновато, когда они бежали на меня втроем, чужие и неизвестные, стучали ботинками, и нужно было бросаться им под ноги, а уж потом ничуть. Они все трое перелетели через меня вверх тор-машками — видно, не ожидали никак такой наглости. А я вскочил, выбил мяч далеко вперед, и там Шурик Романов вколотил им второй гол — для него это сущие пустяки. Я бегал по всей штрафной площадке, кидался под ноги своим и чужим и потом прогнал защитников в нападение, чтобы не мешали. Теперь наши забивали им голы всей толпой. Один раз я все же промахнулся, выпустил мяч из рук, и текстильщик побежал, чтобы добить его в мои ворота — это был очень опасный момент, но и тут обошлось. Я успел схватить его руками за майку, хоть это и нельзя, и пощекотал в последний момент — конечно, он от смеха промазал. Судья назначил мне одиннадцатиметровый за хулиганство, но их текстильный капитан так злился, целился попасть не в угол, а прямо мне в лицо, побольнее, пристально смотрел в глаза и попал ногой по пустому месту — так ему и надо.

Была полная наша победа, разгром врагов — не помню, сколько мы им забили, а я не

пропустил ни одного. Девочки прибежали на середину поля, когда кончился матч, и засыпали нас букетами цветов, мы еле держали их двумя руками, шли и не видели, куда идем. За чертой в ауте нас подхватили на руки и начали подбрасывать, мы подлетали, рассыпая цветы, снова падали, снова подлетали, а я все смотрел вниз, искал глазами Волкова, но все лица были одинаковые, поднятые вверх, и я никого не узнавал. Может, его там и не было. Я бы отдал всю свою славу и букеты, только бы он один вышел откуда-нибудь ко мне и сказал: «Ну, ты дал сегодня, Горбачев, ну, ты и дал», — или что-нибудь в этом роде, а я бы ответил: «Да ну, это пустяки, просто они играть не умеют, а вот ты, действительно, неплохо рванул под конец». Но он так и не подошел ниоткуда.

Только вечером, когда начался прощальный концерт у костра, я увидел его в толпе зрителей впереди себя. Теперь уже не было наших и текстильщиков, все сидели вперемешку, вместе смотрели на костер, на небо, куда огонь улетал по кускам, на выступавших, хлопали и смеялись, и невозможно было отличить, какой из двух барабанов наш, а какой — их. Я все ждал, когда будет выступать Волков, но он так и не стал — наверно, ему скучно было готовиться заранее и репетировать. Он сидел рядом с Боярской и, кажется, выступал для нее одной, а она смела его не слушать, вертелась по сторонам и примеряла какие-то позолоченные короны и звериные маски. Потом еще достала где-то страусовое перо и принялась засовывать его себе в волосы — это длилось довольно долго, и мне казалось, что давно бы уже перо должно упереться, должна начаться голова, но она все не начиналась.

Я смотрел на них и не видел ничего смешного из выступлений, не смеялся, мне было непонятно, как он может сидеть не со мной, а с этой Боярской, над которой сам же столько раз измывался. Я уговаривал себя, что и пусть, и не надо мне ничего, ведь меня приняли в нашу команду, и я теперь такой прославленный вратарь, а он пусть сидит, где хочет, уже недолго осталось, завтра мы вернемся в город и разведемся навсегда, но только я подумал об этом, и сразу же сами собой потекли мои удивительные внутренние слезы,

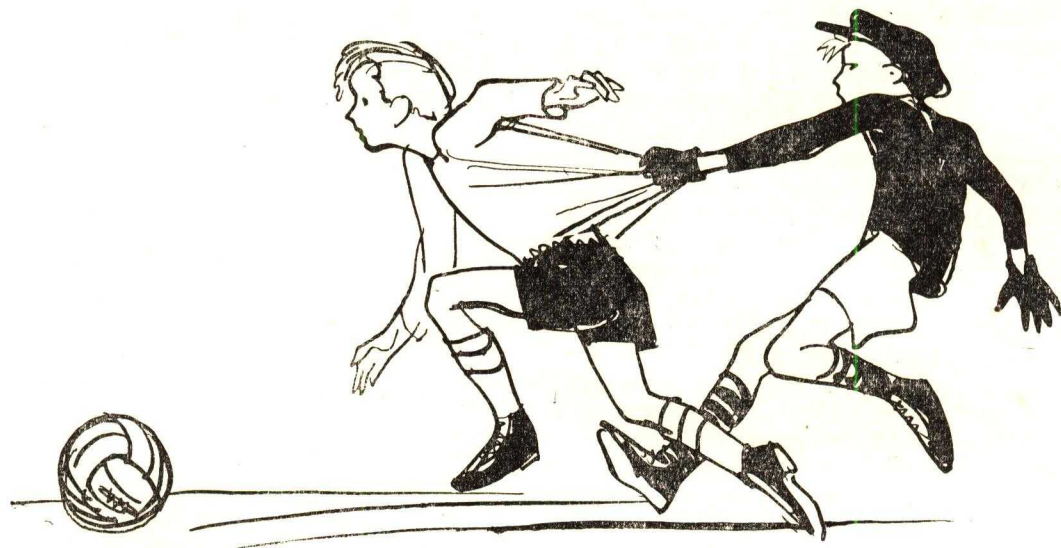

которые текут у меня, к счастью, не из глаз, как у нормальных людей, а где-то внутри, стекают, соленные, прямо в горло, и их можно потихоньку глотать, так что никто ничего не заметит.

Перед костром пели три обнявшиеся девчонки, их песня называлась «Вальс на сопках Маньчжурии», и все наши и не наши подпевали им потихоньку тот же самый вальс, костер ярко светил на лица, на деревья, кругом,

житься со мной, а я бы тебя не оставил в беде... Ты не хотел подружиться со мной, а я бы тебя не оставил в беде...»

Больше я его не видел, даже на следующий день, в поезде он попал, наверное, в другой вагон, а на вокзале была давка, нас встречала толпа родителей, и только когда мы шли уже с мамой к трамваю и мама обнимала меня и восхищалась, как я вырос и поправился, мимо вдруг пробежал Котька Деревя-

и было видно, как шевелится от ветра шелуха на сосновых стволах, а выше и дальше начиналась уже неосвещенная темнота. Мне очень нравилось, что поют такой грустный вальс, специально для меня, и обнимаются грустные девчонки, и шумит такой грустный ветер.

«Друг мой, прощай навсегда, навсегда, навсегда, — думал я на мотив вальса. — Мы не увидимся больше нигде. Ты не хотел подру-

вянко и с вечной своей деревянковой бессловесностью сунул мне в руки какой-то сверток.

Я развернул его — это была книга «Дети герои».

На первой пустой странице был нарисован взрыв, а сверху карандашом написано: «Боря Горбачев, ты сам знаешь, что эта книга попала ко мне неправильно — возьми ее у меня на память. Твой друг Волков».

Глава 16 ПЕРЕМНЫ

Сколько новостей случилось дома, пока я был в лагере, сколько событий! Они наверняка специально ждали моего отъезда, чтобы случиться назло без меня, я всегда был на них невезучий. Стоило мне где-нибудь зазеваться или посмотреть в сторону, как сразу же за моей спиной что-нибудь случалось, и все кричали: «Смотри, смотри скорей, да куда же ты смотришь! туда гляди! эх, ты, не видел!» И теперь я тоже не видел, как пришли в разру-

шенный дом наши солдаты, как они в два счета достроили его до последнего третьего этажа, как экскаватор прорыл траншею до конца нашей улицы, как ее потом засыпали всем песком из моей горы и как в наш дом привезли новенькие газовые плиты — белые с черной крышкой.

Толик Семилетов никуда не уезжал, он все это видел и рассказывал мне с отличными подробностями, как он умел, а еще он сказал,

что Бердя забрала в милицию за музыкальные инструменты и хотели еще забрать Мишу Фортунатова вместо свидетеля, но родители его не пустили и с перепугу отправили в деревню исправляться, а от чего исправляться — так и не сказали. Потом незадолго до моего приезда приходил Сморгыга, искал меня как изменника и запретил всем ребятам с нашего двора ходить в Таврический сад — не то налетит со всей шайкой-бандой и не знаю, что делает.

«Ну, ладно, — уговаривал я себя. — Можно ведь прожить и без Таврического сада. Что такое сад по сравнению с лесом, в конце-то концов? Огороженный кусочек, полно народу и взрослых, цветы не рвать, по газонам не ходить — кому это интересно».

Уж очень мне не хотелось снова вступать в шайку-банду, даже думать о них было противно. Мы с Толиком ходили в школу и домой не через сад, а по улице мимо ограды, это было немного скучно и немного стыдно, но никто не знал, а сами мы никогда не говорили об этом, сворачивали от ворот, не сговариваясь.

Один раз мы все же увидели их в глубине. Это было уже осенью, когда падали листья с кустов, и сквозь прутья стали видны все далекие аллеи, скамейки и голубые киоски и белые точки на крышах — изоляторы с проводами. Сначала я заметил вдалеке красное пальто среди желтых листьев, а потом и девочку внутри него — она сидела на скамейке и читала книгу. Я смотрел только на нее (просто люблю красное на желтом) и не заметил, откуда вдруг появились Сморгыга и Сережа-Вася — они пришли и сели на ту же скамейку, на другой конец. Издалека было неразобрать, что они там делали или сказали ей, только вдруг она вскочила, шагнула на них, потом закрыла лицо книгой и бросилась бежать прочь, не разбирая дороги, прямо по листьям, через кусты — до самого выхода ее бегущее пальто мелькало среди деревьев. А эти двое остались, посмеиваясь, на скамейке и делали вид, будто они ничего такого, ни в чем не виноваты. Толик тоже все это видел и сказал, что они теперь всегда так — не хулиганят открыто, а исподтишка делают страшные подлости, а потом сидят как ни в чем не бывало. Или натянут вечером тонкую проволоку между деревьев и ждут в стороне, чтобы кто-нибудь упал. Это для них самое большое удовольствие, лучше цирка.

— Если бы их сфотографировать в это время, — сказал он, — и напечатать в газете, тогда бы они узнали. А так ничего с ними не поделаешь».

Он теперь увлекался фотографией и считал, что это великая сила. Я видел его снимки, на них всегда было одно и то же — какие-то люди идут по улице, садятся в автобус, дают друг другу прикурить. «Кто это такие? — спрашивал я. — А это кто? А это?» Но он не знал. Это все были совершенно не знакомые ему люди.

— Зачем же ты их снимаешь? Только пленку зря тратишь. Снял бы лучше Таврический сад или наш дом, чтобы можно было узнать. Ты просто обязан снять наш дом на память.

— Да он ведь и так стоит, никуда не девается. Вышел и смотри. А эти люди сели в автобус и уехали, и нет их навсегда. И автобуса тоже нет.

— Ну и что?

— А у меня есть — вот видишь.

— Да пусть бы уехали — что тебе, жалко, что ли?

— Вот именно что жалко. А тебе неужели нет?

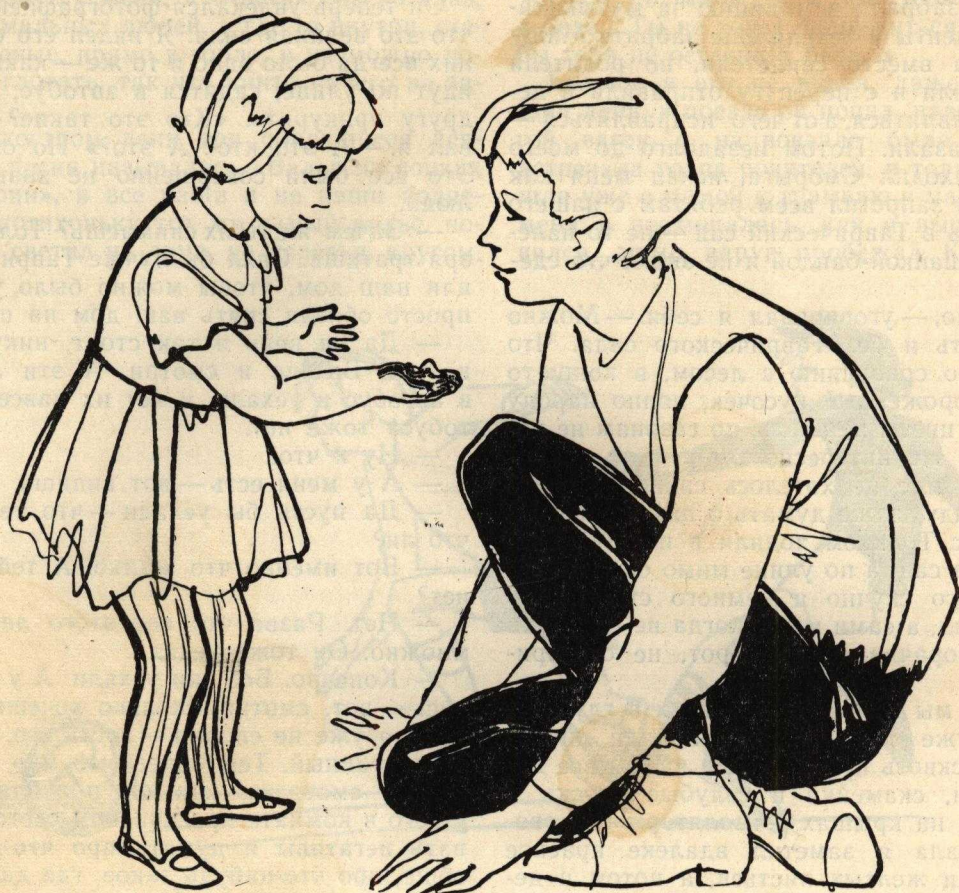
— Нет. Разве что вот этого летчика. Немножко. Он тоже уехал.

— Конечно. Все они уехали. А у меня остались — вот, смотри, сколько хочешь.

Но я уже не спорил — пусть его, раз он такой странный. Тем более, что мне очень нравилось смотреть, как он проявляет, сидеть у него в комнате при красном свете, развешивать негативы и думать про что-нибудь вообще, про что-нибудь такое, где даже не обязательно был бы я. Например, про паровоз, про пар, который его, конечно, движет, неважно, веришь ты в это или нет; про Отечественную войну, воронки и бронебойные снаряды или про людей на негативах — они все были, как седые негры в белой одежде, и уезжали, уходили, убегали — действительно, куда они все? С Толиком приятно было помолчать и подумать так в тишине, и никто нам не мешал. Даже его мама не входила в комнату без стука, всегда спрашивала: «Толя, к тебе можно?» И если нельзя, то она слушалась и уходила. Она тоже очень нравилась мне, такая приветливая, и не лезла с расспросами.

А дома у нас совершенно некуда было спрятаться, и это надо было терпеть, пока не придет папа. Он прислал письмо, что вернется насовсем к Новому году, и тогда мы переедем в новую квартиру и будем жить все вместе — я почему-то был уверен, что новую квартиру нам дадут в отстроенном доме напротив. «Папа, приезжай скорее, а то я за тебя совсем и не смогу узнать, когда ты войдешь», — так я ему написал.

В общем-то, все они жили теперь довольно дружно, мама, Ксения Сергеевна и Надя, не

говоря уже про Катеньку. Обедали все вместе, по очереди готовили и покупали, давали друг другу поносить свои платья и кофты, а Катенька каталась по земле в моем старом пиджаке, который теперь считался ее пальтишком. Однажды она принесла мне в подарок какую-то паршивую гусеницу — я хотел ее тут же выкинуть и раздавить, потом спохватился и тоже начал врать ребенку, что это, мол, редчайший экземпляр, раньше водился только в Австралии и тра-ля-ля, какой она молодец, что первая нашла ее и поймала. Она была очень довольна, а мне что — мне не жалко.

Но все равно, это хуже нет, если нельзя остаться дома одному, когда захочешь (только залезть с головой под одеяло). Особенно, если у тебя есть дорогая вещь, которую другим нечего цапать и смотреть, я говорю про книгу, которую подарил мне Волков и которую я, как приехал, спрятал высоко на буфет — больше у меня не было никакого своего места. Но на буфете она пролежала два дня, а на третий дома была повальная уборка, и когда я

пришел из школы, то застал страшный разгром, а под потолком увидел Надю — она стояла рядом с буфетом на вершине лестницы-стремянки с мокрой тряпкой в руке и читала мою книгу.

— Нельзя, — закричал я. — Отдайте!

Надя чуть не свалилась от моего крика, быстро спустилась на несколько ступенек ниже и спросила:

— Что ты? Что с тобой?

И действительно, с чего это я? Но книгу все же отдала, и я забегал по комнате в поисках безопасного места. Из-за уборки и разгрома открылись самые темные и неисследованные углы, я выждал момент, когда все отвернутся, и спрятал завернутую книгу за спинку дивана. Туда уж никто не сунет носа, думал я. Но в тот же вечер Катенька уже играла с ней на полу, делала из нее домик для резиновой лягушки. А потом еще, через неделю, был случай, когда Ксения Сергеевна ставила на нее чайник. И тогда я понял, что нет другого спасения, как носить ее все время

с собой и в школу, и в кино, и на экскурсию, и в магазин, если пошлют. Я носил её в портфеле, или в сетке, или просто в руке, и скоро все начали приставать ко мне, что это за книга и зачем я с ней вечно таскаюсь, не хочу ли я показать, что стал очень умный и нельзя ли дать почитать, но я не давал. А потом и приставать перестали, привыкли. Только однажды я слышал, как двое учителей разговаривали обо мне, и один сказал:

— Боря Горбачев? Это тот мальчик, который всегда с книгой?

— Вот-вот, это именно тот мальчик, — ответил другой.

— Ну, как же, я его отлично помню.

Теперь у меня тоже была примета, как у других. Длинный, толстый, рыжий, а я был «тот, который с книгой». По-моему, это ничуть не хуже — во всяком случае, я был не против.

Глава 17

ФИЗИКИ, ЗА МНОЙ!

Теперь, лежа в гостях у Толика на диване, я часто думал не о себе, не о своих делах и знакомых, и это было ничуть не скучно. Больше всего мне нравилось размышлять о всяких явлениях природы, которые существуют и обходятся вполне без меня и других людей, и никто с ними ничего не может поделать, а только изучить и потом использовать их, как могучих прирученных животных. Я и раньше увлекался такими мыслями, например, о дождях, облаках и паре, тогда, в поезде, но не знал еще, что все это называется физика, что это можно будет проходить в школе, и потом в институте, и потом, может быть, даже самому открыть чего-нибудь, пускай совсем крохотное, но чего никто до тебя не знал. Наш новый физик Игнатий Филиппович обещал нам совершенно твердо, что каждый, любой из нас, сможет что-нибудь открыть в своей предстоящей жизни, если только не будет бояться непонятного.

— Непонятное! — восклицал он вдруг посреди урока. — Беспредельный океан непонятного! Не нужно бояться его, не нужно закрывать глаза от страха и делать вид, что его нет, а все уже известно. Смелее! Спускайте на воду корабль своей мысли — и вперед! Вы увидите невиданное и услышите еще никем неслыханное, вас ждет великое счастье открытий, и как моряки не могут не полюбить море, вы не сможете не полюбить этот океан — непонятного, непознанного. Чувствуете ли вы трепет и восхищение перед ним, захватывает ли ваш юный дух его беспредельность?

Я чувствовал трепет и восхищение, и дух у меня тоже захватывало, когда он говорил — никто в классе не мог слушать его равнодушно. На вид он был совсем неинтересный, старенький и невысокий, как раз подходящий для того, чтобы с ним не считаться и делать, что хочешь, но это только на вид. Мне бы и в голову не пришло на его уроках болтать, или читать из-под парты, или даже думать

про что-нибудь другое, кроме физики, он заставлял слушать себя и смотреть, не отрываясь, как в бинокль.

— Вот я рисую круг, — говорил он, — круг человеческих знаний. Они растут, наука стремительно развивается вперед, круг увеличивается, но что же? Вместе с ним увеличивается и протяженность этой белой линии, этой границы, отделяющей известное от неизвестного, понятное от непонятного — познание беспредельно! Чем больше мы узнаем, тем больше возникает вопросов. Зачем же тогда все старания, спрашивают робкие духом, зачем отдавать жизнь тому, что не имеет конца? А затем, отвечают им сильные и смелые, что в этом непрерывном открывании и состоит наша жизнь, что человек не может иначе. И лучшие, гениальнейшие умы отвоевывают для людей все новые и новые пространства неведомого — вот так! вот так! и вот так! — и он бросался пририсовывать со всех сторон к кругу знаний длинные, как у подсолнуха, лепестки, а потом обводил их новым, увеличившимся кругом.

После его рассказов я уже не мог учить физику, как обычный школьный предмет, я читал учебник подряд, где задано и где нет, перечитывал, как интересную книгу, и решал незаданные задачи для собственного удовольствия. Если бы меня спросили, я бы мог ответить за несколько уроков вперед, но Игнатий Филиппович никогда не вызывал к доске, он сам был довольно веселый, и ему скучно было слушать, как мы бубним по учебнику то, что задано. Вместо этого он и заставлял нас быстро спорить друг с другом перед всем классом на физические темы, а тем, кто спорить стеснялся, раздавал задачи на листочках — у него всегда были полные карманы задач.

— Сегодня мы поспорим о законе Архимеда, — говорил он, например, в начале урока. — Что это еще за выталкивающая сила воды? Должно быть, вздор. Я сам два раза

тонул, камнем шел на дно, и никакая сила меня не вытаскивала. Кто это может подтвердить?

— Я, — вставал кто-нибудь. — Я тоже тонул, как камень.

— Итак, тонет ваш товарищ. Что вы бросите ему, какие из видимых предметов нашего класса, чтобы он мог спастись? Свистунов.

— Парту.

— Хорошо, садись. Березин?

— Доску.

— Неплохо, молодец. Савушкин.

— Двери и окна.

— Но-но, полегче. Горбачев?

— Лампочки.

— О! Интересно.

— Нет, не хочу, — кричал тот, кто тонул. — Я против, я захлебнусь вместе с его лампочками! Зачем они мне?

— Да не бойся ты, они же пустые. Удельный вес!

— А стекло?

— А ты умножь на объем.

— Но там железки!

— Так и эсминец железный.

— У эсминца водоизмещение.

— И у лампочки водоизмещение.

— Ха-ха, у лампочки!

— Да-да, у лампочки!

— Ты что, спятил?

— А тебя что, акула укусила?

— Игнатий Филиппович!

— Спокойно, спокойно, — говорил Игнатий Филиппович. — Сейчас проверим.

Он доставал широкую мензурку, и мы тут же делали опыт — измеряли водоизмещение лампочки. Вообще, опытов он показывал очень много. По несколько десятков на каждый закон, ему они, видимо, доставляли большое удовольствие, но для нас он объяснял так, будто просто нужно во всем сомневаться, никому не верить на слово, даже великим гениям — мало ли что они могли там наоткрывать.

— Горбачев, — вызывал он меня (он, вообще, часто меня вызывал). — Ты веришь в атмосферное давление?

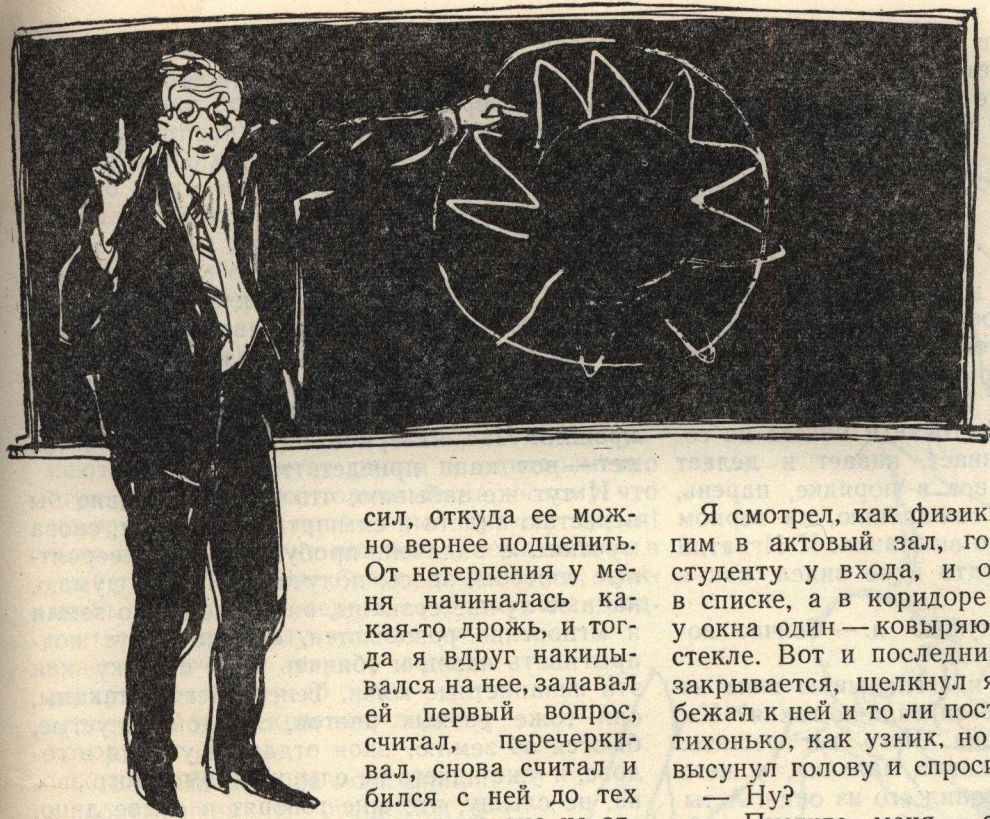
— Нет, — отвечал я с восторгом. — Ни за что. Не верю, и все тут.

— И правильно, — всегда сомневайся, не склоняй голову перед авторитетами. Давай-ка сейчас вместе разоблачим этого великого итальянца Эванджелисту Торричелли. Что он мог там открыть в своем темном средневековье, какое еще атмосферное давление, которого и не чувствует никто, если даже телефон и автомобиль были ему неизвестны. Бедняга!

И мы принимались разоблачать Эванджелисту, выкачивали воздух из банки с резиновой крышкой, и, конечно же, ничего у нас не выходило, атмосферное давление тотчас показывало всю свою силу, продавливало и выгибало крышку внутрь до того, что натянутая резина начинала светиться, и все видели, насколько прав был великий Торричелли — недаром на него тратил время его учитель Галилей. А после него, после Торричелли, другой физик продолжил дальше, изобрел барометр и научился предсказывать погоду по атмосферному давлению — Блез Паскаль из Франции. Этот был уже такой гений, что трудно представить, что бы он натворил в наши дни с телефоном и электричеством в руках — страшно подумать.

После первой четверти меня приняли в физический кружок, в группу экспериментаторов. Но там были все старшеклассники. Они делали опыты с маятниками или радиоприемниками, а я их еще не понимал, — у меня просто глаза разбегались от непонятности. Я пытался читать их учебники, но пока я дочитывал про то, что они делали, они уже кончали и переходили к следующему, и мне приходилось одному повторять все сначала. Зато какое это было наслаждение, если рассчитать все заранее, например, высоту столба ртути трубки № 5, и потом смотреть, как она там поднимается, ползет, переливаясь, все выше к сосчитанному делению, и даже упрасивать, умолять ее про себя — ну, ртуть, ну, миленькая, давай же, давай. И вот она, наконец, доползет и останавливается точно-точно — просто чудо какое-то, хотя, на самом деле, чудо было бы наоборот, если б она посмела не доползти, нарушила законы природы. Я поражаюсь иногда, откуда эта бессловесная ртуть, каждая ее капелька, да и другие неодушевленные предметы — откуда они так точно помнят все законы природы и так уверенно выполняют их все сразу — и притяжения, и сообщающихся сосудов, и давления, и капиллярности. Даже человек не может их все узнать и как следует запомнить, а предметам это ничего не стоит, они подчиняются, и им даже не нужно времени, чтобы подумать, вот такая штука.

Но больше всего мне нравились задачи, я уже с первого взгляда умел отличить стоящую задачу от пустяковой и откладывал в сторонку в мозг ее условие, не пускал себя думать о ней сразу. Я будто забывал о ней совсем, зевал, делал вид, что вспоминаю совсем о другом, о лагере, например, о Волкове, и даже не замечаю, что это у меня тут такое лежит, ждет не дождется, а сам краем глаза все ко-

сил, откуда ее можно вернее подцепить. От нетерпения у меня начиналась какая-то дрожь, и тогда я вдруг накидывался на нее, задавал ей первый вопрос, считал, перечеркивал, снова считал и бился с ней до тех пор, пока она не открывала своего решения. Некоторые задачи раскалывались сразу, стоило только найти к ним верный подход, другие, наоборот, приходилось решать пункт за пунктом, отколупывать, как скорлупу от грецкого ореха, и я даже не могу сказать, которые из них были лучше. Игнатий Филиппович приносил мне все новые и новые и часто хвалил за трудолюбие, а я не сознавался, что для меня в этом уже нет никакого труда, а одно сплошное удовольствие, что-то я не слышал, чтобы кого-нибудь когда-нибудь в жизни хвалили за удовольствие, поэтому и молчал.

А потом я случайно узнал, что в воскресенье в школе будет олимпиада старшеклассников. Меня никто не звал, но я не мог пропустить такое событие — там собирались самые сильные ребята со всего района, лучшие умы. Я ходил между ними по коридору, стараясь не толкнуть, и осторожно подслушивал, о чем они говорили между собой, хотя мало чего понимал. Уже по лицам было видно, насколько они умнее меня. Я спросил у одного, самого низенького, из какого он класса, и он ответил с презрением, что, вообще-то, из восьмого, но ему непонятно, что я хочу сказать этим вопросом, что мне, вообще, здесь нужно.

— Да не нервничай ты так, — сказал я. — Бывают и пониже тебя, — но поскорее отошел,

чтобы не раздражать его в такой момент.

Скоро в коридор вышли студенты из университета, бывшие ученики, которые теперь всеми распоряжались, и начали по очереди вызывать участников:

— Математики, заходи!

— Химики, сюда!

— Физики, за мной!

Я смотрел, как физики уходят один за другим в актовом зал, говорят свою фамилию студенту у входа, и он кивает и отмечает в списке, а в коридоре уже пусто, и я стою у окна один — ковыряю зеленую трещину на стекле. Вот и последний зашел, вот и дверь закрывается, шелкнул язычок — тогда я подбежал к ней и то ли постучал, то ли поскребся тихонько, как узник, но студент услышал. Он высунул голову и спросил:

— Ну?

— Пустите меня, — сказал я. — Я тоже... Можно и мне попробовать?

Он посмотрел на меня с грустью и вышел ко мне в коридор.

— Зачем? — сказал он. — Зачем ты хочешь это сделать? Не входи сюда, ты еще так молод.

— Да вы не думайте, я сумею. Я и за девятый класс однажды решил.

— Нет, ты не знаешь, что тебя ждет. Посмотри на меня — на кого я стал похож.

Он был похож на одного гребца с плаката, только не веселый.

— Вот, видишь. Скажи лучше, что ты больше любишь — лапту, футбол или коньки?

— Но я только попробую. Не решу так не решу.

— А если решишь? Ты можешь решить — вот в чем весь ужас. Тут она тебя и затащит.

— Кто она?

— Проглотит целиком, как и многих уже до тебя. Без отпусков и выходных. Нет, нет, иди поиграй еще, побегай, пока не поздно.

— Да я не хочу. Я, правда, наигрался уже. Мне обязательно нужно — пустите меня, а?

— Безумец, — сказал он задумчиво. — Мне дана власть не пустить тебя силой, но я эту власть не люблю и пользоваться ею не стану, я сделаю вот что — держи!

Он сунул мне в руку исписанный квадратик картона.

— Это задача. Если ты решишь ее — будь по-твоему. Если же нет... Но должен сказать заранее, что ты ее не решишь. Ты можешь возразить, что так не честно, что у тебя нет

выбора, и, значит, я опять применяю силу, но, в конце концов, все это для твоего же спасения. А теперь входи.

И он впустил меня в зал.

Глава 18 МОЙ ДОМ

За окном идет снег, из-за него на улице все только белое или черное, один ящик для писем синий. А я сижу на последней парте в чисто вымытом зале и смотрю куда угодно, только не вниз, не на задачу. Студент ходит по проходу, заглядывает в листочки и ничего не говорит, только подмигивает, кивает и делает грустное лицо — мол, все в порядке, парень, двигай дальше, ты, к сожалению, на верном пути. На меня никакого внимания. И Игнатий Филиппович тоже — будто и не видел, как я вошел.

«Ну, ладно же, — думаю я. — Сейчас посмотрим».

Я набираю воздух и взглядываю вниз на квадратик. Что же это за задача такая? Уж слишком проста на вид. Чего тут решать: «На восьмом этаже живет мальчик, у него есть синий мяч, и он уронил его из окна. А ты живешь на четвертом, у тебя есть красный. И спрашивается, в какой момент ты должен его выронить, чтобы оба они — и синий, и красный, одновременно стукнулись об землю?» Чего же проще? В тот самый момент, когда синий просвистит у меня над ухом. То есть, конечно, я могу не успеть, или, наоборот, поторопиться, но это уже условность, в задаче так разрешается — условно предположить, что я сумею уронить тютелька в тютельку.

Я достаю чистый листок и начинаю подсчитывать, как это все получится по формулам. Но по формулам почему-то не получается. Может, я взял не те? Но какие же тогда? Других нет. Закон всемирного тяготения, сила тяжести, Исаак Ньютон — все верно, все на месте, ничего другого здесь и быть не может. А вдруг он был не прав, Исаак Ньютон, вдруг ошибался? Ведь говорил же нам Игнатий Филиппович, чтобы мы как можно больше сомневались, ничему бы не верили на слово, правда, он говорил, чтобы в первую очередь сомневались в самих себе — может, это я не прав, а не Ньютон. Я начинаю думать сначала. Мячи летят мимо этажей, стучаются об землю, подскакивают, красный и синий, синий и красный, то один, то другой, то раньше, то позже — падают, подскакивают, падают...

Через парту впереди меня тот низенький из восьмого класса вдруг первый встает, огля-

дывает всех победно и идет к столу. Игнатий Филиппович выходит ему навстречу, смотрит решение и сразу улыбается и кивает и взглядывает на часы, засекает время.

«А и правда, — думаю я, — сколько уже прошло? Час, наверное, или побольше? Часов нет — вот папа приедет, тогда...»

И тут же забываю, что «тогда», словно бы перестаю видеть и слышать все кругом, снова мучаюсь с задачей, пробую самые невероятные способы, авось, получится. Пусть, думаю, падают лучше стаканы, они долетят до земли и мгновенно разобьются, они не будут подпрыгивать назад и сбивать меня с толку, как эти ненавистные мячи. Теперь летят стаканы, они тоже разных цветов, с водой и пустые, бьются об землю, звон обдается у меня в голове, я уже ничего не слышу, кроме этого звона, не слышу, что мне говорят в самое лицо, стоят какие-то надо мной, не пускают решать дальше — да кто же это?

— Слушай, — шепчет студент, — ты не заболел? Чего у тебя глаза так сверкают?

— У вас тоже сверкают, — говорю я.

— Нет, что-то я не то натворил с тобой. Знаешь, тут есть один хитрый ход у этой задачи. Я его тебе скажу, хорошо? А остальное ты все сам, все формулы — это ты все самостоятельно.

— Нет, — шепчу я и затыкаю уши. — Уходи.

Он уходит, а меня начинает трясти то ли от злости, то ли от задачи, которая снова накидывается на меня. (Не я на нее, а теперь уже она на меня.) Снова в голове летят вперемежку мячи и стаканы, мелькают этажи.

«Ну что мне в ней? Ну пускай не решил, — пытаюсь я уговорить себя. — Надо бросить ее скорее, выкинуть из своей головы, забыть, наплевать мне на все мячи на свете, как они там летят, как падают».

Но забыть невозможно, задача сидит во мне намертво и не дает ни о чем другом думать, кроме себя.

Зал уже наполовину пустой, умы встают один за другим и сдают свои листки, а я все сижу и скоро, наверно, останусь один — самый последний.

«Волков, — думаю я почему-то. — Ну, что же мне делать?»

И Волков появляется в окне восьмого этажа, как привидение, протягивает руку с мячом и разжимает пальцы.

Это была чистая случайность то, что я подумал о Волкове — какая разница, кто кидает мяч? Законы для всех одинаковы. Но только я представил его там наверху, как он стоит, а я гляжу на него снизу, и тут у меня в голове мелькнули какие-то слова про него (чтобы вместе, вместе!) — и осенило! Нужно же обогнать его на «t» секунд, нужно раньше кинуть, раньше, чем синий до меня долетит, самому уже набирать скорость и только тогда они успеют вместе, полетят рядом и одновременно стукнутся о землю, только тогда, потому что ускорение же, и пройденный путь, и время! Как я мог этого не понимать, сомневаться в силе тяжести! Я еще боялся радоваться, нужно было скорее проверить по формулам и подсчитать, но все получалось, я уже чувствовал — все верно, задача раскрывалась передо мной — невероятная и прекрасная, задача, которую я решил.

Кто-то вздохнул за моей спиной с облегчением. Я оглянулся и увидел студента. Он казался обрадованным еще больше меня и теперь уже был точная копия того гребца на плакате.

— Ну, ты пропал, — сказал он восхищенно. — Нет тебе спасения. — И повел меня к столу.

Он что-то говорил обо мне Игнатию Филипповичу, а тот кивал головой и отвечал:

— Да-да, это Горбачев, я же тебе рассказывал. Его нужно взять в ваш клуб «Юный физик». Обязательно.

— Слышишь, Горбачев! Приходи завтра в наш клуб. Это отличное место, уж ты поверь.

— Да меня же не примут, — говорю я, а у самого лицо нагревается от счастья, — ведь туда не каждого принимают.

— А ты и есть не каждый, — отвечает студент и давит мне на плечо, и что-то еще говорит, и пишет адрес. — Обязательно, мы тебя ждем.

...Потом я замечаю, что давно иду по снежной улице и сейчас вхожу в Таврический сад. «Но мне же нельзя, — думаю я, — почему-то мне было нельзя в Таврический сад, но поче-

му же? Что там такое поджидало, чужое и противное, чего я боялся?»

И никак не могу вспомнить.

«Ха-ха, да чего же мне теперь бояться? Мне, который решил задачу. Нет, наверняка какие-нибудь пустяки и глупости по сравнению с падающими мячами».

Я сворачиваю на боковую дорожку и вдруг вижу Сморугу с шайкой. И они меня тоже видят. «Так вот оно что, — вспоминаю я

наконец, — вот куда меня занесло». Но не бегу еще, жду неизвестно чего. Они тоже пока не двигаются, стоят поперек дорожки и ждут, когда же я, наконец, рвану когти. Я прикидываю на глаз расстояние и вижу, что запросто можно еще убежать, но только почему-то знаю, что мне нельзя. Всегда было можно от них бегать, а теперь вот нельзя. Да что же это такое? Почему? Неужели ждать, пока они перестанут усмехаться и догонят меня? Ничего я не понимаю, но не могу бегать от них — вот и стою.

Тогда Сморыга подходит ко мне и говорит:

— Ну все, попался один.

— Ха-ха, — говорю я вдруг. — Смотрите на него. Посмотрите на этого мальчика, у которого красный лоб.

И сам на себя удивляюсь, откуда у меня такое легкомыслие.

Остальные тоже подходят в темноте, начинают заглядывать ему в лицо — что там такое или я выдумал.

— Да вы что? Да нет у меня ничего, — кричит Сморыга, но на всякий случай вытирается и рассматривает ладонь. — Вот я ему сейчас свистну по мозгам, тогда узнает, как шутки шутить.

— Ты что, спятил? — говорю я ему строго. — Как это по мозгам? А кто тогда будет решать задачу? Ты, что ли?

— Какую еще задачу? Что ты порешь?

— Ха! Слыхали — задачи не знает. Темное средневековье! А что у меня есть в кармане, тоже не знаешь? — тут я так быстро сую руку в карман, что он отскакивает. (Такие прямо не переносят, если сунуть руку в карман.) А в кармане у меня, конечно, ерунда — пуговица какая-то и пять копеек. Но я все равно на него наступаю и кричу теперь уже на весь сад: «Ты что, опять за свои подлости взялся? Думаешь, я тебя не видел тогда на скамейке. Что ты ей сказал тогда, той, в красном пальто? Говори! Опять какую-нибудь подлость, да? Чтобы никто не слышал, да? Но я-то тебя слышал, я тебя насквозь вижу! Смотри, как бы мы тебя не сфотографировали, лучше ты кончай свои подлости по-хорошему!»

А он все оглядывается по сторонам и говорит:

— Да тихо ты! Ну чего орешь-то... Вот дам сейчас...

А я ему:

— Кто это даст? Это ты-то? Да я из тебя гистерезис сделаю! Я тебя в вакуум засуну!

Ты у меня лопнешь изнутри и прилипнешь по стенкам!

Тут к нам подходит какая-то женщина, берет его за плечо и говорит мне:

— Как тебе только не стыдно? И что это ты тут раскричался, герой? Смотри-ка, до чего ты довел товарища. А ты не бойся, мальчик, не бойся — пока я здесь, он тебе ничего не сделает.

— Да не боюсь я его... да пустите, — говорит Сморыга и вырывается. Но женщина держит крепко и все гонит меня прочь:

— Уходи, уходи отсюда немедленно. Ишь, какой хулиган выискался. Больно ты храбрый! Глядите-ка, до чего довел ребенка — вон у него уже и нога дергается. Беда-то какая!

— Да где? — кричит Сморыга, чуть не плача. — Где вы видите?

И вся шайка подходит к нему и смотрит вниз — действительно дергается нога или нет.

Тогда я незаметно ухожу от них на всякий случай — мне и смешно, и не верится, что я перекричал самого Сморыгу. Я иду дальше через Таврический сад (давно я здесь не был) и думаю — откуда же я вдруг набрал столько храбрости, столько этого, ну... как у Волкова — собственного достоинства, вот. Неужели из-за задачи? Или из-за «Юного физика»? Просто трудно поверить.

В саду хорошо, снег лежит на перилах и скамейках, как пирожное, и музыка слышна с катка, и я сначала хочу все поскорее осмотреть, раз уж прорвался, а потом думаю — куда же спешить? Ведь мне и завтра придется сюда прийти, и послезавтра. Конечно, тут будет Сморыга и все его подлости, и сегодня я его перекричал, а завтра неизвестно, да что же делать? Мне ведь теперь и убежать от него нельзя, даже если никто не увидит и не узнает. Тут у меня захватывает дух от такой непривычности, что нельзя будет убежать и обходить стороной Таврический сад, нельзя будет бояться змей и снарядов, и, вообще, многое, что можно было раньше, теперь уже ни в коем случае нельзя, что с этим достоинством своим, которое залезло в меня неизвестно когда и откуда, я еще наплачусь и хлебну горя, но тут уж ничего не поделаешь — я его ни за что не отдам и буду защищать изо всех сил, и потом, когда мы снова встретимся с Волковым, он посмотрит на меня, сразу все поймет, и сам! — сам подойдет ко мне и попросит, чтобы я его принял в друзья, или в физики, или еще куда.

И тогда я с самым серьезным видом заду-маюсь.

НАМ. ДЛЯ НАШИХ ТЕЛЕФОНОВ

В. Маралзин

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТЕЛЕФОНИСТОК

Завод «Красная заря» вышел весь из маленькой мастерской фирмы Эрикссон и К^о, которая собирала из шведских деталей телефонные аппараты и телефонные станции.

Тогда телефонные станции — даже большие — были ручными. Нужно было вызвать станцию (для этого крутили ручку, как мы видим часто в старых кинофильмах) и сказать:

— Барышня, дайте семнадцать!

И барышня давала семнадцать.

Барышнями звали всех телефонисток не зря, хотя среди них были уже и не очень молодые. Телефонистке запрещалось выходить замуж. То есть запретить этого никогда и никому невозможно, но замужнюю телефонистку увольняли с работы. Считалось, что у девушки — у барышни, как тогда говорили, — яснее голова, не обремененная никакими домашними заботами, поэтому она ничего не напутает. Вот захочет она выйти замуж, прикинет, подумает, что останется без работы, и решает:

— Нет, подожду...

Так они и ждали вплоть до самой революции, а потом, после революции, телефонистки вышли замуж — разумеется, кто захотел.

НАЧАЛО РУССКИХ ТЕЛЕФОНОВ

Эта первая мастерская Эрикссон и К^о, которая делала станции барышням, была построена на Васильевском острове в 1897 году. В 1904 году она переехала на Выборгскую сторону в новое здание, где и сейчас находится главный корпус завода.

Тут уже делали и сами детали — возить их из Швеции стало накладно. Но так как компания была все же шведской, то она старалась набрать себе рабочих из своих, из иностранцев. Русским людям боялись доверить такую удивительную

вещь, как телефон. А вдруг они сделают не то и не так?

Но русские ничего — оказывается, научились выпускать и телефоны. Правда, не сразу, сначала они сделали у себя революцию, а потом сняли вывеску «Эрикссон и К^о» и назвали завод по-новому — «Красная заря».

Первую пятилетку «Красная заря» выполнила в два с половиной года. Завод наградили за это орденом Ленина.

СТАНЦИИ БЕЗ БАРЫШНИ

Вскоре на «Красной заре» была выпущена первая автоматическая телефонная станция. Ее установили в Харькове. Это была тогда редкость.

А сейчас, наоборот, стали редкостью ручные телефонные станции. Иногда мы еще набираем номер, а потом говорим:

— Добавочный двести!

И только тогда добиваемся разговора.

Это значит, что на том конце провода еще сохранилась маленькая станция с телефонисткой. Но так бывает теперь уже совсем нечасто.

Существует масса систем телефонных станций. Вот, к примеру, декадно-шаговая АТС. Она построена на шаговых искателях, которые делают по десять шагов, то есть повторов. Мы поворачиваем диск, и на какую часть круга поворачивается цифра

на диске, на такую шагнет и искатель. А шагнув, он находит нужную цифру абонента. Следующий искатель, шагая за следующим поворотом диска, находит вторую цифру и так далее. При такой системе мы еще слышим в трубке при возврате диска равномерное треканье — это шагают искатели. Когда номер набран, искатели стоят в необходимом положении, и по ним может замкнуться наша цепь для разговора.

Лучше это, чем прежняя барышня? Разумеется, лучше.

Но раз искатели движутся — а двигаться им приходится очень много, — они легко изнашиваются и начинают врать. Нужны частые ремонты и замены.

— Веру Александровну, — просите вы, например.

И вам, действительно, зовут Веру Александровну.

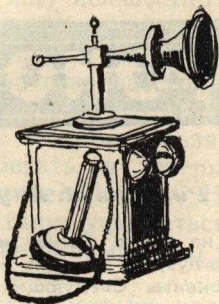
Вы обрадованы, вы рассказываете ей, что получили квартиру, она вас слушает, вы просите ее помочь переехать.

— А вам кого, собственно, надо? — спрашивает вдруг она, и тут оказывается, что хотя это и Вера Александровна, да не та. Станция, может быть, ошиблась в одной только цифре, а к телефону подходит совсем чужая, не нужная вам Вера Александровна.

АВТОМАТИЧЕСКИЕ ИЗВИНЕНИЯ

Сконструировали новую, координатную АТС. Она находит номер и соединяет нас с ним путем последовательного срабатывания телефонных реле. Это большой прогресс по сравнению с прежними станциями — машинными, шаговыми.

Но и координатные станции тоже не идеал. Реле работают, смыкая и размыкая контакты, которые изнашиваются, сгорают или даже привариваются иногда один к другому. Ясно, если набираешь номер и нужно срочно переговорить с далеким

Человеком, то не хочешь знать ничего, никаких контактов, которые вдруг приварились друг к другу в ненужный момент, — хотя бы станция даже в таком крайнем случае автоматически вежливо перед тобой извинялась.

Только электронные станции могут просто и надежно работать. Принцип устройства их похож на принцип электронных вычислительных машин. И вот теперь на «Красной заре» уже работают над электронной станцией.

ЭЛЕКТРОНИКА, НАЙДИ АБОНЕНТА!

Что сумеет делать электронная АТС?

Она имеет запоминающее устройство, которое запомнит весь номер, покамест мы его набираем, а только диск последний раз вернется на место — уже и выпалит этот номер, мгновенно найдет нам его и соединит. Ждать соединения будет вовсе не нужно.

То-есть, если окажется занято — уж вы не обессудьте, станция здесь ни при чем, говорите на эту тему со своим абонентом, когда, наконец, до него дозвонитесь.

Электронные станции без междугородной телефонистки набором пятнадцати знаков соединят вас из дому с любым центральным городом Советского Союза.

Они соединят вас также со столицами дружеских стран.

Придя домой и набрав три цифры, вы сможете узнать, кто звонил в ваше отсутствие и что передал.

Это тоже сумеет электронная станция: подождет, подождет, если номер не отвечает, а потом переключит на магнитную ленту.

— Если вы хотите что-нибудь передать, говорите, я запишу, — скажет лента. И запишет.

Вот какие надежды на электронную АТС.

ЧТО МЕНЯ УДИВИЛО

Все это я видел на «Красной заре» — или «живое», выпускаемое,

или еще в проектах. Я видел цехи, где делают все заготовки для станций (самых телефонов завод уже давно не делает), цехи, где собирают и испытывают станции. На заводе много интересных профессий, много хороших современных цехов.

Но вот что меня удивило.

На «Красной заре» все говорили о пионерах. Так, между прочим, говорили, будто мне это уже известно.

— Наши пионеры... — говорят.

И снова:

— Наш отряд...

— Какие же на заводе пионеры? — удивился я.

Оказывается, это одна из самых главных традиций на «Красной заре».

Называется это очень просто — шефство.

Еще в 20-е годы при заводе была база, то есть теперешняя дружина. Руководил ею известный всему пионерскому движению человек — Сергей Марго. Еще с тех пор «Красная заря» заботится о пионерах, растит их при себе, приучает к заводу.

НАДО ЛИ ПРОИГРЫВАТЬ!

В интернате № 15 долго был отряд имени Сергея Марго.

Я говорил с его бывшим вожатым — слесарем «Красной зари» Костей Строчиным. После нашего с ним разговора я понял, как он любит ребят. Так он их любит, что однажды собрал на заводе команду и обставил свой отряд в футбол.

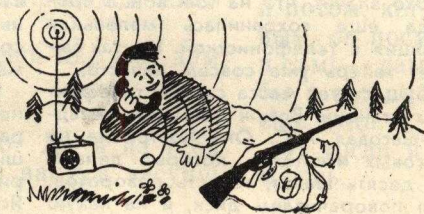
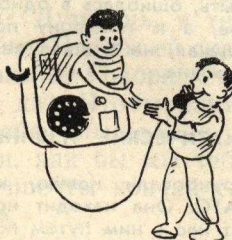
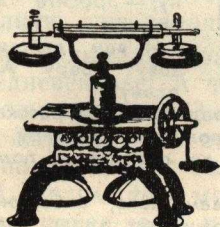
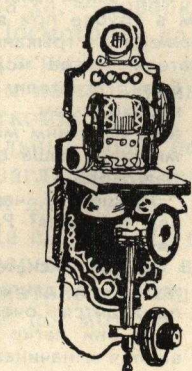
Почему? Потому что относится к ним с уважением, на равных.

— Они давно говорили: мы ваших сделаем! Ну что, сыграем? Да вы боитесь! Ну, сыграем?

Собрали на заводе команду помоложе. Говорит команда:

— Да чего их обижать? Проиграем разок, жалко, что ли? Пусть им будет приятно.

Косте это слышать было, прямо скажем, обидно.

— Лучше скажите, — говорит он, — что вы себе отступление готовите. На случай, если и верно проиграете.

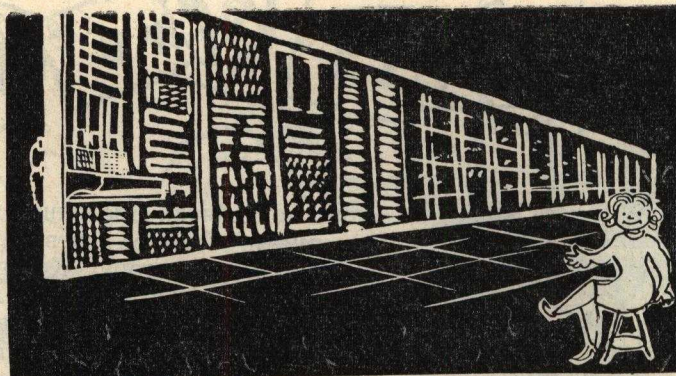
— Еще чего! Отступление! — говорят. — Просто мы их пожалели.

— А вы не жалейте, — предлагает Костя. — Чего их жалеть?

Так и не жалели.

— Ну и что? — спрашиваю. — Выиграли?

— Да, — отвечает Костя. — Конечно. Всухую. Но им все равно это было приятней.

ПИОНЕРСКИЙ ОРКЕСТР

И заводу есть своя польза от пионеров.

Перед демонстрацией цветы помогают делать.

Цехи к празднику оформляют.

Помогают вместе с заводом убирать в совхозе овощи.

Однажды собрались несколько цехов ехать в совхоз на уборку, а без музыки скучно.

— Оркестр, оркестр берите! — говорят.

Есть такой на заводе. Но оркестр поехать не смог. Он не хочет, оказывается, играть без рояля. Что же делать?

А в интернате тоже есть оркестр — духовой. И ему никакого рояля не надо.

Только заикнулись в интернате об этом — пожалуйста, есть ор-

кестр. Играл всю дорогу, и потом даже, на поле. Хорошо играл, весело.

Особенно весело, лучше всех остальных, играли на трубе две девочки.

«ИДИТЕ К НАМ!»

Вот так и стоит завод, так и развигивается. Делает нам для наших телефонов удобные станции.

Люди, живущие вокруг завода, постепенно вытягиваются в него, начинают там работать.

У этих людей появляются дети, дети вырастают, и они оказываются тоже нужными заводу.

Весной обычно на «Красной заре» появляется объявление:

«Товарищи родители! Приводите, кто хочет, на завод своих подростков. Принимаем».

И те, у кого подросли свои подростки, приводят их устраивать на работу. Завод принимает их в первую очередь, так же как и своих подшефных.

Потом эти подростки пойдут вожатыми в школы, будут водить школьников на экскурсии, будут обыгрывать своих пионеров в футбол.

И, может быть, им тоже никогда не захочется уйти с этого завода, как не ушла с него Елизавета Романовна Васильева, Герой Социалистического Труда, которая работает на «Красной заре» с 1913 года до сих пор, непрерывно — то есть сколько же это? — 52-й год, и не собирается уходить на заслуженный отдых.

СТОЛ ЗАГАДОК

— Мы вместе отправились, вместе скармливались, одну судьбу и один жребий мы разделили оба, и если тебя один раз подкидывали на одеяле, то меня кололи копьем несколько раз.

— Пока мои сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме.

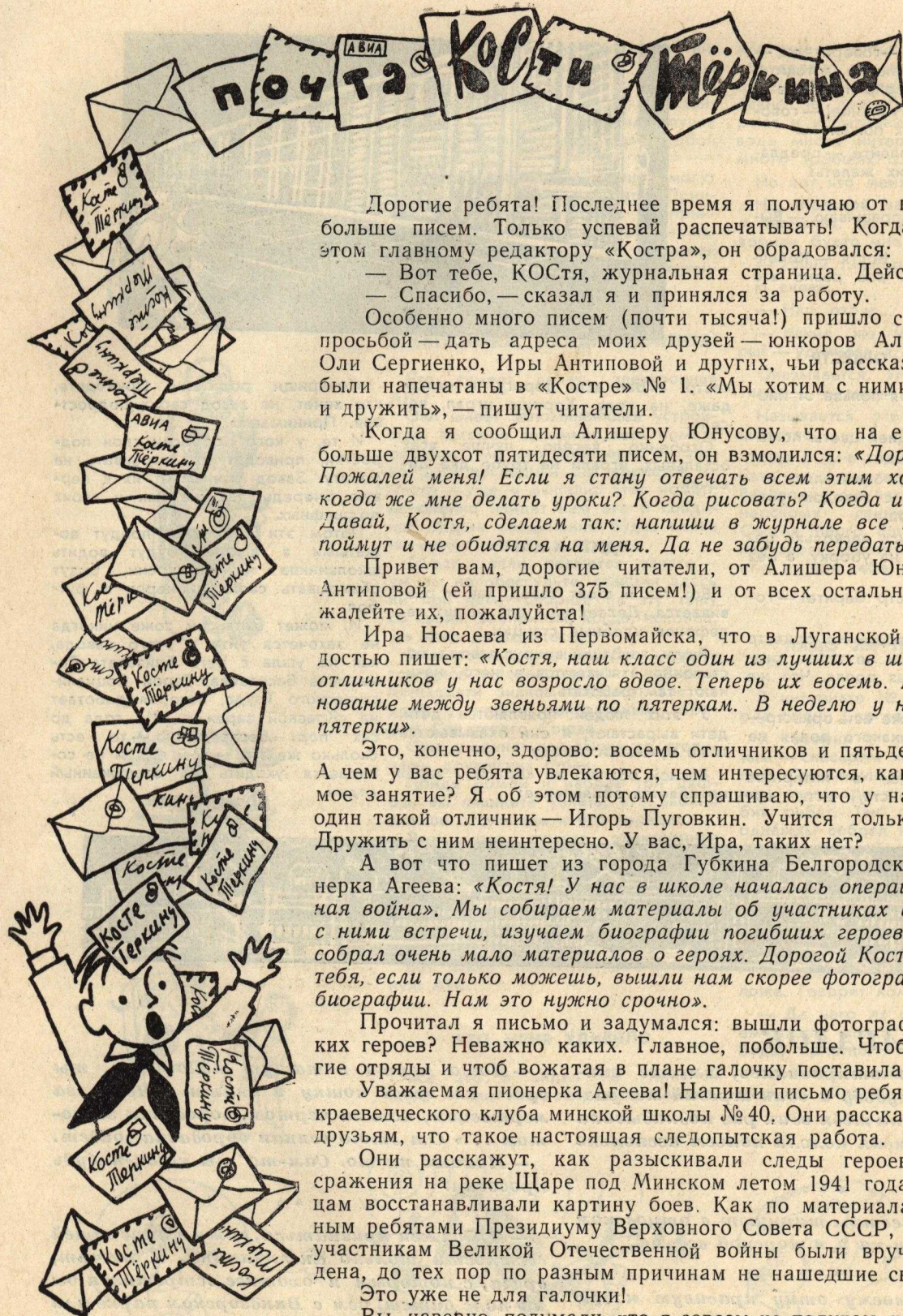
— Я куплю своему отцу красивую новую куртку, желательнее из золота и серебра, с пуговицами из самоцветных камней. А затем букварь.

— Когда черти потащут покойника, ты брось им вслед кошку и скажи: «Черт за мертвецом, кот за чертом, бородавки за котом...» От этого всякая бородавка сойдет.

— Похоже на то. Сам-то ты когда-нибудь пробовал?

— Я, должен признаться, вижу в лице вашей светлости только англичанина, а значит, врага, с которым я охотнее встретился бы на поле битвы, чем в Виндзорском парке или в коридорах Лувра.

Смотри страницу 40

Дорогие ребята! Последнее время я получаю от вас все больше и больше писем. Только успевай распечатывать! Когда я рассказал об этом главному редактору «Костра», он обрадовался:

— Вот тебе, КОСтя, журнальная страница. Действуй.

— Спасибо, — сказал я и принялся за работу.

Особенно много писем (почти тысяча!) пришло с одной и той же просьбой — дать адреса моих друзей — юнкоров Алишера Юнусова, Оли Сергиенко, Иры Антиповой и других, чьи рассказы и фотографии были напечатаны в «Костре» № 1. «Мы хотим с ними переписываться и дружить», — пишут читатели.

Когда я сообщил Алишеру Юнусову, что на его имя прислали больше двухсот пятидесяти писем, он взмолился: «Дорогой друг Костя! Пожалей меня! Если я стану отвечать всем этим хорошим ребятам, когда же мне делать уроки? Когда рисовать? Когда играть на рубабе? Давай, Костя, сделаем так: напиши в журнале все как есть. Ребята поймут и не обидятся на меня. Да не забудь передать им привет!»

Привет вам, дорогие читатели, от Алишера Юнусова и от Иры Антиповой (ей пришло 375 писем!) и от всех остальных юнкоров. Пожалуйста их, пожалуйста!

Ира Носаева из Первомайска, что в Луганской области, с гордостью пишет: «Костя, наш класс один из лучших в школе. Количество отличников у нас возросло вдвое. Теперь их восемь. Мы ведем соревнование между звеньями по пятеркам. В неделю у нас бывает 49—52 пятерки».

Это, конечно, здорово: восемь отличников и пятьдесят две пятерки. А чем у вас ребята увлекаются, чем интересуются, какое у кого любимое занятие? Я об этом потому спрашиваю, что у нас в классе есть один такой отличник — Игорь Пуговкин. Учится только ради отметок. Дружить с ним неинтересно. У вас, Ира, таких нет?

А вот что пишет из города Губкина Белгородской области пионерка Агеева: «Костя! У нас в школе началась операция «Отечественная война». Мы собираем материалы об участниках войны, проводим с ними встречи, изучаем биографии погибших героев. Но наш отряд собрал очень мало материалов о героях. Дорогой Костя! Очень просим тебя, если только можешь, вышли нам скорее фотографии героев и их биографии. Нам это нужно срочно».

Прочитал я письмо и задумался: вышли фотографии героев... Каких героев? Неважно каких. Главное, побольше. Чтобы обогнать другие отряды и чтоб вожатая в плане галочку поставила.

Уважаемая пионерка Агеева! Напиши письмо ребятам из историко-краеведческого клуба минской школы № 40. Они расскажут тебе и твоим друзьям, что такое настоящая следопытская работа.

Они расскажут, как разыскивали следы героев ожесточенного сражения на реке Щаре под Минском летом 1941 года. Как по крупным восстанавливали картину боев. Как по материалам, представленным ребятами Президиуму Верховного Совета СССР, двадцати девяти участникам Великой Отечественной войны были вручены боевые ордена, до тех пор по разным причинам не нашедшие своих владельцев.

Это уже не для галочки!

Вы, наверно, подумали, что я совсем не получаю хороших, веселых, интересных писем. Как бы не так! Но о них мы поговорим в следующем номере «Костра».

Жду ваших писем, друзья!

КОСтя ТЕРкин

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЗДУШНОГО КОРАБЛЯ

М. Лазарев

Рисунки В. Левитина

ВОЗДУШНЫЕ ИСКАПАЕМЫЕ

— Это воздушные ископаемые, — сказал мне о дирижаблях один авиатор.

Они и впрямь напоминают доисторические чудовища: большие, тугоголовые, острохвостые. И названия, как у древнего ящера: дирижабль, динозавр. Похоже.

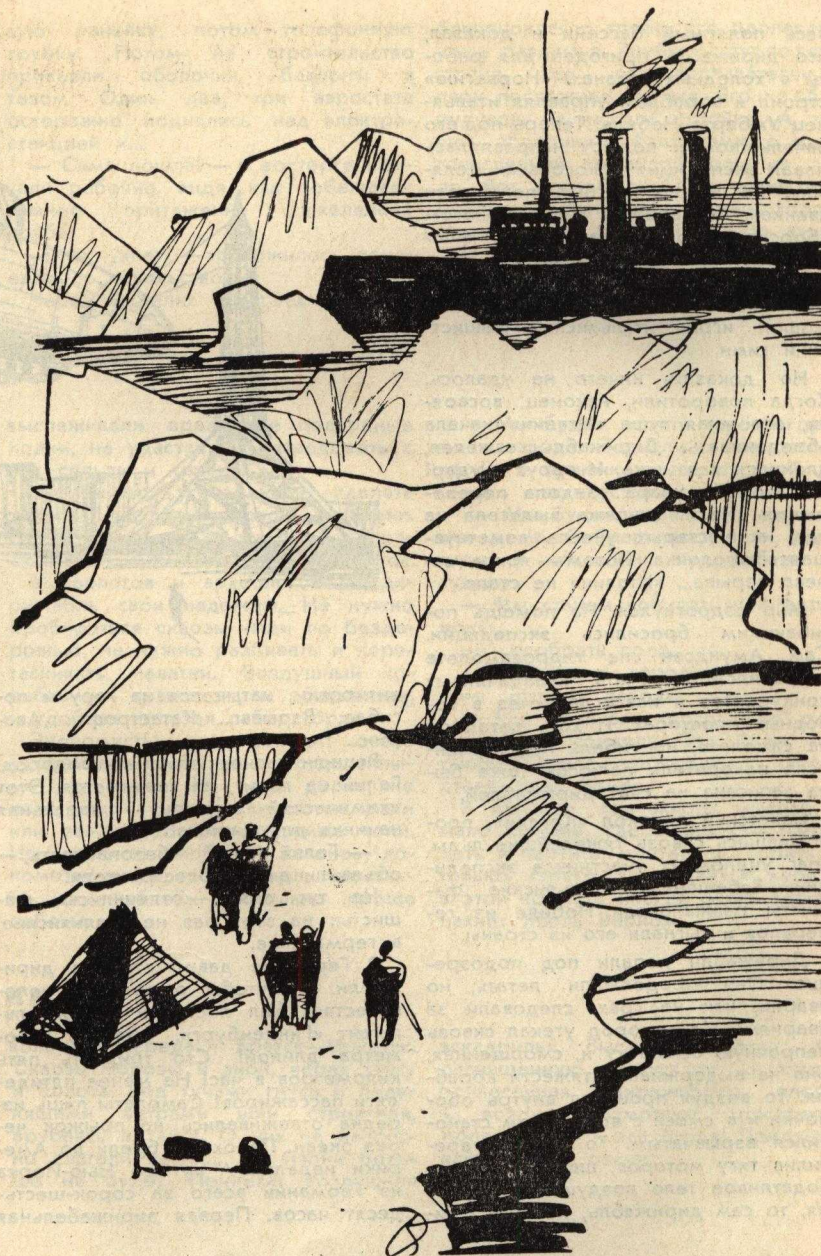
Впрочем, название не мезозойское, а французское, и означает оно «управляемый». Управляемый аэростат! Рядом с реактивными лайнерами это старомодно.

А вообще-то наше «ископаемое» возрастом не старше самолета. Когда в начале века появился удобный бензиновый двигатель, тотчас родились и дирижабли, и самолеты. И на первых порах дирижабли полюбили больше самолетов.

Аэроплан — так звались первые самолеты — был поначалу очень слаб. Его мотора едва хватало, чтобы оторвать от земли одного человека. А дирижабль сразу родился тяжеловесом. Ведь в воздухе он держался не силой мотора, а силой легкого газа. Чем больше газа в дирижабельной оболочке, тем грузоподъемнее дирижабль. А чтобы двинуть с места этот большущий воздушный поплавок, особой мощности не потребуется. Да и то не забота: дирижабль — не самолет, места на нем предостаточно, мало одного мотора — навешивай два, мало двух — ставь больше.

Аэропланы той поры скакали над землей, точно блохи. Пролетел сотню-другую километров — рекорд! Поднял в воздух несколько пассажиров — гигант! А дирижаблю нипочем двадцать, тридцать, сорок пассажиров. И летит он без посадки на сотни и тысячи километров. И в скорости не слишком отстает от тогдашних самолетов: восемьдесят-сто километров в час.

Отчего же дирижабли забыли?

«ДОБРАЯ СЛАВА ЛЕЖИТ...»

Собственно, о них не забыли. Все истории с дирижаблями крепко запомнились. Историй случалось много, и как правило они заканчивались печально.

«Добрая слава лежит, а худая бежит». Дурная слава о дирижаблях поспела по свету после полета «Италии».

Неполадки и аварии бывают, на каждом транспорте. Сходили с рельсов поезда, но люди не отворачива-

лись от «чугунки». Терпели бедствия пароходы, но люди по-прежнему плавали по морям. Разбивались и самолеты, в первые годы очень часто. Но от маленького аэроплана страдали двое-трое, от силы пятеро человек.

Но вот к полюсу направилась «Италия». В Арктике это был уже не первый дирижабль. За два года до «Италии» великий норвежец Амундсен прошел на «Норвегии» через

весь полярный бассейн и доказал, что дирижабль пригоден для работы в холодных странах. «Норвегию» строил и кораблем управлял итальянец Умберто Нобиле. Теперь под его начальством к полюсу направлялась новая экспедиция с «особыми целями». Ее начальник был пожалован званием генерала. Над полюсом сбросили черный фашистский флаг и крест римского папы. И пока «Италия» кружилась над полюсом ради кое-каких наблюдений, граммофон играл итальянский фашистский гимн.

Но доказать ничего не удалось. Когда поворотили, наконец, восвояси, огромная туша «Италии» начала обледеневать. Дирижабль, тяжелея, клонился все ниже. И вдруг — удар! Со второго удара гондола переломилась. Часть экипажа вылетела на лед, а шестерых унесла взметнувшаяся оболочка. Потом — яркое зарево взрыва... «Италии» не стало.

Мир содрогнулся. На помощь погибающим бросились экспедиции. Сам Амундсен на гидросамолете отправился выручать незадачливых конкурентов и навсегда исчез в холодных просторах. И хоть летел он на самолете, но гибель прославленного покорителя полюсов тоже была записана на счет дирижаблей.

Советский ледокол «Красин», проломившись сквозь тяжелейшие льды, спас уцелевших участников экспедиции. Взмешенные итальянские фашисты разжаловали Нобиле из генералов и выгнали его из страны.

Дирижабли попали под подозрение. Они продолжали летать, но аварии, как на грех, следовали за авариями. То водород утекал сквозь непрочную оболочку и, сморщенная, она не выдерживала тяжести корабля. То воздух проникал внутрь оболочки и в смеси с водородом становился взрывчатым. То ветры, перебив тягу моторов, швыряли оземь податливое тело воздушного корабля, то сам дирижабль, потеряв ори-

ентировку, натыкался на гору и погибал. Взрывы... Катастрофы. Аварии...

Решили гелием заменить водород. Гелий не горит, не взрывается. Этот «химический лодырь» — идеальная начинка для дирижабля.

— Гелий — это безопасность, — объявили дирижаблестроители.

Но тут опять «отличились» фашисты: на этот раз не итальянские, а германские.

В Германии давно строили дирижабли. Но чтобы ошарашить человечество, был построен дирижабль-гигант «Гинденбург». Четверть километра длиной! Сто тридцать пять километров в час! Не менее пятидесяти пассажиров! Самолеты лишь изредка отваживались на прыжок через океан. Пароходы брели до Америки неделю. А тут до Нью-Йорка из Германии всего за сорок-шестьдесят часов. Первая дирижабельная

линия была торжественно открыта.

Но пятьдесят пассажиров для «Гинденбурга» не предел. Стоит только гелий заменить водородом, и можно продать еще двадцать два билета. Да и водород намного дешевле гелия.

8 мая 1937 года воздушный корабль подходил к Нью-Йорку. Приблизился к причальной мачте. Подал стропы, чтобы ошвартоваться. Пассажиры сквозь иллюминаторы нетерпеливо высматривали глаза встречающих. И вдруг над аэропортом рвануло пламя. Пылающая громада рухнула с высоты, накрыв собой 99 человек пассажиров и команды. 48 из них так и не удалось спасти.

Печальная слава «Гинденбурга» мигом облетела планету. Человечество решило: достаточно! Время дирижаблей кончилось. И казалось, что навсегда.

ДИРИЖАБЛИ, МОСТЫ И ТРУБЫ

Дело было после войны. Ленинградец Игорь Васильев служил тогда в железнодорожной части. Он строил мосты, вернее, командовал подъемными кранами. Поднимал фермы, наводил мостовые пролеты. От непомерной тяжести дрожали стрелы, тросы тянулись, как струны. А иногда из-за ветра или оплошности кран мог сорваться. Однажды краны пришлось втащить на вершину горы, чтобы оттуда вести свои подъемные операции. Но краны не сами поднялись на гору, и рота Ва-

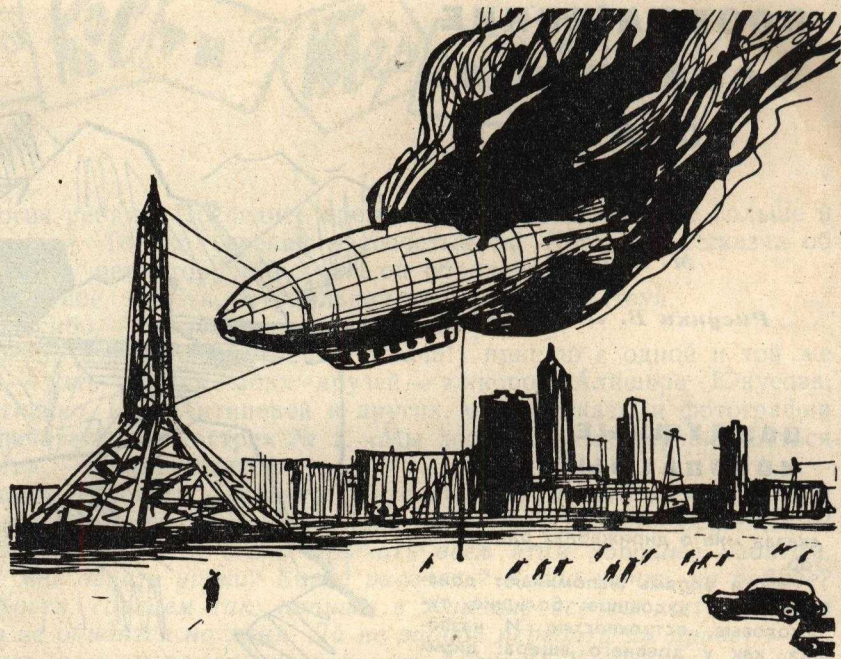
сильева выбивалась из сил. Тогда-то впервые старший лейтенант Васильев подумал о дирижабле.

Старший лейтенант еще не самый старший начальник в части. Полковник молча выслушал предложение своего офицера и сразу же разрешил ему «быть свободным», что в переводе с военного обозначало предложение уходить с глаз долой. Да и не было у полковника никаких дирижаблей, как и не было их вообще в стране.

Мосты продолжали возводить без

дирижаблей и... без старшего лейтенанта Васильева. Не сработался он с полковником, прекратилась его военная служба. Бывший офицер стал ленинградцем-конструктором. Утром и днем работал. Вечером учился на инженера. А в остальное время спал, ел, отдыхал и занимался конструированием дирижабля.

А где-то неподалеку, в соседнем районе города вот так же по ночам и по воскресеньям сидел над дирижабельными чертежами инженер Евгений Захарьев. После войны Ле-

нинграду очень не хватало электроэнергии. Захарьев монтировал трубу на 2-й Ленинградской ГЭС. На установку трубы полагалось два месяца. Но министр распорядился иначе: «неделю!»

Не от хорошего настроения воздел инженер Захарьев усталые очи к небу. И тут ему подумалось: «аэростат». Тот самый, который военными вечерами поднимался над городом.

Захарьев схватил логарифмичес-

кую линейку, потом телефонную трубку. Потом на строительство привезли оболочки, баллоны с газом. Один, два, три аэростата осторожно поднялись над электростанцией и...

— Сама пошла! — в восторге кричали рабочие, видя, как побеждает земное притяжение тяжеленная труба.

— Не ухнет? — тревожилось понаехавшее начальство.

Через неделю Захарьев уже не

беспокоился о трубе, его одолевали иные раздумья. Трубы растут по всей стране. Но воздухоплавательный парк посложнее гаража. Его не оборудуешь на каждой стройке. А возить оболочки с баллонами, с многочисленной командой тоже не дело. Вот если б снабдить аэростаты моторами, пусть собственным ходом отправляются к стройкам. Но аэростат с мотором, «аэростат управляемый» — это и есть дирижабль.

ПАРОЛЬ — «ДИРИЖАБЛЬ»

Они опознавали друг друга по единому слову. Стоило произнести «дирижабль», и эти люди устремлялись навстречу друг другу. По единому слову Захарьев опознал Васильева, Свердлов — Захарьева, и каждый в отдельности — Воробьева. Воробьев был Данко воздухоплавания. Он единственный из ленинградцев проектировал когда-то дирижабли. И хотя его детища давно превратились в воздушных ископаемых, профессор воздухоплавания пронес через годы дирижаблестроительную искру.

Постепенно все новым людям было нужно их конструкторское бюро. Первыми пришли лесники. За кораблем, который спасал бы леса от пожаров. Для самолетов в лесах нет посадочных площадок, а вертолет прожорлив и слаб. Рыболовы припомнили, что когда-то дирижабли

выслеживали вражеские подводные лодки, не удастся ли разведывать с них сельдь и треску?

Полярики уговаривали сделать дирижабль для ледовой разведки. Пусть висит над ледоколом и подсказывает путь водителям караванов.

У геологов и археологов на дирижабль свои надежды. Не нужно пробираться сквозь чащи по бездорожью, не нужно разбивать и перетаскивать палатки. Воздушный корабль — и транспорт, и общежитие, и удобная полевая лаборатория.

Экономисты прикидывают: очень удобен для сообщения с отдаленными рудниками. Не надо дорог, не надо ждать, пока вскроются реки или замерзнут непроходимые топи. Не нужно автомобилей, вагонов, локомотивов, рельсов и шпал. Несколько дирижаблей — насколько проще работы.

— Мы будем возить турбины прямо с завода. Подняли с заводского двора и прямоиком над страной до самого места установки.

— Мы будем переносить небольшие дома. Собрали, построили, скрепили и оттащили куда-нибудь в тундру.

— Мы станем собирать нефтепродукты...

— ...удобряя поля...

— ...возводить города...

— ...строить заводы...

— Мы сделаем прозрачную синтетическую гондолу. Это будет летающий класс географии, и картой станет сама Земля.

В комнате, где много мыслей и мало стульев, где можно рассчитывать и чертить, мечтать и спорить, и только строго запрещается курить, в этой комнате иногда очень терпко пахнет Жюль Верном.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЛЭПИИ

— Мы заставим его таскать буровые вышки и высотные опоры. Слышали про Лэпию? Лэпии не будет.

О Лэпии пели песни. О ней пишут книги. Это комсомольская страна строителей ЛЭПа — линии высоко-

вольтной передачи Братск—Иркутск. Сквозь морозы и зной, через тайгу и болота, под тучами гнуса и ледяными ветрами шли строители, врубаясь в тайгу. О них не напрасно слагали песни... Но Лэпии больше не будет. Прилетит воздушная

эскадрилья. Высадится десант. На расчищенную площадку опустится принесенная дирижаблем опора. С воздуха разматают толстенные провода. Вот и вся Лэпия! Придумывайте новые песни.

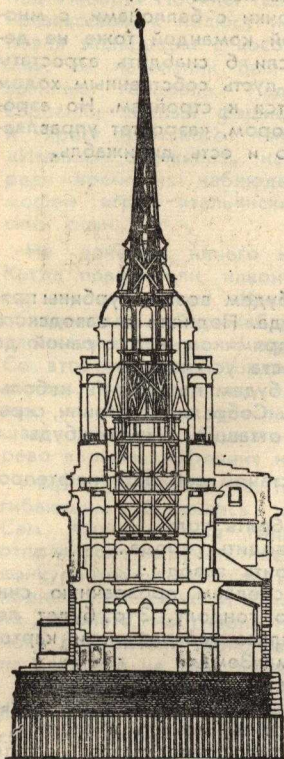
ЦИФРЫ И ГОРОДА

Они собираются по средам. В последнюю среду их стало шестьдесят девять. Но завтра или послезавтра их будет уже больше. Ведь туда только приходят, но никто никогда еще не уходил. Шестьдесят девять — это в Ленинграде. Но есть бюро и в Новосибирске. И на Волге, в Саратове. На Урале, в Нижнем Тагиле. В лесном краю, в Сыктывка-

ре. Приходят вести из Краснодара и из Москвы.

В Нижнем Тагиле дирижабль уже построен. Правда, он маленький, но будет сниматься в фантастическом фильме. Но от фантастики дирижабль далек. Недавно в Новосибирске собралось совещание. Сто двадцать делегатов единодушно постановили: дирижабли нужны. А раз нужны, значит будут.

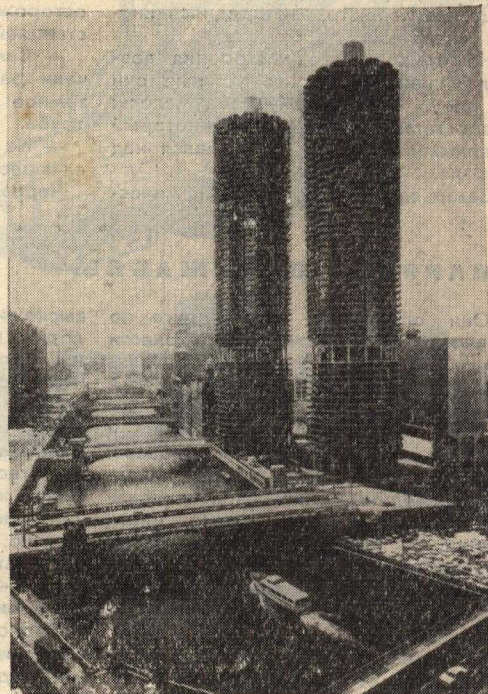

Восьмде августа —
День строителя. «Ко-
стер» поздравляет
вас с этим праздни-
ком и предлагает
взглянуть на фото-
снимки.

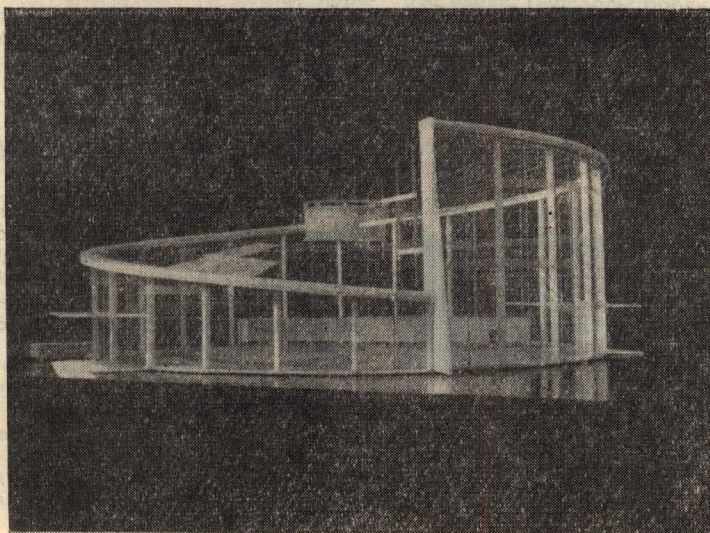
Итак,

ДОМА- ДИКОВИНЫ

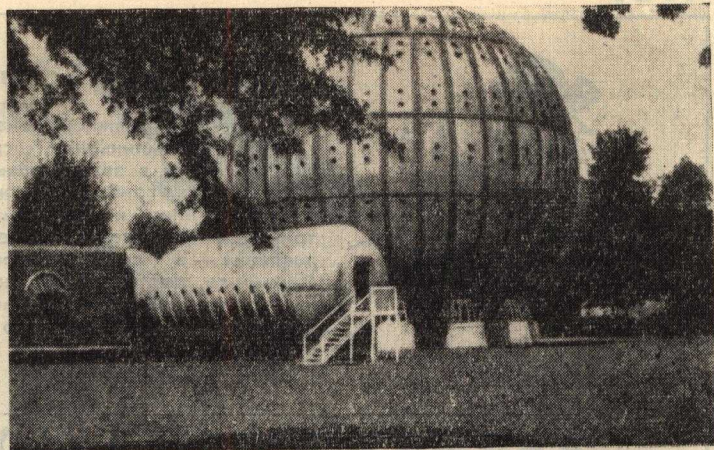
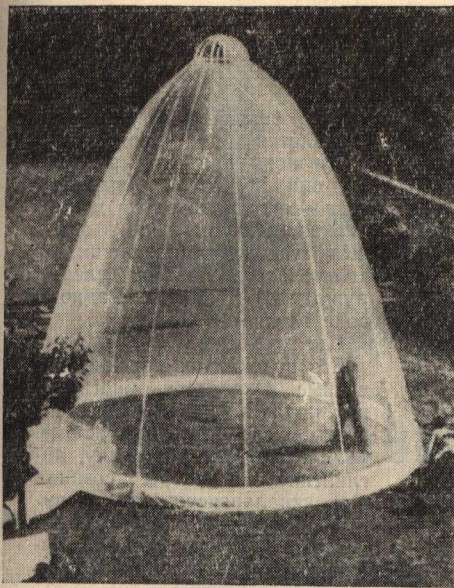
Если вам когда-нибудь
удастся забраться под шпиль
Адмиралтейства, вы увиди-
те любопытную картину:
башен, оказывается, не одна,
а две. Они как бы вложены
друг в друга, словно деревянные
матрешки. В чем дело?
Архитектор Захаров сохранил башню первого русского Адми-
ралтейства в знак уважения к его создателю, талантливому
зодчему Коробову.

Эти здания-близнецы построены в Чика-
го. Похожи они, как видите, то ли на огне-
тушители, то ли на батареи централь-
ного отопления. Но тем не менее это —
просто жилые дома, с квартирами в со-
рока верхних этажах и с гаражами в
нижних.

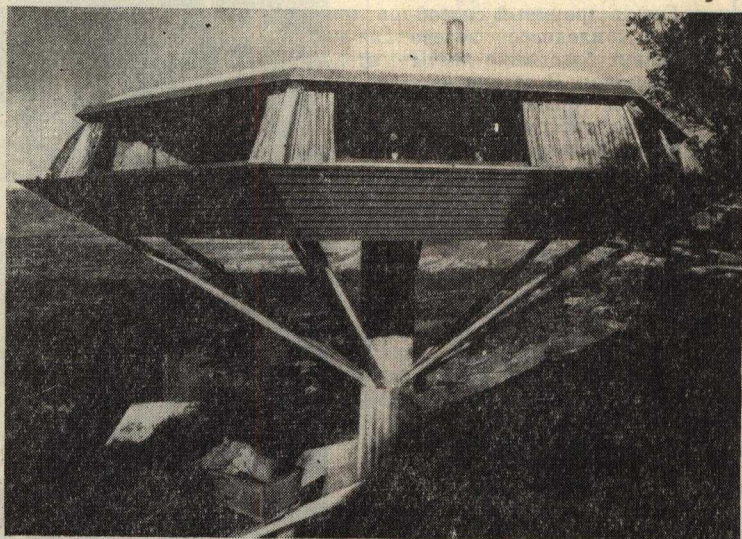
Что изображено на рисунке — мор-
ская раковина? Нет, это конструкция
павильона для выставок. Его диаметр
более 70 м., а крыша висит на тросах
из стеклопластика, натянутых, как стру-
на. Автор проекта — ленинградский ар-
хитектор Г. П. Морозов.

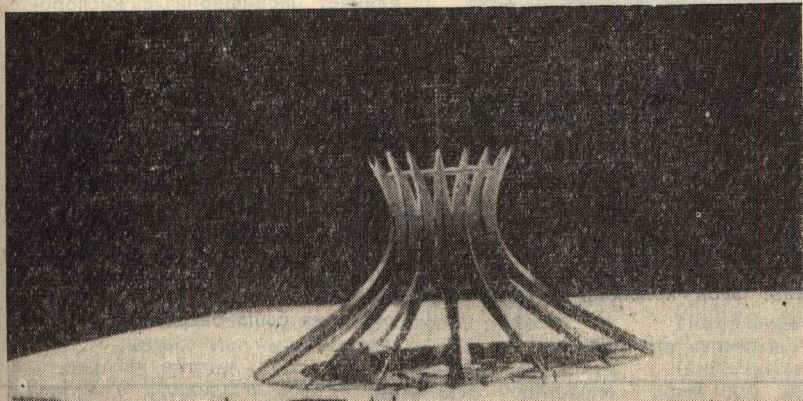
Современные здания иногда приобретают самые необыкновенные формы: стены изгибаются, крыши словно взмывают в небо. Вот, например, этот «воздушный» шар — санаторий в Кливленде (США).

Колпак-купол состоит из прозрачных полиэтиленовых ячеек. Он наполняется воздухом в течение нескольких минут. Валик с водой в нижней части придает ему надежную устойчивость. Под такой защитой группа людей может работать в любую ненастную погоду.

Создали купол (высота его — 7,5 м, вес — 34 кг) английские инженеры.

Странный гриб на склоне Голливудских холмов в Лос-Анжелосе — жилой дом. Его единственная опора — полутораметровая железобетонная колонна, под землей она упирается в толстую бетонную плиту. Здание не боится ни ветра, ни землетрясений, но около него нет места ни для сада, ни для двора. Обитатели дома почти отрезаны от внешнего мира. Их единственное сообщение с ним — вагонетка канатной дороги.

Так выглядит собор, спроектированный бразильским архитектором Оскаром Нимейером. Диаметр здания 70 м, вмещает оно 4000 человек.

Здание напоминает изящную хрустальную вазу, трудно поверить, что железобетон и стекло — основные материалы, необходимые для его строительства.

ГРИБЫ ВЗРЫВАЮТ АСФАЛТ

В теплой и влажной почве на грибнице шампиньонов, сильно разветвленной в земле, начинают быстро расти грибы. Гриб жадно впитывает влагу и при этом внутри него развивается огромное давление — в сотни атмосфер. Поэтому-то, пробираясь к дневному свету, шампиньоны иногда взламывают самую прочную мостовую.

СОЛНЦЕ СНИЗУ

Как известно, в Англии даже летом не много солнечных дней. Как же англичанам удастся выращивать румяные сочные яблоки и груши? Есть остроумный способ. Под плодовое дерево кладут блестящие листы алюминия. В те дни, когда над Англией светит солнце, оно румянит плоды не только сверху, но и — отраженное — снизу.

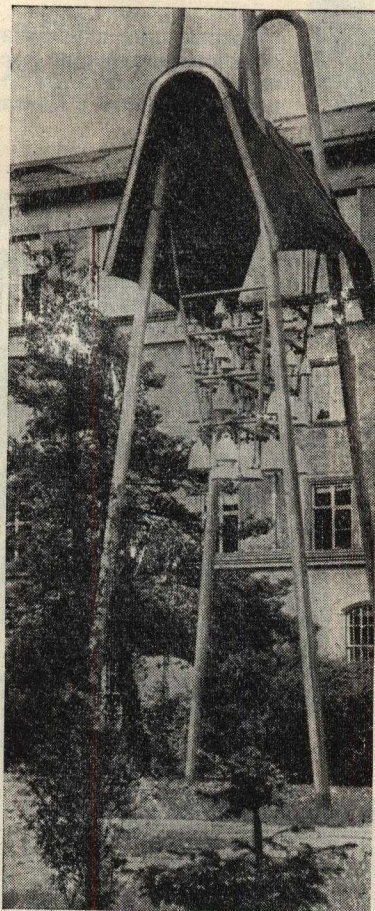

ФАРФОРОВЫЕ КОЛОКОЛА

Эта необычная фарфоровая колокольня — памятник, установленный на родине фарфора в городе Мейсене.

Каждый колокол — одна нота, а всего нот столько, сколько на половине фортепьянной клавиатуры.

На колокольне можно исполнять различные мелодии, но это не просто. Легко запутаться в тридцати шнурах, да и играть надо чрезвычайно медленно и осторожно, ведь колокола-то фарфоровые.

ВМЕСТО РАДИО

Все больше аквалангистов спускается под воду. Но вести пока при этом разговоры они не могут. Язык жестов — штука довольно примитивная, недаром люди в обычных условиях предпочитают пользоваться словами. Телефон нуждается в кабеле. Радио в воде гложет.

Где же выход?

Его подсказали морские животные. Оказалось, многие из них подают звуковые сигналы, в том числе и ультразвуковые.

Услышав эту подсказку, английские инженеры создали для аквалангистов ультразвуковые аппараты, с помощью которых можно переговариваться на расстоянии в полкилометра и больше.

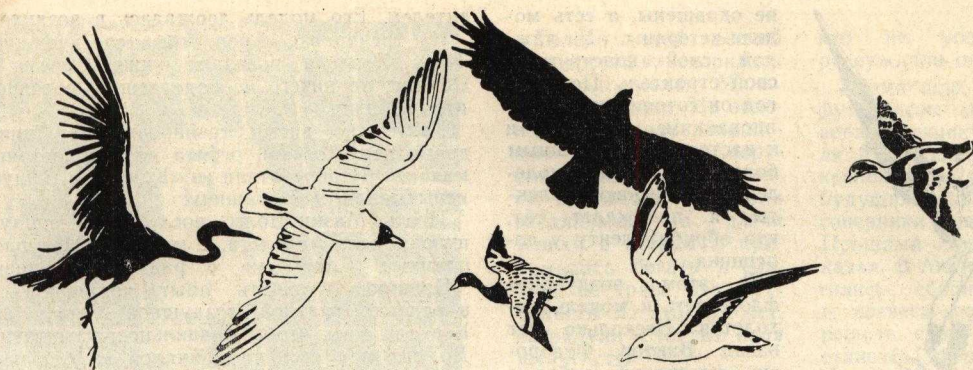
ЗАГАДКА СВЕЧЕНИЯ

Летом на лесной полянке или в кустарнике можно наблюдать блуждающие искрящиеся огоньки. Это светятся насекомые, называемые светлячками. А почему они светятся? Какой свет излучают? На конце тела светлячка есть клетки с люциферин, «производителем света», и веществом люциферой, которая соединяет люциферин с кислородом. Этот химический процесс вызывает появление холодного искрящегося света.

Почему же в течение жизни насекомого не «выгорает» люциферин, как использованная спичка?

Американский биохимик Уильям Д. Макелрой изучал свойства «сгоревшего» люциферина. Восстановить светящееся вещество ему удалось с помощью капли кислоты, которая содержится в организме насекомого. Загадка свечения была разрешена.

ПУСТЬ ВЗМАХНУТ НАШИ КРЫЛЬЯ

Евгений Рейн

Она

Мы вошли в зал. В зале было тихо и пусто. Никого, кроме нас. Только портреты густо один к другому теснились на стенах. Мой спутник нес синий ящик.

— Вот смотрите, — сказал он, достал ее из ящика, покрутил пальцами и отпустил. Она полетела.

Она летела плавно, спокойно помахивала крыльями, будто бы по хорошо известному ей маршруту.

Дважды проделав воздушное кольцо, она опустилась прямо в руки стоящего рядом со мной человека.

— Как дрессированная, — удивился я. — А кто ее сделал?

— Эту сделал Игорь Мазин, а вот ту — из ящика появилась еще одна, очень похожая на ту, что летала — эту сделал Толя Козлов.

Теперь пришла пора все объяснить. Она — это искусственная птица, модель летательного аппарата с машущими крыльями. Зал находится на втором этаже московской Станции Юных Техников, по соседству с авиамodelьным кружком. А Игорь и Толя — члены этого кружка. Руководит кружком Виктор Федорович Есков, это он запускал модель.

Человек-птица

Мечта человечества о полете началась с подражания птице, с крыльев. Сколько смельчаков разбилось, сколько было сломано сделанных людьми крыльев, деревянных, слюдяных, кожаных, а то и просто из настоящих птичьих перьев.

Летать, летать во что бы то ни стало хотел человек, и мысль его выискивала все новые и новые способы. Люди поднимались в небо на воздушных шарах, на хрупких этажерках с непривычным названием «аэроплан». В наши дни ракеты и космические корабли прокладывают дороги уже не к облакам, а к звездам. Какая птица может сравниться с ними, стоит ли сейчас вспоминать о всяких там воробьях и чайках?

И все-таки тайна птиц еще не раскрыта. Их искусство недостижимо. Взмахнуть крыльями и подняться — нет, этого человек пока еще не может.

А нужно ли это в наше время?

Пусть могуч ТУ-104, но зато птице не нужны взлетные и посадочные площадки, пропеллеры, турбины, горючее. А сколько еще смог бы позаимствовать самолет у птицы. Он научился бы парить на месте, двигаться назад и в сторону, мгновенно развивать подъемную

Рисунки В. Бескаравайного

силу, и, кроме того, он стал бы гораздо сильнее. Машущий полет, полет по птичьим «правилам» требует гораздо меньше энергии, тем та, что тратят самолеты с неподвижными крыльями.

Ученые называют аппараты с машущими крыльями «махолетами», они подсчитали: если на махолет поставить мотор самолета «ПО-2», подъемная сила увеличится сразу в шесть раз «ПО-2» поднимает двух человек, махолет же поднимет двенадцать! И люди не успокоились. Они исследуют, совещаются, пробуют. Они создали даже свой особый союз — Комитет машущего полета. В него входят летчики, инженеры, изобретатели. Они строят не только модели, но и большие настоящие машины с машущими крыльями, рассчитанные на то, чтобы поднимать человека. Они исследуют полет птиц. Они выясняют — почему полет птицы так точен. Коротко говоря, это школа: преподают в ней чайки, орлы, стрижи, а учатся люди.

Я сам однажды был в такой школе-лаборатории. Там как раз исследовали крыло серебристой чайки. Чайку снимали в полете скоростными кинокамерами. Потом изучали крылья отдельно, пропускали через них воздушный поток.

В этой комнате были собраны сотни разных крыльев. Повернулся я налево — увидел серые треугольники стрижиных, направо — лопасти, полыхающие всеми оттенками розового цвета, крылья фламинго. Но крыло серебристой чайки, остроугольное, стремительное, пожалуй, больше всего напоминало о движении, о полете.

И оказалось, что перья в крыле чайки при полете расходятся, образуют щели, и это создает дополнительную подъемную силу.

Семьдесят четыре секунды — это победа

Посередине комнаты стоит огромный стол, по краям верстаки.

Стен почти не видно. Стены увешаны моделями. Здесь есть модели-новички, некоторые еще не оклеены,

не окрашены, а есть модели-ветераны. У каждой свой конструктор, свой строитель. Полгода, год он готовит ее к соревнованиям, а иногда и к настоящим воздушным боям. К хвосту моделей привязываются ленты, и побеждает тот, кто обрубит ленту у соперника.

В этом воздушном флоте есть и модель махолетов. Несколько лет назад Виктор Федорович рассказал ребятам о моделях с машущими крыльями. Объяснил им

схему. Вот эта неподвижная часть крыла, «центроплан», обеспечит устойчивость модели в воздухе; по краям центроплана укрепляются машущие крылышки, «махалки». Это от них зависит полет модели. Махалки приводятся в движение туго закрученной резинкой. Модель делают из соломы и обтягивают микропленкой (тонкий слой целлулоида), весит такая модель всего несколько граммов.

Каждая деталь модели должна быть сделана до предела старательно, а особенно — крылья-«махалки». А как их сконструировать? Тут может быть тысяча вариантов. Какой выбрать?

Игорь Мазин сделал четыре махолета. Вместе с Виктором Федоровичем прикидывал, пробовал, придумывал.

Что если у модели сделать сплошное крыло, она будет больше похожа на птицу?

Какой должна быть задняя кромка крыла, жесткой или нет?

Может быть, сделать две пары махалок?

Первая модель Игоря летала всего 18 секунд. Центроплан у нее был во много раз больше махалок. Вот из-за этого махолет и оказался неудачным.

Но когда машущие модели были отнесены на соревнованиях к специальному классу, Игорь оказался побе-

дителем. Его модель держалась в воздухе 74 секунды!

На тренировке перед этими соревнованиями махолет Толи Козлова показал лучшее время — 80 секунд. Обидно, но ничего не поделаешь — соревнования-то выиграл Мазин.

Как-то во время тренировки на Тушинском аэродроме под Москвой ребята видели настоящий большой махолет. Изобретатели из «Комитета машущего полета» испытывали свою машину.

Игорь Мазин долго после этого придумывал большую модель махолета, с мотором. Но увлекся другими планами. Сложными, с радиоуправлением моделями.

Пришлось изучать опыт чемпионов, разбираться в основах главной воздушной науки, аэродинамики. Все для того, чтобы правильно рассчитать пропеллеры. До сих пор еще не принялся за большую модель — птицу. Но Игорь не собирается бросать авиамоделизм, и к махолету он еще вернется.

В этом году будет строить новую модель с машущими крыльями Толя Козлов. Крылья у модели он сделает цельными, не разделенными на центроплан и махалки, как можно более похожими на крылья птиц.

Станция юных техников

Когда мы кончили разговор, Толя вернулся к своему месту за верстаком, Игорь углубился в чертежи будущей модели.

Сейчас они разрядники, чемпионы, обладатели призовых мест. И сейчас Игорь и Толя твердо знают: станут авиаконструкторами, будут добиваться этого.

В комнате приторно пахнет лаком, ацетоном, красками. Куда ни глянь — на верстаках, в руках у ребят, даже на полу — белые, еще не окрашенные, не оклеенные части моделей, крылья, фюзеляжи. Ребята собрались вокруг Виктора Федоровича, он объясняет новую схему.

В пору соревнований ребята живут в палатках около настоящих аэродромов. Виктор Федорович и тогда вместе с ними. И каждое утро модели, над которыми трудились долгими зимними вечерами на Станции, поднимаются в небо рядом с десятками других. А там — чья возьмет!

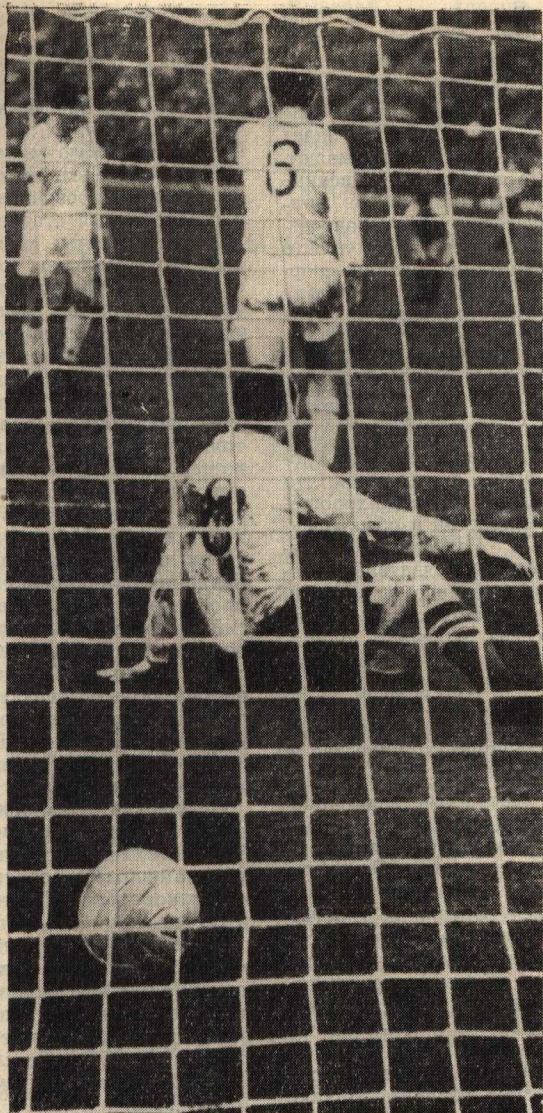
Осенью снова — привычные стены мастерской и планки из южноамериканского дерева — бальзы, и бруски мягкой податливой липы, и солома, и целлулоид, и все, что надо авиамоделисту.

Окончены мои расспросы, я уселся в углу, смотрю, что делается вокруг. Мои старые знакомые Толя и Сережа совещаются над чертежом, маленькие ребята вырезают полосы папиросной бумаги для воздушного шара. Рядом с ними Володя Ермолаев, студент авиационного института, мастерит что-то, совсем мне непонятное. Даже Виктор Федорович, глядя на это сооружение, с сомнением качает головой.

А Виктор Федорович Еськов уже двадцать лет занимается с ребятами авиамоделизмом.

И среди его участников не только Толя и Игорь увлекаются моделями-птицами. Их собираются делать многие ребята на Станции. Наверно, в других кружках готовятся модели-соперники. Кто победит на этот раз? Быть может, победившая модель станет прообразом летающего, действующего, служащего человеку махолета? Недаром называют модели летающими лабораториями.

И когда человек взлетит в небо точно так же, как птица — а это обязательно будет, — тогда, припоминая долгий и трудный путь открытия, люди, может быть, вспомнят не только крылья легендарных героев, но и слабые махалки моделей.

ФУТБОЛ

1965

Ю. Коршак

ФУТБОЛЬНЫЙ АМУЛЕТ

Первыми футбольную весну встречают черноморские мальчишки...

Футболисты не похожи на обычных курортников. Они приезжают на юг не отдыхать. С утра автобусы с табличками команд «Динамо», «Спартак», «Зенит» катят на

тренировку. Мальчишки идут своей дорогой — в школу. Потом у спортсменов обед, отдых и снова занятия. Вот тут-то их и стерегут юные болельщики. Каждый готов стать «загольным беком», чтобы быть поближе к игрокам.

Только этой весной на побережье творились странные дела. Мальчишки скучали. На зеленом поле шли непонятные тренировки. Спортсмены поднимали штангу, выжимали гири, они взваливали на плечи мешки с песком и принимались бегать и скакать по траве. Да футболисты ли это? Может, нагрянули в теплые края штангисты?

Но нет, вот Лев Яшин, Валерий Воронин, Виктор Понедельник. Почему же тогда они не притрагиваются к мячам, которые гроздьями лежат в больших сетках у кромки поля?

Среди футболистов иногда попадают люди, которые очень верят в силу самых различных амулетов. Жулиньо — бразильский нападающий, например, на все матчи таскал с собой целую связку ключей. Он крепко верил, что они помогают ему «открывать» чужие ворота на футбольном поле.

В Африке одна команда возила на стадион старенький патефон с заезженной пластинкой. Патефон заводили в те моменты, когда команде приходилось туго. А пластинка была немудреной — она воспроизводила львиный рык, который и ободрял игроков. Дело это, может быть, и интересное, но несерьезное. Ведь всем известно, что побеждает та команда, у которой выше техника, больше выносливости, воли к победе. У кого лучше тактика.

Но случается, одно из этих качеств становится своего рода амулетом. Много лет считалось, что советские футболисты бегают быстрее всех, никому не сравниться с ними в силе и выносливости. Твердо верили в это и сами игроки и тренеры. Пусть в технике или тактике мы уступаем кому-нибудь, но уж на поле за нами никто не угонится и от нас ни-

кто не убежит — так рассуждали они.

Время шло. Советские футболисты совершенствовались в технике, преуспели в тактике. Казалось, крепок фундамент для будущих побед. Но и соперники не дремали. Прошлый сезон это показал. В Мадриде встретились сборная СССР и хозяева поля, чтобы решить спор — кому достанется кубок Европы. Наши проиграли. Подвел команду... «амулет».

Вот почему пришлось задуматься специалистам и тренерам. Скорость и сила... Как их развить, как вернуть утраченное превосходство?

На помощь футболу поспешила наука. Ученые разработали специальную программу физической подготовки. Футболисты старательно ее выполняли. Вот почему весной появилась на футбольном поле штанга, вот почему черноморским мальчишкам долго приходилось ждать, пока наступит время подавать мячи.

Так как же все-таки, футбольный амулет — хорошо это или нет? Вернемся снова на юг. Весной футболисты сдавали различные «экзамены». Например, кто сильнее бьет по мячу? Оказалось, что самым мощным ударом обладает один... вратарь. Качество неплохое, но само по себе малоценное. Этот голкипер с пушечным ударом среди своих собратьев по искусству не блещет игрой.

Или взять жонглирование мячом. Некоторым игрокам без передышки подкидывали мяч, не давая ему коснуться земли. Спортсмены наносили подряд ударов сотни полторы-две. Со стороны это выглядело красиво. Но если «жонглер» способен показать свои фокусы лишь тогда, когда ему никто не мешает, когда рядом нет соперника, то грош им цена.

„СТРАШНЫЙ“ ЛЕВ

Цепь каких-то досадных случайностей не позволила нам повидаться в назначенный срок. Поэтому, когда мы все-таки встретились, я рискнул начать беседу фразой:

— Разыскать вас, видно, так же трудно, как гол забить?

Лев Яшин внимательно глянул на меня и ответил чуть усталым голосом:

— Да нет, гол пропустить не так уж трудно...

Разговор наш пошел легко. Яшин рассказывал о годах своей футбольной жизни. Сейчас ему тридцать шесть лет, возраст ветерана. Ох, уж этот возраст для спортсмена!

Когда наша сборная вернулась два года назад из Чили, где не стяжала «запланированных» лавров, болельщики встретили футболистов без лишнего сантиментов. Доставалось всем, но, пожалуй, больше всех вратарю. Как же иначе, ведь старая спортивная истина гласит: ошибка защитника или нападающего — это просто ошибка. Промак вратаря — всегда гол...

Был промах или не был, особенно не интересовались.

Болельщикам на трибунах было очень обидно за Чили, и они по-своему срывали обиду на человеке в черном, маячившем между штангами.

— На пенсию! — недвусмысленно требовали трибуны, сопровождая свой клич пронзительным свистом.

Потом страсти постепенно улеглись, но даже умеренные болельщики склонялись к мысли, что Яшин «уже не тот».

Примерно так рассудил в прошлом сезоне и тренер сборной страны, давший ветерану почетную отставку. В разгар подготовки к ответственным играм с Италией вратарь отправился в Англию на «матч столетия». Что из этого вышло, знают все. В воротах сборной мира Яшин сыграл так, что очаровал выдавших виды британских знатоков футбола. Чуть позже в Риме он на своих плечах вынес всю тяжесть соперничества с лучшими форвардами Италии, бешено рвавшимися вперед. Он взял несколько мертвых мячей. Но окончательно «сломал» соперников, когда взял пенальти, пробитое грозным Мачцолой...

Все это теперь страшнички футбольной истории, которые любопытно вспомнить. А каково-то было игроку в воротах!..

Те, кто хорошо знает Яшина, рассказывают, что перед ответственными поединками он волнуется, как новичок. Волнуется потому, что фанатично предан спорту, футболу. Но когда Яшин выходит на поле, легко ловит мячи и деловито командует защитниками, каждый скажет, что это человек с железными нервами.

А познакомившись поближе, оказывается, что человек этот по-хорошему простой и обыкновенный. Известным спортсменам обязательно задают вопрос о секретах их мастерства. Яшин всегда отвечает одинаково, на каком бы языке такой вопрос ни задавался: «Секрет один — упорство. Упорство в тренировках, упорство в борьбе».

Много историй рассказывают про этого вратаря. Хочется вспомнить еще одну. Однажды в стране футбольных чудес — Бразилии, где гастролировали московские динамовцы, Яшин получил приглашение выступить по телевидению. Когда он прибыл на телестудию, организаторы передачи преподнесли гостю сюрприз. В зале

были установлены самые настоящие ворота, а возле мяча в полной готовности стояли три форварда. Гостю объяснили, что телезрители хотят видеть приезжую знаменитость «в деле», поэтому студия и превращена в своеобразный стадион. Условия простые: каждый из бразильцев пробьет по одному пенальти. Если вратарь отличится в этом споре, он получит приз. Отступить, как говорится, было некуда, и Яшин занял привычное место в воротах. Он рассердился на хозяев за подстроенный сюрприз и постарался отбить первый удар. Такое начало выбило из колеи бразильских бомбардиров. Второй из них пробил в штангу, а третий послал мяч выше перекладины. Приз остался за Яшиным. Тут же, на глазах организаторов и телезрителей, вратарь отказался от награды, пожертвовал доллары сиротам.

Недавно в Югославии во время матча сборной Европы с хозяевами поля знаменитый форвард югославов Бора Костич тоже не смог распечатать ворота Яшина, когда в них было назначено пенальти. Местные журналисты в связи с этим переназначили детскую песенку и в шутку окрестили Яшина «страшным» Львом...

ИГРОК СДАЕТ ЭКЗАМЕН

У футболиста летом экзаменов много. Раз, а то и два в неделю свисток судьи вызывает его к центру поля, где красуется мяч. Каждый по-своему проверяет искусство игрока — судья, соперник, зритель. А после матча в протоколе тренер ставит ему отметку за игру.

Какую? Выиграла команда — в протоколе кругленькая пятерка, проиграла — некрассивые двойки или тощие единицы.

И вот, однажды, я стал свидетелем такого случая. Команда ушла с

поля побежденной. Матч был нешуточный, на первенство страны: «Ну, двойки ребятам обеспечены», — так, наверное, думали все зрители.

Первым заполнял протокол тренер победителей. Он взял и наставил своим парням... троек. Потом пришел наставник команды неудачников и вывел всем аккуратенькие четверочки!

Выходит, дело не только в очках. Оба тренера по-своему были правы. Победители слыли солидной командой, но лучшее, на что способны, показать не смогли. За

это и посредственные оценки. А четверки проигравшим за что? Коллектив это был молодой, еще не опытный. Но для начала выступил неплохо. Боролся до конца и проиграл лишь в упорной борьбе.

МАЙКА С ПЯТЫМ НОМЕРОМ

Те, кто раньше часто бывал на стадионах, знают, что в составе сборной СССР в футболке с пятым номером много лет играл Юрий Воинов. Сейчас он тренер. А футболка по наследству досталась москвичу Валерию Ворониному. Вот его спортивная визитная карточка: заслуженный мастер спорта, правый полузащитник московского «Торпедо», сборной СССР, сборной Европы. Рост 179 см; вес 80 килограммов. На боевом счету 13 мячей, забитых в первенствах СССР.

По итогам прошлого сезона Валерий был признан лучшим футболистом года в стране. Вот о чем мы с ним говорили:

— Где вы начали играть в футбол?

— Как все мальчишки, во дворе, потом в детской заводской команде и, наконец, в коллективе мастеров «Торпедо».

Выиграл — хорошо, проиграл — плохо, такая мерка не всегда к футболу подходит. Ведь цель не только два очка. Цель, прежде всего, хорошая игра, так, чтобы было приятно самому, да и зрителям интересно.

— Когда это произошло?

— Мне было восемнадцать лет, когда я попал в дублирующий состав торпедовцев.

— Сколько лет вы играете в сборной?

— Четыре года.

— Кто из молодых игроков имеет сейчас перспективы вырасти в больших мастеров?

— Мне кажется, что среди них восемнадцатилетний Анатолий Банишевский из Баку, двадцатилетний Юрий Авруцкий из московского «Динамо» и чуть ли не все дублиеры тбилисского «Динамо», которым по девятнадцать лет.

— Чем вы интересуетесь больше всего в жизни?

— Спортом и журналистикой. Я учусь на третьем курсе Института физкультуры и являюсь членом редколлегии еженедельника «Футбол».

таясь получить ответ, обращаются даже к счетно-вычислительным машинам. Но электронный мозг пока что плохой помощник для футбольных прорицателей.

Пытаются найти поклонники кожаного мяча и научную основу для спортивных предсказаний, составляя хитроумные формулы, в которых стараются учесть все, начиная от прежних результатов команд и кончая... настроением игроков.

Но есть и такой простой, на первый взгляд, футбольный оракул — опыт и авторитет ведущих тренеров страны. Вот к нему мы и решили обратиться накануне чемпионата.

Вообще-то говоря, футбольные академики люди осторожные. На такие «коварные» вопросы они тоже не всегда дают прямой ответ. Впрочем, судите сами.

Итак, кто будет призерами чемпионата в 1965 году? Первое слово наставнику чемпионов — тбилисских динамовцев, заслуженному тренеру СССР Гавриилу Качалину:

— Наша заветная цель — снова подняться на верхнюю ступеньку пьедестала почета. Основных конкурентов я вижу в лице московских торпедовцев, динамовцев, спартаковцев, а также динамовцев Киева, Минска и армейцев Ростова.

Все они — потенциальные победители.

Заслуженный мастер спорта Валентин Николаев, возглавляющий ЦСКА, сказал так:

— Не берусь называть верных кандидатов в чемпионы. Почти все 17 клубов равны по своему уровню. Выиграет тот, кто сумеет правильно распределить свои силы в большом турнире.

Руководитель киевского «Динамо» заслуженный тренер СССР Виктор Маслов:

— Надеюсь, что кто-нибудь из прошлогодних призеров первенства в этом сезоне уступит свои позиции другим командам. Не скрою, что киевляне будут в числе тех, кто попытается потеснить медалистов.

Тренер московского «Спартака» заслуженный мастер спорта Никита Симонян:

— Не люблю делать прогнозов. Но «Спартак» постарается сыграть лучше, чем прежде, чтобы вернуть расположение своих болельщиков.

Заслуженный мастер спорта Михаил Якушин («Пахтакор», Ташкент):

— Мне кажется, что медали достанутся тем клубам, которые принято считать корифеями. Это команды, ровно и сильно играющие в последние годы.

Кто же прав? Давай-те подождем до октября.

ОЧКИ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ

Всех болельщиков обычно интересует один вопрос. Главный во-

прос — кто будет чемпионом страны, кто завоюет медали? Некоторые, пы-

САМЫЙ ИСКУСНЫЙ КОРАБЕЛ

Много ребят вступило в соревнование корабелов! Одно за другим получали мы письма с бумажными кораблями; одни из них были побольше, другие поменьше, третьи — совсем малюсенькие. Присылали нам также иголки с вложенными в ушко кораблями.

Но самый маленький кораблик сделал Петя Бауэр. Он живет в Заполярье, в г. Воркуте. Его кораблик высотой всего полтора миллиметра, а длина его — три миллиметра.

Пете Бауэру по заслугам принадлежит приз соревнования корабелов — настоящий игрушечный корабль.

Этот памятник — воз-
двигнут в небольшом го-
родке Ош — в древней
столице Гасконии.

Эта бронзовая группа украшает площадь Испании
в Мадриде.

По ночам, когда улицы и площади пустеют, па-
мятники разговаривают. Доказательства? Магнито-
фонная лента. Вот что на ней записалось:

Смотри страницу 27

Кому же поставлены эти памятники? Ручаем-
ся, что героям, которых вы знаете и любите.
А вот кому именно?

Вопрос ясен?

Люди вы начитанные, — отвечайте!

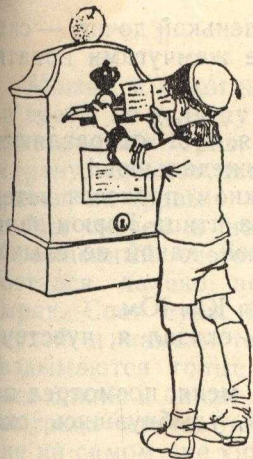
Адрес этого памятни-
ка: Италия, близ Пи-
стойи, селение Коллоди.

А этим — гордится город
Ганнибал на реке Мисси-
сипи.

Эта статуя помещена на
камне среди волн у входа в
Копенгагенскую бухту.

Мно, мой Мно!

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Астрид Линдгрен

Рисунки Илон Векланд

Мы вошли в дом. Там за своим ткацким станком сидела женщина. Она ласково кивнула нам.

— Почему ты не спишь и работаешь ночью? — спросил я.

— Я тку чудодейное полотно. А делать это можно только ночью.

Луч луны проник в окошко и осветил ее ткань. Как красиво она засверкала! Краше ткани я в жизни не видел.

— Волшебную ткань, чудодейное полотно ткут всегда ночью, — повторила женщина.

— А из чего ее ткут, такую красивую? — спросил я.

Женщина не ответила и снова принялась ткать, тихо напевая под стук станка.

— Месяца бледного луч,

Месяца бледного луч, сердца алая кровь,

Багрец и серебро,

Яблони белый цвет, яблони белый цвет

Нежный рождает шелк,

Нежнее, чем ветер ночной

и ласковый шелест трав.

А над лесом птица Горюн поет,

вещая черное горе.

Ткачиха пела тихо и монотонно. И только она смолкла, как в лесу раздалась другая песня, которую я тотчас узнал. Правду сказала ткачиха: над лесом пела птица Горюн, вещая горе. Сидя на самой макушке дерева, она пела так, что тоска сжимала сердце.

— Почему так поет птица Горюн? — спросил я ткачиху.

Женщина заплакала, слезы ее скатывались на полотно, оборачиваясь маленькими прозрачными жемчужинами, так что ткань стала еще краше прежнего.

Продолжение. См. «Костер» № 7, 1965 г.

— Почему так поет птица Горюн? — переспросил я.

— Она поет о моей маленькой дочке, — ответила ткачиха и горько зарыдала. — Она поет о моей маленькой дочке, которую похитил разбойник.

— Какой такой разбойник похитил твою маленькую дочку? — спросил я, хотя уже знал его, и мне не надо было говорить, кто он.

— Нет, не упоминай его имени, — добавил я погодя.

Я стоял посреди комнаты и слушал, как на воле поет птица Горюн. Вечерами она часто пела мне в саду отца, но тогда я не понимал, о чем она поет. Теперь я знал: она пела о маленькой дочке ткачихи, о братьях Нонно и о сестренке Йри, и еще о многих-многих других, кого схватил и увез в свой замок злой рыцарь Като. Вот почему горевали люди в маленьких домиках на Острове Зеленых Лугов, в Стране Заморской, по ту сторону фьорда и в Стране Загорной. Они горевали о детях, о своих детях.

Рыцарь Като! Как я боялся его! Как боялся! Но, стоя здесь, в этой комнате, и слушая песню птицы Горюн, я вдруг понял, зачем я скакал Дремучим Лесом нынче ночью. За Дремучим Лесом начинались земли Страны Чужедальней. А туда-то мне и надо. Туда-то мне и надо, чтобы сразиться с рыцарем Като; хотя я так боялся его, так боялся.

Женщина снова принялась ткать. Не обращая ни малейшего внимания ни на Юм-Юма, ни на меня, она вполголоса напевала под стук станка все ту же монотонную песню: «Месяца бледного луч, месяца бледного луч, сердца алая кровь...»

— Юм-Юм, — сказал я. — Как чудно звучал мой голос. — Юм-Юм, я отправляюсь в Страну Чужедальнюю.

— Знаю, — ответил Юм-Юм.

Ну и удивился же я!

— Как ты можешь знать? — спросил я. — Совсем недавно я и сам ничего не знал.

— Ты так мало знаешь, Мио! — сказал Юм-Юм.

— А ты, ты знаешь, верно, все? — спросил я.

— Да, знаю, — ответил Юм-Юм. — Я уже давно знаю, что тебе предназначено отправиться в Страну Чужедальнюю. Все знают про это.

— Все знают про это?

— Да, — сказал Юм-Юм. — Птица Горюн знает. Ткачиха знает. Белоснежные лошади знают. Весь Дремучий Лес знает; деревья шепчут про это, и травы, и цветущие яблони; все знают про это.

— Да ну! — удивился я.

— Каждый пастух на Острове Зеленых Лугов знает. Нонно знает. Его бабушка знает, Ири с братьями и сестрами тоже знают. Колодец, который нашептывает по вечерам сказки, тоже знает. Говорю тебе, все знают про это.

— А мой отец?.. — прошептал я.

— Твой отец всегда знал про это, — сказал Юм-Юм.

— И он хочет, чтобы я отправился туда? — спросил я, не в силах сдержать в голосе легкую дрожь.

— Да, хочет! — ответил Юм-Юм. — Он страдает, но хочет, чтобы ты отправился туда.

— Но я так боюсь! — признался я плача. Только сейчас я взаправду понял, как я боюсь.

— Юм-Юм, я не отважусь на это, — сказал я. — Почему мой отец король хочет, чтоб именно я совершил этот подвиг?

— Мальчик королевского рода — единственный, кому суждено совершить этот подвиг.

— А если я погибну? — спросил я, крепко ухватившись за руку Юм-Юма. Он не ответил.

— И мой отец хочет, чтобы я все равно отправился туда?

Женщина перестала ткать, и в комнате стало тихо. Смолкла птица Горюн. Замерли листья на деревьях, не слышно было ни малейшего шелеста. Стояла мертвая тишина.

Юм-Юм кивнул и едва слышно сказал:

— Да, твой отец все равно хочет, чтобы ты отправился туда.

— Я не отважусь на это! — закричал я. — Не отважусь! Не отважусь!

Юм-Юм молчал. Он только смотрел на меня, не произнося ни слова. Снова запела птица Горюн, и от ее песни сердце замерло в моей груди.

— Она поет о моей маленькой дочке, — сказала ткачиха, и слезы ее жемчугами покатились на полотно.

Я сжал кулаки.

— Юм-Юм! — сказал я. — Я отправляюсь, отправляюсь в Страну Чужедальнюю!

При этих словах за окном пронесся ветер. Дремучий Лес зашумел, а птица Горюн залилась песней, такой звонкой, какой не слышал еще ни один лес в мире.

— Я знал это! — сказал Юм-Юм.

— Прощай, Юм-Юм! — сказал я, чувствуя, что вот-вот зареву.

Юм-Юм посмотрел на меня, посмотрел почему-то глазами Бенки и, улыбнувшись, сказал:

— Я пойду с тобой!

Вот это друг! Юм-Юм — мой настоящий друг! Я так обрадовался, когда он сказал, что пойдет со мной! Но я не хотел подвергать его жизнь риску.

— Нет, Юм-Юм! — сказал я. — Ты не пойдешь со мной, ты не можешь идти со мной!

— Нет, пойду! — возразил Юм-Юм. — «Мальчик королевского рода, верхом на белоснежной лошади и в сопровождении единственного друга», — так было предсказано. И не тебе изменить то, что было предначертано многие-многие тысячелетия тому назад.

— Многие-многие тысячелетия тому назад, — повторила ткачиха. — Помнится, ветры пели про это в тот самый вечер, когда я сажала мои яблони, а было это давным-давно.

— Подойди ко мне, Мио! — позвала она. — Я залатаю твой плащ!

Взяв свою чудодейную ткань, она отрезала лоскуток и залатала прореху в моем плаще. И это еще не все. Она подбила мой плащ сверкающей тканью и набросила его мне на плечи.

— Мое лучшее полотно я отдаю тому, кто спасет мою маленькую дочку, — сказала ткачиха. — А еще ты получишь хлеб, хлеб насущный. Береги его! Ты еще узнаешь голод!

Она дала мне хлеб, и я поблагодарил ее. Потом, обернувшись к Юм-Юму, спросил:

— Готовы мы в путь?

— Да, мы готовы! — ответил Юм-Юм.

Выйдя из домика, мы пошли по тропинке меж яблонь. Только мы уселись верхом на Мирамис, как птица Горюн расправила свои черные крылья и взмыла к горным вершинам.

Сотня белоснежных лошадей глядела нам вслед, когда мы скакали меж деревьев. Цветущие яблони белели, как снег, под лучами луны. Они белели, как снег... Может, я никогда больше не увижу таких прекрасных яблонь в белом цвету...

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ПТИЦЫ

Может, я никогда больше не увижу яблонь в цвету, не услышу шелеста зеленых деревьев и шелковых трав. Потому что мы едем в страну, где нет цветов, где не растут ни деревья, ни травы.

Мы скачем в ночи. Все вперед и вперед. Освещенный светом луны приветливый лес остался далеко позади. Впереди сгущается мрак. Свет луны меркнет, земля становится сухой и каменистой, вокруг отвесной стеной вздымаются голые скалы. Они надвигаются все ближе и ближе. И вот мы уже скачем меж высоких черных стен по тесной глухой тропинке на самом дне ущелья.

— Эх, была бы тропинка не такая глухая, — сказал Юм-Юм, — горы не такие черные, а мы не такие маленькие и беззащитные!

Тропинка змеилась и извивалась, казалось, тысяча опасностей подстерегает нас за каждой извилиной. Видно, Мирамис тоже чувствовала это. Она дрожала всем телом и хотела повернуть назад. Но я крепко держал поводья. Тропинка становилась все уже, черные скалы по сторонам все выше. Густел мрак. И вот мы подъехали к тесной расщелине между скал. А там, за этой расщелиной, клубился ночной мрак, мрак, чернее которого нет ничего в целом мире.

— Страна Чужедальняя, — прошептал Юм-Юм. — Это ворота в Страну Чужедальнюю.

Мирамис яростно сопротивлялась. Она вставала на дыбы и дико ржала, так что я не в силах был слушать. Только эти ужасные звуки нарушали тишину. Во мраке за воротами царило гробовое молчание. Глухой мрак словно подстерегал нас: казалось, он поглотит нас, как только мы окажемся по ту сторону ворот.

Я знал, что мне предстоит окунуться в этот мрак. И все-таки я больше не боялся. Я подумал: «Будь что будет, пусть даже я никогда не вернусь обратно, все равно бояться я больше не стану».

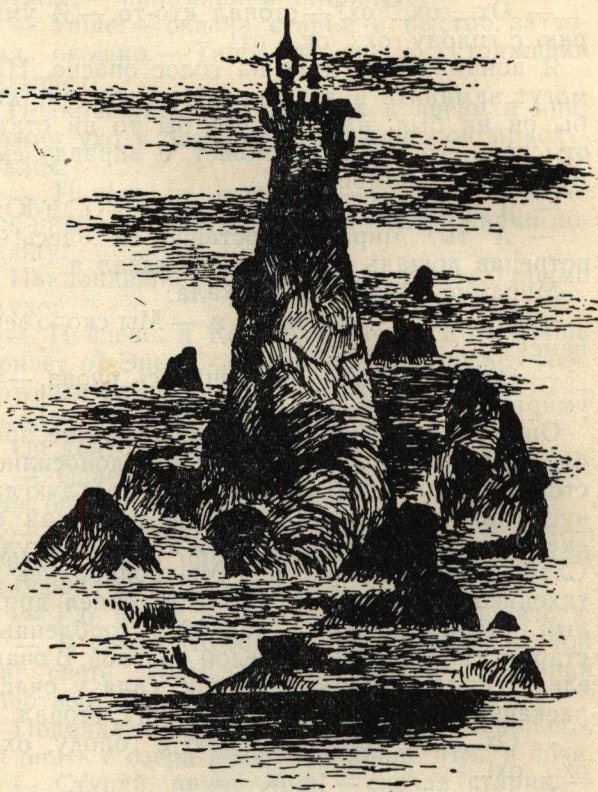
Я погнал Мирамис во мрак. Когда лошадь поняла, что я вовсе не собираюсь поворачивать назад, она с быстротой молнии проскочила сквозь тесную расщелину и понеслась дальше по мрачным дорогам Страны Чужедальней. Мы мчались в ночи, вокруг нас стояла черная мгла, и я не разбирал пути.

Но со мной был Юм-Юм. Он сидел за моей спиной, изо всех сил держась за меня, и я любил его как никогда. Я был не одинок, меня сопровождал друг, мой единственный друг!

Не знаю, сколько времени мы мчались во мраке. Быть может, и одно мгновение, быть может, долгие-долгие часы. А быть может,

многие-многие тысячелетия! Мы скакали, будто в страшном сне. Мы скакали и скакали, не зная куда, не зная, как долго. Мы просто скакали в ночи.

И вдруг Мирамис остановилась. Мы подъехали к озеру. Ни один самый страшный сон

не сравнится с этим озером. Иной раз мне снятся глубокие черные воды, которые разверзаются предо мной. Но ни мне, ни другим людям, ни одному человеку в мире никогда и не снились такие черные воды, какие открылись моим глазам. Это были самые угрюмые, самые черные воды на свете. Озеро замыкали черные голые утесы. И птицы, несметное множество птиц кружило над мрачными водами. В темноте их не было видно, только слышались их печальные крики. И печальнее этих криков мне слышать не доводилось. О, как я жалел их! Казалось, будто они кличут на помощь, будто они плачут в отчаянии.

На другом берегу озера, на самой высокой скале стоял высокий черный замок. Там светило одно-единственное окошко. Оно, это окошко, горело, как злое человеческое око,

жестокое и ужасное око, подстерегавшее нас в ночи.

— Замок рыцаря Като, — прошептал Юм-Юм. Мирамис задрожала.

Замок рыцаря Като! Там, по другую сторону черных вод, был мой враг, там жил тот, с кем я должен сразиться.

— Тебе понадобится меч! — сказал Юм-Юм.

Только он произнес эти слова, как вблизи послышался чей-то стон.

— Ох... ох... ох! — стонал кто-то. — Я умираю с голоду, ох... ох... ох!

Я понимал, что идти на голос опасно. Нас могут заманить в ловушку. Но подумал: кто бы он ни был, надо во что бы то ни стало отыскать его и узнать, может, и вправду ему нужна наша помощь.

— Я пойду с тобой! — отозвался Юм-Юм.

— А ты, Мирамис, останешься здесь! — потрепав лошадь по холке, приказал я.

Мирамис тревожно заржала.

— Не бойся! — успокоил я. — Мы скоро вернемся.

— Ох... ох... ох! — послышалось снова. — Я умираю с голоду, ох... ох... ох!

Ощупью, спотыкаясь и падая в темноте, пробирались мы в ту сторону, откуда доносились стоны. И, наконец, наткнулись на дряхлую лачугу, такую развалину, что не подпирай ее скала, лачуга бы уж давным-давно рухнула. Слабо светилось окошко. Мы подкрались и тихонько заглянули в дом. Там сидел дряхлый старик, тощий, жалкий, сгорбленный старик свсклокоченной седой головой. В очаге едва теплился огонь, а старик, сидя у очага, раскачиваясь из стороны в сторону, стонал:

— Ох... ох... ох! Я умираю с голоду, ох... ох... ох!..

Мы вошли. Старик сразу умолк, вытаращив на нас глаза. Мы стояли у двери, а он таращил глаза так, будто никогда не видел таких, как мы. Потом, словно испугавшись, закрыл лицо своими высохшими, дряхлыми руками.

— Не обижайте меня! — прошептал он. — Не обижайте меня!

— Мы и не думаем обижать тебя, — сказал я. — Мы услышали, что ты хочешь есть. Мы пришли накормить тебя.

Разломив краюху хлеба, что дала нам ткачиха, я протянул кусок старику. Он все так же таращил на меня глаза. Я поднес хлеб еще ближе, но старик только испуганно глядел на меня: видно, он очень боялся.

— Бери, — сказал я. — Не бойся!

Осторожно протянув руки, он взял хлеб. Он взял его обеими руками, он мял его между ладонями, он поднес хлеб к носу, понюхал его. И вдруг заплакал.

— Хлебушко, — прошептал он. — Хлебушко наш насущный!

И он стал есть этот хлеб. Никогда не доводилось мне видеть, чтобы кто-нибудь так жадно ел. Плача, он все ел и ел. А когда доел последнюю корку, стал подбирать крошки с колен. И только подобрав все до последней крошки, снова взглянул на нас.

— Откуда вы? Откуда такой хлеб? Заклинаю вас всеми моими черными голодными днями — скажите, откуда вы?

— Мы из Страны Дальней. И хлеб оттуда.

— Зачем вы пришли сюда? — прошептал старик.

— Сразиться с рыцарем Като! — сказал я.

Только я это сказал, старик как вскрикнет да как свалится с лавки. Слово маленький серый клубок, покатился он по полу.

— Ступайте прочь! Уходите! Уходите, откуда пришли! — шептал он. — Уходите, пока не поздно!

— Не уйду! — сказал я. — Я пришел сразиться с рыцарем Като.

Громко и отчетливо произнес я эти слова. Громко и отчетливо, как только мог, произнес я имя рыцаря Като.

— Тсс-тсс! — вне себя от страха прошептал старик. — Тише! Тебя могут услышать стражники.

Тихонько проковыляв к двери, он боязливо прислушался.

— Ничего не слыжать! — сказал он. — Но все равно они могут быть там! Здесь и там, повсюду! Стражники — по... повсюду!

— Стражники рыцаря Като? — спросил я.

— Замолчи, мальчик! — прошептал старик. — Тебе, видно, надоела твоя молодая жизнь! Усевшись на лавку, он покачал головой.

— Да, да! — едва слышно сказал старик. — Его стражники повсюду. Утром, вечером и ночью. Всегда и повсюду.

Протянув руку, он взял мою ладонь в свою.

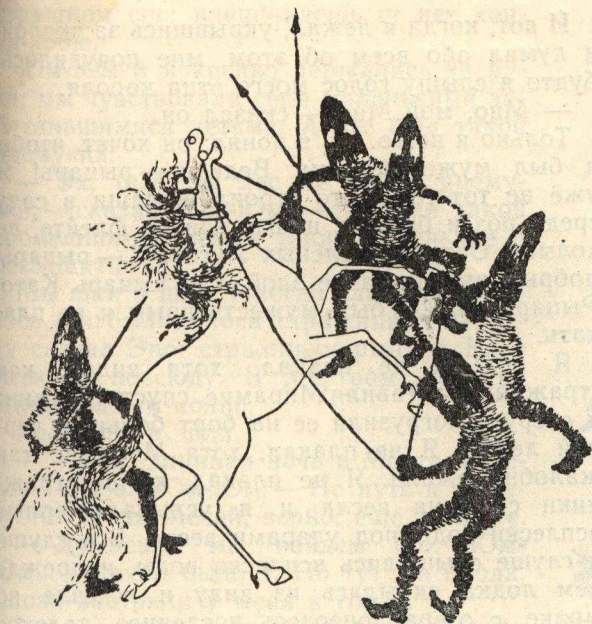
— Заклинаю всеми моими черными голодными днями, — прошептал старик, — не верь никому! Ты войдешь в какой-нибудь дом... тебе покажется, что ты — среди друзей. Не верь: ты — среди врагов. Они изменят тебе. Они вероломно предадут тебя. Не верь никому, говорю тебе! Не верь мне! Откуда тебе знать: вдруг, только ты переступишь порог, я натравлю на тебя стражников.

— Ты этого не сделаешь, — сказал я.

— Никто не может быть в этом уверен, — прошептал старик. — Никогда никто не может быть в этом уверен.

Он помолчал в раздумье.

— Нет, я не натравлю на тебя стражников! — сказал он. — Не все в этой стране пре-

дают. А есть и такие, кто кует оружие.

— Нам нужно оружие! — сказал Юм-Юм. — Мио нужен меч.

Старик не ответил. Подойдя к окошку, он распахнул его. С озера донеслись горестные крики птиц. Казалось, будто они плачут где-то там, в ночном мраке.

— Слышишь? — спросил меня старик. — Слышишь, как они оплакивают свою судьбу? Хочешь тоже стать птицей и кружить над озером, оплакивая свою судьбу?

— А что это за птицы? — спросил я.

— Заколдованные птицы! — прошептал старик. — Ты сам догадаешься, кто их заколдовал. Сам догадаешься, кто их похитил. Видишь теперь, что ожидает тебя.

Ну и опечалился же я, когда он так сказал. Птицы! Ведь это, значит, братья Нонно, сестры Йри, маленькая дочка ткачихи и многие-многие другие. Всех их похитил и заколдовал рыцарь Като. О, я сражусь с ним! Я должен это сделать!

— Мио нужен меч! — повторил Юм-Юм. — Нельзя сражаться без меча.

— Ты сказал, что здесь есть такие, кто кует оружие, — напомнил я старику.

— Тише! — сказал старик и быстро затворил окошко. — Тише, а не то стражники услышат!

Подкравшись на цыпочках к двери и приложив ухо к замочной скважине, он прислушался.

— Ничего не слышать! — сказал он. — Но все равно они могут быть там. Стражники повсюду.

Наклонившись ко мне, он зашептал прямо в ухо:

— Пойдешь к Кователю Мечей и передашь привет от Эно. Скажешь, что тебе нужен меч, который рассекает камень. Скажешь, что ты — рыцарь из Страны Дальней.

Он долго смотрел на меня.

— Сдается мне, что это ты и есть, — сказал он. — Разве не так?

— Да, это так! — ответил за меня Юм-Юм. — Он рыцарь и принц. Принц Мио из Страны Дальней. И ему нужен меч.

— Где найти Кователя Мечей? — спросил я.

— В самой глубокой пещере самой черной на свете горы, — сказал старик. — Ступай Мертвым Лесом! Ступай!

Подойдя к окошку, он снова приотворил его. И опять с озера донеслись крики птиц в ночи.

— Ступай, принц Мио! — сказал старик. — Желаю тебе удачи! Ох, неужто и завтра ночью я услышу, как новая птица, кружа над озером, оплакивает свою судьбу?..

В МЕРТВОМ ЛЕСУ

Не успела захлопнуться за нами дверь лагуны Эно, как я услышал ржание Мирамис. Она ржала громко и отчаянно. Будто кричала:

— Мио! Сюда! На помощь!

Сердце мое замерло от страха.

— Юм-Юм! Что они делают с Мирамис?! — закричал я. — Слышишь? Что они делают с Мирамис?

— Тише! — сказал Юм-Юм. — Они схватили ее... стражники схватили Мирамис!

— Стражники схватили Мирамис! — закри-

чал я, ничуть не заботясь о том, что меня могут услышать.

— Тише — прошептал Юм-Юм. — А не то они схватят и нас!

Но я не слушал его. Мирамис, моя милая лошадка! Мою милую Мирамис стражники отнимают у меня!

Снова послышалось ржание.

— Идем! — сказал Юм-Юм, — посмотрим, что они делают с Мирамис.

Мы карабкались во мраке. Мы ползли, цепляясь за острые скалы. Я ободрал пальцы в

кровь, но был в таком отчаянии, что даже не почувствовал боли.

Я увидел Мирамис на вершине скалы: в ночном мраке она отливала молочной белизной. Моя Мирамис, самая белоснежная, самая прекрасная лошадь в мире!

Она неистово ржала и вставала на дыбы, стремясь вырваться на волю. Но пятеро стражников окружили ее со всех сторон. Жутко было смотреть на них и слышать, как они переговариваются своими жуткими хриплыми голосами. Юм-Юм и я осмелились подползти совсем близко; мы лежали, укрывшись за скалой, и слышали все, что говорили стражники.

— Лучше всего переправить ее прямо через Мертвое озеро в черной ладье, — сказал один.

— Да, через Мертвое озеро, прямо к рыцарю Като, — сказал другой.

Я чуть было не закричал им, чтобы они оставили мою лошадь в покое. Но удержался. Кто сразится с рыцарем Като, если стражники схватят меня? О, почему именно я должен сразиться с рыцарем Като? Укрывшись за скалой, я страшно раскаивался во всем. Почему я не остался дома с отцом? Над озером разносились крики заколдованных птиц; но какое мне дело до них! Пусть их будут заколдованными. Только бы мне вернули мою Мирамис с золотой гривой!

— Кто-то нарушил границу, — сказал один стражник. — Кто-то прискакал на белой лошади. Враг среди нас.

— Хорошо, что враг среди нас, — сказал другой. — Тем скорее мы схватим его. Тем скорее рыцарь Като раздавит и изничтожит его.

Я содрогнулся, услышав эти слова. Враг, который нарушил границу, был я. Тот, кого раздавит и изничтожит рыцарь Като, был я. Ах, как я раскаивался в том, что пришел сюда! Я хотел обратно, к отцу. Я думал: а тоскует ли он обо мне, беспокоится ли он обо мне? Как бы мне хотелось, чтобы он был здесь и помог мне! Как бы мне хотелось поговорить с ним, хоть немножко! Я бы сказал ему:

— Знаю. Ты хочешь, чтобы я сразился с рыцарем Като, но будь добр, избавь меня от этого! Помогни мне вернуть Мирамис и позволь нам уйти отсюда! Ты ведь знаешь: своей лошади у меня никогда не было, и я так люблю ее. Ты знаешь: отца у меня тоже никогда не было. А если рыцарь Като схватит меня, вместе нам никогда не бывать. Помогни мне выбраться отсюда! Не хочу здесь дольше оставаться! Хочу быть с тобой! Хочу вместе с Мирамис вернуться домой на Остров Зеленых Лугов...

И вот, когда я лежал, укрывшись за скалой, и думал обо всем об этом, мне почудилось, будто я слышу голос моего отца короля.

— Мио, мой Мио! — сказал он.

Только и всего. Но я понял: он хочет, чтобы я был мужественным. Ведь я — рыцарь! Я уже не тот Мио, что строил шалаши в саду среди роз и бродил, наигрывая на флейте, по холмам Острова Зеленых Лугов. Я — рыцарь, добрый рыцарь, а не злой, как рыцарь Като. Рыцарь должен быть мужественным и не плакать.

Я больше не плакал, хотя видел, как стражники заставили Мирамис спуститься вниз к озеру и погрузили ее на борт большой черной ладьи. Я не плакал, хотя Мирамис так жалобно ржала. Я не плакал, когда стражники сели на весла и я услышал мерные всплески воды под ударами весел. Все глуше и глуше слышались всплески воды, и прежде чем лодка скрылась из виду и исчезла во мраке, с озера донеслось последнее, далекое и отчаянное ржание; но я не плакал. Ведь я — рыцарь!

Неужто я не плакал? Сказать по правде, плакал, да еще как! Укрывшись за скалой, прижавшись лбом к каменистой земле, я горько рыдал, никогда еще я так не рыдал! Добрый рыцарь всегда говорит правду. По правде сказать, я плакал навзрыд. Вспоминая ее преданный взгляд, я просто обливался слезами. Моя Мирамис с золотой гривой! Она исчезла и, верно, я больше никогда не увижу ее.

Склонившись надо мной, Юм-Юм положил руку на мое плечо.

— Не плачь, Мио! — сказал он. — Пора идти к Кователю Мечей. Тебе нужен меч.

Слезы подступали к горлу, но я взял себя в руки.

— Да, надо, пока темно, найти Кователя Мечей, — сказал я Юм-Юму. — Мрак укроет нас. Пока не кончилась ночь, надо пересечь Мертвый Лес.

Цепляясь за выступы скал, мы стали спускаться к лачуге Эно. Она стояла мрачная и молчаливая. Мы двинулись дальше в ночную мглу и вышли наконец к лесу. То был настоящий Мертвый Лес: не играл ветерок, не дрожала листва. Там были одни лишь мертвые черные стволы с черными шишковатыми мертвыми ветвями.

— Вот мы и вошли в Мертвый Лес! — сказал Юм-Юм, когда мы проходили меж черных деревьев.

— Войти-то мы вошли, — сказал я. — Но, сдается мне, нам отсюда не выйти.

В этом лесу и впрямь запросто сбиться с пути. Такой лес может присниться лишь в

страшном сне: идешь-идешь, и нет конца-краю.

Юм-Юм и я крепко держались за руки: мы чувствовали себя маленькими заблудившимися детьми. А лес был такой дремучий.

— Эх, был бы лес не такой дремучий, — сказал Юм-Юм, — тьма не такой крошечной, а мы не такие маленькие и беззащитные!

Мы шли и шли. Иногда слышались голоса. Это были голоса стражников. Правду сказал Эно: стражники рыцаря Като рыскали повсюду. В Мертвом Лесу их было полным-полно.

Мы шли и шли.

— Какая длинная ночь в Мертвом Лесу! — сказал Юм-Юм. — Но путь в пещеру Кователя Мечей, верно, еще длиннее.

— Думаешь, мы найдем его, Юм-Юм... — начал было я. Но тут же смолк. Слова застряли у меня в гортани.

Черная цепь стражников ползла среди деревьев нам навстречу. Она ползла прямо на нас. Я понял: все пропало! Юм-Юм тоже увидел их и крепко сжал мою руку. Они еще не заметили нас, но скоро они ринутся на нас, и тогда всему конец. Мне не придется сразиться с рыцарем Като. И уже завтрашней ночью Эно услышит, как две новые птицы, кружа над озером, оплакивают свою судьбу.

Все ближе и ближе стражники, а мы стоим на месте не в силах пошевелиться. Но тут случилось чудо! В черном стволе векового дерева, совсем рядом, разверзлась щель, и не успел я опомниться, как мы с Юм-Юмом уже забились в дупло. Притаившись в стволе, мы дрожали, как птенцы при виде ястреба. Стражники были совсем близко, и мы слышали каждое их слово.

— Слышали? Кто-то разговаривал в Мертвом Лесу, — сказал один. — Кто может разговаривать в Мертвом Лесу?

— Враг среди нас, — сказал другой. — Только враг может разговаривать в Мертвом Лесу.

— Если враг в Мертвом Лесу, мы скоро схватим его, — сказал третий. — Ищите, ищите повсюду!

Мы слышали, как они рыщут среди деревьев. Мы слышали, как они, крадучись, идут по лесу. Затаившись в дупле, мы чувствовали себя такими маленькими и беззащитными!

Они долго искали нас, но так и не нашли. Все глуше и глуше звучали вдали их голоса. Потом все стихло. Дуплистое дерево спасло нас.

Почему дерево спасло нас? Этого я не знал. Может, весь Мертвый Лес ненавидел рыцаря Като? Может, мертвое дерево было когда-то свежим юным деревцом со множеством маленьких зеленых листочков, весело шелестевших, когда ветерок играл с ними? А злоба рыцаря Като убила и уничтожила эти листочки? И дерево не простило того, кто убил его маленькие зеленые листочки.

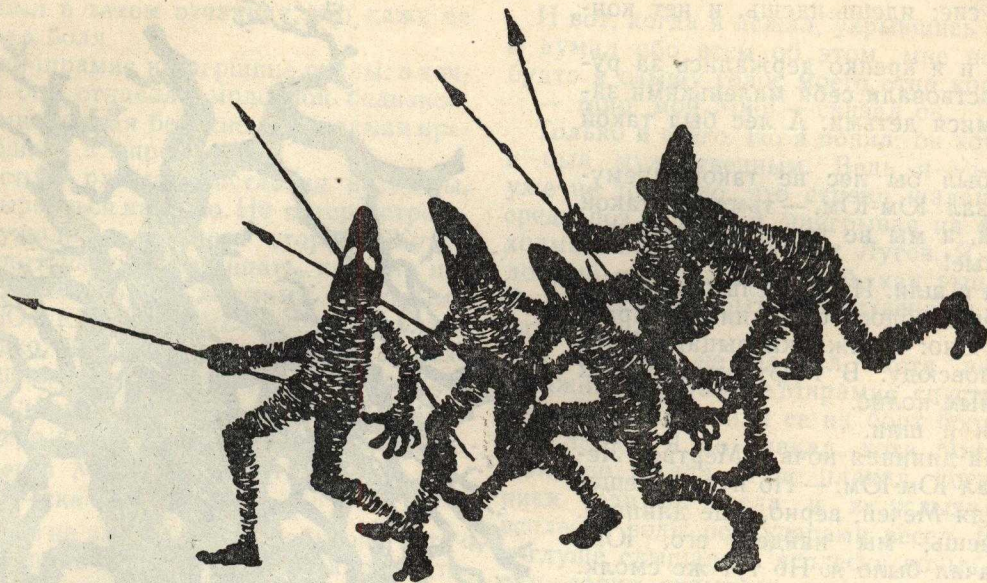
— Спасибо тебе, доброе дерево! — сказал я, когда мы вылезли из дупла.

Но дерево стояло мертвое и молчаливое и ничего не сказало в ответ.

Мы шли и шли по Мертвому Лесу.

— Скоро рассвет, — сказал Юм-Юм, — а мы еще не отыскали пещеры Кователя Мечей.

Да, ночь подходила к концу. Но рассвет в этой стране не был чист и прозрачен, как у нас дома. Здесь брезжил серенький, тусклый рассвет, мало чем отличавшийся от ночной мглы. Я вспомнил рассвет дома, на Острове

Зеленых Лугов, я вспомнил, как в эти часы мы скакали, бывало, на Мирамис верхом, и трава, умытая росой, сверкала каждой былинкой. Вдруг совсем близко раздался стук копыт. «Это — Мирамис!» — подумал я. Но Юм-Юм схватил меня за руку и прошептал:

— Слышишь? Стражники скачут по Мертвому Лесу!

И я понял: все пропало! Спасения нет! Скоро черные стражники увидят нас. Они налетят, как буйные ветры, и, пригнувшись, на всем скаку схватят нас, перекинут через седла и помчат в замок рыцаря Като. Мне не придется сразиться с ним. И уже завтрашней ночью Эно услышит, как две новые птицы, кружа над озером, оплакивают свою судьбу.

Все пропало. Я знал это. Все ближе и ближе стук копыт. Но тут случилось чудо! Черная каменная земля разверзлась перед нами. И не успел я опомниться, как мы с Юм-Юмом уже сидели, скорчившись в какой-то пещере, и дрожали, как зайчата при виде лисицы.

Самое время! Топот копыт раздался совсем близко. Мы слышали, как над нами скачут стражники, скачут прямо над нами. Мы слышали топот копыт над своей головой. От тяжелой поступи лошадей осыпался песок и просочился в пещеру. Затаившись в земле, мы чувствовали себя такими маленькими и беззащитными.

Снова послышался мерный стук копыт. Стражники воротились. Над нашими головами еще раз гулко прогремели подковы, и мы услышали крики и вопли стражников.

Сквозь узкую щель мы видели, как стражники соскочили с лошадей совсем рядом с пещерой. Они были так близко, что мы могли дотронуться до них. И мы слышали каждое их слово.

— Наказ рыцаря Като: враг должен быть схвачен, — сказал один. — Враг, прискакавший на белой лошади, должен быть схвачен нынче же ночью. Таков наказ рыцаря Като.

— Враг среди нас, — сказал другой, — и мы схватим его. Ищите, ищите повсюду!

Черные и уродливые, они были совсем близко от нас и хвалились, что им ничего не стоит поймать нас. Над деревьями Мертвого Леса брезжил тусклый рассвет, а черные лошади стражников, яростно закусив удила, рыли копытами землю.

— Ищите, ищите повсюду! — сказал один из стражников. — Ой, что это за нора?

— Пещера? — воскликнул другой. — Может, там притаился враг? Ищите повсюду!

Юм-Юм и я крепко держались за руки. И я знал: теперь все пропало.

— Попробую-ка я ткнуть копьём! — сказал один. — Если там затаился враг, я проткну его моим копьём!

И мы увидели, как в щель просунулось черное острое копьё. Мы забивались все дальше и дальше, в самую глубь пещеры. Но копьё было длинное-предлинное: его тонкое острие приближалось к нам. Но нас оно не коснулось. Оно воткнулось в стену пещеры между Юм-Юмом и мною, но нас оно так и не задело.

— Ищите, ищите! По всему Мертвому Лесу! — повторили стражники. — Наказ рыцаря

Като: враг должен быть схвачен. Здесь его нет. Ищите повсюду!

И, вскочив на своих черных лошадей, они умчались прочь.

Мы были спасены. Пещера спасла нас. Я все думал: почему? Может, даже земля, даже эта каменистая земля ненавидит рыцаря Като? Может, на этой бесплодной почве росли когда-то зеленые шелковые травы? Травы, умытые росой в часы рассвета? А злоба рыцаря Като убила и уничтожила их? И земля не простила того, кто убил ее зеленые шелковые травы, что росли здесь когда-то.

— Спасибо тебе, добрая земля! — сказал я, когда мы уходили.

Но земля ничего не сказала в ответ. Молча лежала она перед нами.

Мы шли и шли. Вот, наконец, и опушка Мертвого Леса. Снова вздымаются перед нами горы и скалы. Отчаяние охватило меня. Мы вернулись к тем самым скалам, которые окружали Мертвое озеро. Напрасны все наши страдания! Никогда не найти нам Кователя Мечей. Ночь напролет блуждали мы по Мертвому Лесу, а теперь снова вернулись туда, откуда начали свой путь. Вот и лачуга Эно, такая приземистая, серая и жалкая! Чтобы не рухнуть, она лепилась к скале. А скала эта, возвышаясь над всеми другими, чернела, как сажа.

— Может, это и есть самая черная на свете гора? — воскликнул Юм-Юм.

Самая черная на свете гора, — как я раньше не догадался! Ведь пещера Кователя Мечей именно в той горе, которая чернее всех на свете. «В самой глубокой пещере самой черной на свете горы», — так сказал Эно.

— Ой, Юм-Юм!.. — начал я, — вот увидишь... — Но тут же смолк. Я знал: все, все пропало! Потому что из Мертвого Леса хлынула целая лавина черных стражников. Одни бежали, другие мчались на черных лошадях, и вся эта орава неслась прямо на нас. Они увидели нас и громко закричали своими диковинными хриплыми голосами.

— Враг среди нас! Вот он! Хватайте его! Наказ рыцаря Като: враг должен быть схвачен.

Мы с Юм-Юмом стояли, прижавшись спиной к скале, и смотрели на стражников. А стражники все ближе и ближе! Да, всему конец! Так и не придется мне сразиться с рыцарем Като! Мне хотелось броситься на землю и заплакать. Но тут же я подумал, что еще успею выплакаться. Ведь уже завтрашней ночью старый Эно услышит над озером новых птиц, которые громче и горестнее других станут оплакивать свою судьбу! И старый Эно скажет тихо:

— Принц Мио кружит над озером!

САМАЯ ГЛУБОКАЯ ПЕЩЕРА САМОЙ ЧЕРНОЙ НА СВЕТЕ ГОРЫ

Но тут случилось чудо! Отвесная скала за моей спиной подалась назад. И не успел я опомниться, как мы с Юм-Юмом очутились внутри горы. Затаившись в горе, мы дрожали, как ягнята при виде волка. Но бояться нам было уже нечего. Мы были внутри горы, а стражники снаружи, скалистые стены сомкнулись за нами. Проникнуть сюда было невозможно. Руки у стражников коротки схватить нас здесь.

Но мы слышали, как они бесновались там, в лесу.

— Ищите, ищите повсюду! — кричали они. — Враг только что был среди нас. Ищите повсюду!

— Ищите, ищите! — сказал я. — Здесь вам никогда нас не отыскать.

Ну и обрадовались же мы с Юм-Юмом! И от радости громко засмеялись. Но тут я вспомнил про Мирамис, и мне стало не до смеху.

Оглядевшись по сторонам, мы увидели, что находимся в огромной пещере. Там было скорее сумеречно, чем темно: неизвестно откуда

пробивался слабый свет. Множество темных троп вело из пещеры в глубь горы.

«В самой глубокой пещере самой черной на свете горы. Там он и живет!» — так сказал Эно. Может, какая-то из этих троп и ведет к Кователю Мечей? Но какая? Этого мы не знали. Немало еще, видно, придется нам проблуждать, покуда мы отыщем его.

— Вот мы и вошли в гору, самую черную на свете, — сказал Юм-Юм.

— Войти-то мы вошли, — сказал я, — но, сдается мне, нам отсюда не выйти! Такая гора может присниться лишь в страшном сне: идешь и идешь по чудным темным переходам, и конца-краю не видно!

Взявшись за руки, мы с Юм-Юмом отправились в глубь горы. Мы чувствовали себя маленькими заблудившимися детьми, а путь в самую глубокую на свете пещеру был, верно, неблизкий.

— Эх, была бы гора не такой мрачной, — сказал Юм-Юм, — проходы не такими тем-

ными, а мы не такими маленькими и беззащитными!

Мы шли и шли. Порой можно было разглядеть, что впереди, порой было так темно, что хоть глаз выколи! Порой подземные переходы были такими низкими, что приходилось идти согнувшись, а порой пещерный свод поднимался высоко-высоко, как в церкви. На стенах проступала сырость, было холодно, и мы плотнее кутались в наши плащи, чтобы не замерзнуть.

— Никогда нам отсюда не выбраться, никогда не найти пещеры Кователя Мечей, — сказал Юм-Юм.

Мы проголодались и поели немного хлеба насущного. Поели немного, потому что не знали, насколько еще придется его растянуть.

И вот мы подошли к тому месту, где подземный переход разветвлялся на три разные дорожки.

По отвесной стене струилась вода, а мне хотелось пить. Остановившись на мгновение, я напился. Нельзя сказать, чтобы вода была вкусной, но другой не было. Напившись влостью, я обернулся к Юм-Юму. Но Юм-Юма и след простыл. Он исчез. Может, он не заметил, что я остановился напиться?

Сначала я несколько не испугался. Стоя у перепутья, я гадал, по какой тропке отправился Юм-Юм. Уйти далеко он не мог, и надо только покричать его...

— Юм-Юм, где ты? — закричал я что есть сил. Но мой крик вернулся ко мне жутким шепотом. Понять не могу, что за диковинная эта гора! Скалистые стены поглощали мой голос, приглушали его, превращая в шепот. Шепот эхом отзывался в горе.

— Юм-Юм, где ты?.. — шептало в темных переходах. — Юм-Юм, где ты?.. Юм-Юм, где ты?..

Страшно перепугавшись, я стал кричать еще громче: но гора по-прежнему шепотом повторяла мои слова.

— Юм-Юм, где ты?.. Юм-Юм, где ты?.. Юм-Юм, где ты?.. — шептало эхо.

О, как я перепугался! Ринувшись налево,

я пробежал несколько шагов по узкому переходу, потом бросился назад к перепутью и побежал направо, но, снова вернувшись, бросился в средний переход. Юм-Юм, где же ты? Я не смел больше кричать — страшнее всего был этот шепот.

Во все стороны расходились новые темные переходы, а я бегал по ним и все искал и искал. Я пытался сдержать слезы. Ведь я — рыцарь. Но мне было не до рыцарства. Я бросился на каменный пол и заплакал так горько, как в тот раз, когда стражники схватили Мирамис.

Я лежал и плакал, и каялся, что пришел сюда. Я не понимал, как мог мой отец король отпустить меня в путь, чтобы я сразился с рыцарем Като?

Первый раз в жизни мне показалось, что отец несправедлив, раз он пожелал, чтобы я пустился в такие приключения. И вдруг мне почудилось, будто я слышу голос моего отца.

— Мио, мой Мио! — сказал он.

Только и всего. Но слова эти прозвучали утешительно: мол, нет причины так горевать, нет!

Нет, не может быть, что я не найду моего дорогого Юм-Юма!

Я вскочил на ноги и тут что-то вывалилось у меня из кармана. Эта была маленькая деревянная флейта, которую смастерил для меня Нонно. Моя деревянная флейта.

«А что если сыграть, — подумал я. — Что если сыграть на флейте тот старинный напев, которому обучил нас Нонно?» Приложив флейту к губам, я не осмелился заиграть сразу. Я страшно боялся, что опять раздадутся тусклые, мертвые звуки.

О, как чисто запела флейта! Как чисто, ясно, как чудесно пела флейта в этой мрачной горе! Чудесней даже, чем на Острове Зеленых Лугов.

Я сыграл напев до конца и прислушался. Далеко-далеко в глубине горы раздались какие-то чистые звуки. Они пели чуть слышно, но я знал: Юм-Юм отвечает мне. Никогда еще я так не радовался!

Все ближе и ближе раздавались звуки. Все чище и чище, все громче и громче слышался старинный напев флейты Юм-Юма. И вдруг прямо предо мной, в темном переходе очутился Юм-Юм! Юм-Юм, мой самый лучший друг! Протянув руку, я коснулся его. Я обнял его. Я хотел убедиться, что это в самом деле он. И это был он! Это был мой самый лучший друг!

— Если я когда-нибудь свижусь с Нонно, я поблагодарю его за эти флейты, — сказал Юм-Юм.

— И я тоже! — сказал я. Но тут же подумал, что с Нонно нам, верно, никогда не свидеться.

— Юм-Юм, куда же нам идти? — спросил я.

— Все равно куда, — ответил Юм-Юм, — только бы вместе!

Я тоже так подумал. Мы шли и шли, не чувствуя себя больше маленькими заблудившимися детьми. Теперь мы были вместе и вместе играли на наших флейтах. Старинный напев звучал так прекрасно: казалось, он хотел утешить и подбодрить нас. Дорога шла вниз. Все дальше и дальше вниз. Слабый свет, озарявший проходы, стал чуть ярче. Будто огонь очага озарял темные отвесные стены и его отблески все веселее танцевали вокруг. И вот мы вошли в пещеру Кователя Мечей.

Пещера оказалась настоящей кузницей, и в горне пылал жаркий огонь. Рядом с огромной наковальней стоял человек. Такого огромного, такого крепкого человека мне видеть не приходилось. У него были длинные рыжие волосы и длинная рыжая борода. Весь он был покрыт черной сажей. А таких огромных, таких черных рук, как у него, я еще никогда не видел. Он стоял, грозно нахмурив кустистые брови.

— Кто это играет? — спросил он. — Кто это играет в моей горе?

— Рыцарь и его окруженосец, — ответил Юм-Юм. — Рыцарь из Страны Дальней! Принц Мио — вот кто играет в твоей горе.

Кователь Мечей подошел ко мне. Своим закопченным пальцем он коснулся моего лба.

— Какой чистый лоб! — сказал он. — Какой ясный взор! И как чудесно ты играешь в моей горе!

— Я пришел к тебе за мечом, — сказал я. — Меня послал к тебе старый Эно.

— А зачем тебе меч? — спросил кузнец.

— Я сражусь с рыцарем Като! — ответил я.

Только я вымолвил эти слова, Кователь Мечей как зарычит, да так страшно! Ничего подобного мне в жизни слышать не приходилось!

— Рыцарь Като! — рявкнул он так громко, что загрохотало в горах. — Смерть рыцарю Като!

Будто гром грянул в дальних темных переделах. Когда кричал Кователь Мечей, крик не заглушался, не превращался в шепот. Нет, громче грома гремел крик, и эхо повторяло его в горах.

Кователь Мечей стоял, сжав в кулаки свои огромные черные руки: отсвет пламени падал на его почерневшее от бешенства лицо.

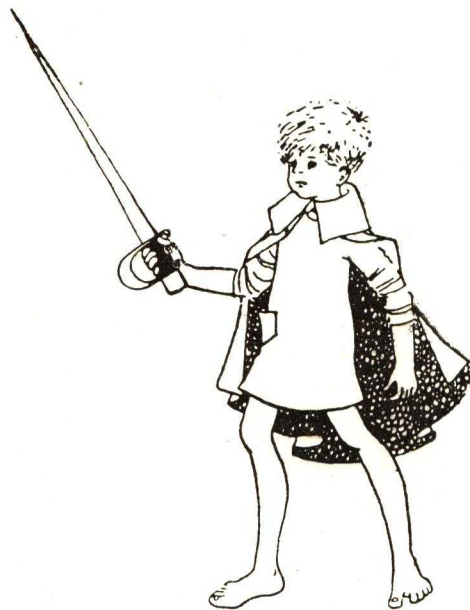
— Смерть рыцарю Като, смерть!

В горне взметнулся огонь и озарил на стенах длинный ряд острых мечей. Они блестели и сверкали так, что жуть брала.

— Видишь мои мечи? — сказал кузнец. — Мои острые мечи? Я их выковал для рыцаря Като. Кователь Мечей рыцаря Като, вот кто я!

— Если ты куешь ему мечи, почему ты кричишь «смерть рыцарю Като?» — спросил я.

Он сжал свои черные кулаки так, что косточки побелели.

— Потому что больше всех на свете ненавидит рыцаря Като тот, кто кует ему мечи, — ответил он.

И тут только я увидел, что кузнец длинной железной цепью прикован к скале.

— Почему ты прикован? — спросил я. — Почему не раскалешь цепь в своем горне и не разобьешь ее на своей наковальне?

— Рыцарь Като сам приковал меня, — ответил Кователь Мечей. — А его цепи не берет ни огонь, ни молот. Цепи, выкованные из ненависти рыцаря Като, не так-то легко разорвать!

Кователь Мечей взглянул на меня: глаза его сверкали огнем.

— Я сижу здесь в пещере и кую мечи рыцарю Като. Дни и ночи напролет кую я мечи: и он знает об этом. Но есть один меч, о котором не знает и он. Вот этот меч!

Кователь Мечей проковывал в самый темный угол пещеры и достал из расщелины меч. Как пламя, запылал в его руках огненный меч.

— Многие-многие тысячелетия пытался я выковать меч, который рассекает камень, — сказал он. — И сегодня ночью мне, наконец, посчастливилось, только сегодня ночью.

Он поднял меч и одним ударом рассек скалу.

— О, мой меч, мой огненный меч! — пробормотал он. — Мой меч, рассекающий камень!

— Зачем тебе этот меч, рассекающий камень? — спросил я.

— Так знай же, — ответил Кователь Мечей. — Этот меч выкован не для добрых и невинных. Это меч на самого рыцаря Като. Ведь у Като — сердце из камня; разве ты не знаешь об этом?

— Нет, я так мало знаю о рыцаре Като, — сказал я. — Знаю только, что пришел с ним сразиться.

— У него сердце из камня, — повторил Кователь Мечей. — И коготь из железа.

— Коготь из железа? — переспросил я.

— Разве ты не знаешь об этом? — спросил Кователь Мечей. — Вместо правой руки у него — железный коготь.

— А что он делает этим своим когтем? — спросил я.

— Вырывает сердца людей, — ответил Кователь Мечей. — А потом вкладывает в грудь каменное сердце. Это закон: у всех, кто его окружает, должны быть каменные сердца.

Услыхав эти слова, я вздрогнул. Ах, скорее бы, скорее бы сразиться с рыцарем Като!

— Дай мне твой меч, рассекающий камень! — попросил я. — Дай мне твой меч, чтобы я мог сразиться с рыцарем Като!

Кователь Мечей молча глядел на меня.

— Да, ты получишь мой меч, — сказал он наконец. — Как чист твой лоб, как ясен твой взгляд и как чудесно играл ты в моей горе. Ты получишь мой меч!

И он вложил огненный меч в мою руку. Будто частица огня передалась от меча ко мне, и я почувствовал в себе огромную силу.

Кователь Мечей подошел к скалистой стене и отворил потайное оконце. Холодный, ледяной вихрь ворвался в пещеру, и я услышал рокот мятущихся волн.

— Много знает рыцарь Като, — сказал Кователь Мечей. — Но он не знает, что я пробуровил гору и распахнул окно моей темницы. Долгие годы буравил я гору ради потайного оконца.

Я подошел к оконцу и стал глядеть на замок рыцаря Като на другом берегу Мертвого озера. Снова настала ночь, и замок казался черным и мрачным, а единственное окошко замка горело, словно злое око.

Подошел Юм-Юм и встал рядом со мной: мы молча стояли, думая о том, что битва близка.

Кователь Мечей стоял позади нас, и я услышал его голос:

— Скоро пробьет час! Скоро пробьет час! — бормотал он. — Пробьет час последней битвы рыцаря Като.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОГОТЬ

Темные тучи спустились над озером, а воздух звенел от криков заколдованных птиц. Пеной вскипали черные волны, волны Мертвого озера, по которым вот-вот поплывет наша ладья и, быть может, разобьется об утес неподалеку от замка рыцаря Като.

Кователь Мечей стоял у потайного оконца и смотрел, как я отвязываю утлую ладью. Она была пришвартована в фьорде, спрятанном среди высоких скалистых стен.

— Много знает рыцарь Като, — сказал Кователь Мечей, — но он не знает, что Мертвое озеро прорыло путь в мою гору, он не знает о моей ладье в моем тайном фьорде.

Кузнец стоял у потайного оконца, огромный и черный, стоял над самым причалом; было так темно, что я едва мог разглядеть его. Но я слышал, как он смеется. Чудно и жутко звучал его смех. Казалось, будто он забыл, как смеются люди.

— Много знает рыцарь Като, — сказал он.

— Но еще одного он не знает, он не знает, кого понесет нынче моя ладья через Мертвое озеро.

— А есть ли то, чего не знаешь ты? — сказал я. — Ты не знаешь, вернется ли к тебе твоя ладья? Быть может, уже сегодня ночью она будет покониться на дне озера? Как колыбель, ее будут качать волны, а спать в ней будут Юм-Юм и я. Что скажешь тогда?

Кователь Мечей тяжело вздохнул.

— Я скажу одно: спи спокойно, принц Мио! Спи спокойно в своей колыбели, пусть тебя укачивают волны!

Я поднял весла. Кователь Мечей исчез во мраке. Не успели мы миновать узкие ворота, отделявшие тайный фьорд от Мертвого озера, как я услышал голос Кователя Мечей.

— Берегись, принц Мио! — кричал он. — Берегись железного когтя! Держи меч наготове! Не то конец принцу Мио!

— Конец принцу Мио! Конец принцу Мио! —

зашептали скалистые стены, окружавшие нас. Как печально звучал их шепот!..

— Эх, была бы наша ладья не такой утлой! — сказал Юм-Юм. — Озеро не таким бездонным, волны не такими буйными, а мы не такими маленькими и беззащитными!

О, как буйствовали волны Мертвого озера! Никогда еще я не видел таких буйных волн! Они набрасывались на нас, кидали и швыряли ладью все дальше и дальше, навстречу новым яростным волнам. Грести было невозможно. Мы с Юм-Юмом судорожно вцепились в весла.

Но тут с ревом набежала бурная волна и вырвала одно весло; потом, вскипая пеной, набежала новая волна и разбила другое весло; пенистые, kloчущие волны вздымались вокруг нас и нашей ладьи до небес.

— Вот и нет у нас весел! — сказал Юм-Юм. — А скоро не будет и ладьи. Когда волны вышвырнут нас на скалы у замка рыцаря Като, ладья разобьется вдребезги.

Со всех сторон слетелись к нам заколдованные птицы. Они кружили вокруг нас, они кричали и оплакивали свою судьбу. Они подлетали совсем близко. В темноте можно было разглядеть их блестящие печальные глаза.

— Ты не брат Нонно? — спросил я одну из них.

— А ты не маленькая сестренка Йри? — спросил я другую.

Но они только глядели на меня своими блестящими печальными глазами, и в крике их слышалось отчаяние.

Весел у нас не было, и у ладьи не было руля, нас несло прямо к замку рыцаря Като. Туда гнали нас волны, там хотели они сокрушить нас о скалы. У ног рыцаря Като должны были мы погибнуть. Вот чего хотели волны!

Все ближе и ближе скалы, все ближе и ближе черный за-

мок с его злым оком, все быстрее и быстрее несет лодку, все яростней и яростней становятся волны.

— Теперь, — сказал Юм-Юм, — теперь... о Mio, теперь все пропало!

Но тут случилось чудо! Только мы подумали, что вот-вот погибнем, — волны присмирели и улеглись. Они присмирели, как ягнята. Плавнo пронесли они нашу ладью мимо грозных рифов и, мирно покачивая, пришвартовали ее к черной щербатой скале у подножия замка рыцаря Като.

Почему волны так буйствовали, а потом присмирели? Этого я не знал. Может, они тоже ненавидели рыцаря Като? Может, Мертвое озеро было когда-то радостным голубым озером среди мирных скал, озером, где отражалось солнце и веселые легкие волны ласкали утесы? Может, было время, когда дети купались и играли у этих берегов, и детский смех, а не горестные крики заколдованных птиц, разносился над водой?

— Спасибо тебе, доброе озеро! — сказал я. — Спасибо вам, буйные волны!

Но черные тихие воды ничего не сказали в ответ.

Высоко над нашими головами, на высоком неприступном утесе стоял замок рыцаря Като. Никогда еще не был он так близко от нас. И эта ночь должна стать ночью битвы. Я думал, знают ли люди, что этой ночью грянет битва, и помнят ли они обо мне? Вспоминает ли обо мне мой отец король? Надеюсь, что вспоминает. Я знал, что вспоминает. Я знал, что он сидит в одиночестве где-то далеко-далеко и думает обо мне, и горюет, и шепчет про себя: «Mio, мой Mio!»

Я схватился за меч, и будто пламя обожгло мою руку. Я должен был сразиться со страшным врагом, я не в силах был больше

ждать. Я рвался навстречу битве. Пусть даже эта битва грозит мне смертью

— Мио, я так голоден! — сказал Юм-Юм.

Я вытащил остатки хлеба, хлеба насущного, и мы стали есть, усевшись на утесе неподалеку от замка рыцаря Като. А когда доели хлеб, почувствовали себя сытыми, сильными и даже веселыми. Но это был наш последний кусок хлеба, и мы не знали, когда нам доведется поесть снова.

— Теперь надо вскарабкаться на скалу, — сказал я Юм-Юму. — Иначе в замок рыцаря Като не попасть.

— Ладно, — сказал Юм-Юм.

И мы начали карабкаться по отвесной стене, такой высокой и неприступной.

— Эх, был бы утес не такой неприступный! — сказал Юм-Юм, — ночь не такая темная, а мы — не такие маленькие и беззащитные.

Мы карабкались все выше и выше. Карабкались медленно, с трудом, крепко цепляясь руками и ногами за уступы в скале. Мы цеплялись и карабкались. Иногда я пугался и думал, что вот-вот свалюсь в пропасть и тогда все пропало. Но в последнюю секунду я всегда находил, за что уцепиться. Я то и дело срывался, но скала, казалось, сама подставляла мне под ногу маленький уступ всякий раз, когда я готов был оступиться. Может, даже суровая скала ненавидела рыцаря Като?

Высоко-высоко над озером стоял замок рыцаря Като, и нам пришлось карабкаться высоко-высоко, чтобы добраться до крепостной стены на самой вершине утеса.

— Скоро мы будем наверху, — прошептал я Юм-Юму. — Скоро перелезем через стену и тогда...

Тут раздались голоса. Это были голоса стражников, они разговаривали друг с другом в ночи. Два черных стражника караулили замок, шагая взад и вперед по крепостной стене.

— Ищите, ищите повсюду! — сказал один. — Наказ рыцаря Като: враг должен быть схвачен. Враг, прискакавший на белой лошади, должен быть схвачен. Таков наказ рыцаря Като. Ищите в горных пещерах, ищите меж лесных деревьев, ищите в воздухе и в воде, ищите близко и далеко, ищите повсюду!

— Ищите близко, ищите близко! — сказал другой. — Мы те, кто ищет близко. Может, враг среди нас. Может, нынче ночью он карабается по скале к замку! Ищите повсюду!

Мое сердце чуть не остановилось, когда я увидел, что он зажигает факел. Если бы он осветил своим факелом скалу у крепостной стены, он сразу увидел бы нас. А если бы он увидел нас, все было бы кончено. Ему остава-

лось бы лишь протянуть свое длинное копье и толкнуть нас в пропасть. Только легкий вскрик раздался бы в то мгновение, когда мы свалились бы в Мертвое озеро и исчезли в нем навсегда.

— Ищи, ищи повсюду! — сказал один стражник. — Освети факелом скалу. Может, как раз теперь по скале карабается враг. Ищи повсюду!

Второй стражник поднял факел, склонился над стеной. И свет упал на скалистую стену. Мы сжались в комки и дрожали, как мыши при виде кошки. Свет факела медленно полз вдоль стены, все приближаясь и приближаясь.

— Теперь, — прошептал Юм-Юм, — теперь... о Мио, теперь все пропало!

Но тут случилось чудо. С озера поднялось множество птиц. Заколдованные птицы неслись вперед, шумно взмахивая крыльями. Одна из них ринулась прямо на факел, и факел выпал из рук стражника. Мы увидели, как огненная стрела прочертила воздух, и услышали шипенье факела, угасшего в бездонном озере. И еще одна огненная стрела упала в воду. Птица, которая спасла нас. С пылающими крыльями упала она в волны Мертвого озера.

— Спасибо тебе, бедная птичка! — прошептал я, зная, что птица не услышит моих слов и вообще уже ничего не услышит.

Мне хотелось плакать, но я должен был думать о стражниках. Мы еще не перебрались через стену, еще множество опасностей подстерегало нас.

Ну и разозлились же стражники! Теперь они были прямо над нами! Я видел их черные мерзкие головы над крепостной стеной и слышал их мерзкие голоса, когда они шушукались друг с другом.

— Ищите, ищите повсюду! — говорили они. — Может, враг далеко-далеко, а может, он карабается на скалу где-нибудь рядом, ищите повсюду.

Они отошли на несколько шагов и стали высматривать нас с другой стороны.

— Самое время! — прошептал я Юм-Юму. — Самое время!

И мы полезли через стену. Быстро-быстро перелезли мы через крепостную стену, быстро-быстро помчались во мраке прямо к замку рыцаря Като. Прижавшись к черной стене замка, мы молча стояли, боясь, что стражники вот-вот заметят нас.

— Как проникнуть в замок рыцаря Като? — прошептал Юм-Юм. — Как проникнуть в самый черный замок на свете?

Только выговорил он эти слова, как в стене отворились ворота. Совсем рядом бесшумно

отворились черные ворота. Не слышно было ни единого звука. И никакая в мире тишина не могла сравниться с этой ужасной мертвой тишиной! А ворота! Хоть бы они заскрежета-ли, отворяясь, хоть бы завизжали в своих пет-лях: заскрипи они самую малость, и то не было бы так жутко. Но это были самые немые во-рота на свете.

Мы с Юм-Юмом, взявшись за руки, вошли в замок рыцаря Като. Никогда раньше не чув-ствовали мы себя такими маленькими и без-защитными. Потому что никогда и нигде на свете мрак не был таким мрачным, холод та-ким ледяным, а тишина такой враждебной, как здесь, в замке рыцаря Като.

От ворот к замку вела узкая темная винто-вая лестница. Такой высокой и такой черной лестницы мне никогда не доводилось видеть.

— Эх, если бы мрак был не таким зловещим, — прошептал Юм-Юм, — рыцарь Като не таким жестоким, а мы не такими маленькими и беззащитными!

Я крепко сжал меч, и мы стали подниматься по лестнице на цыпочках: впереди — я, позади Юм-Юм.

Во сне я попадал иной раз в мрачный дом, который я совсем не знал, в незнакомый мрач-ный, страшный дом! Там были темные комна-ты, в которых я задыхался; и пол, в котором разверзалась черная бездна; и лестницы, которые обрушивались так, что я стремитель-но падал вниз. Но замок рыцаря Като был страшнее всех домов, когда-либо приснивших-ся мне.

Мы все поднимались и поднимались по вин-товой лестнице, не зная, что ждет нас на са-мом верху.

— Mio, я боюсь! — прошептал Юм-Юм за моей спиной.

Обернувшись, я хотел было взять его за ру-ку. Но тут Юм-Юм исчез. Он исчез; не успел я опомниться, как его поглотила стена. Я остался на лестнице совсем один, и мне было теперь в тысячу раз хуже, чем тогда, когда мы потеряли друг друга в горе Кователя Мечей, в тысячу раз хуже, чем когда-либо прежде.

Я совсем отчаялся. Кричать я боялся, но дрожащими руками я ощупывал стену, погло-тившую Юм-Юма; я плакал и шептал:

— Юм-Юм, где ты? Юм-Юм, вернись!

Но стена оставалась холодной и неподвиж-ной. В ней не было ни единой щелочки. По-прежнему стояла мертвая тишина. Юм-Юм не отзывался.

Наверное, я был самым одиноким в мире,

когда снова начал подниматься вверх по лест-нице. Наверное, поэтому и шаги мои были та-кими тяжелыми. Я едва переставлял ноги, а ступеньки казались такими высокими и было их так много!

Так много... но одна из них была последней. Я-то не знал, что она — последняя. Я не знал, что лестница кончилась; этого ведь никогда не знаешь, когда поднимаешься в темно-те. Я шагнул, но ступеньки под ногами не ока-зались. Я упал и закричал. Падая, мне уда-лось зацепиться за самую верхнюю, за самую последнюю ступеньку. Я вертелся из стороны в сторону, искал, куда бы встать. Но встать было некуда. Я барахтался над бездонной про-пастью. «Сейчас я сорвусь вниз, — подумал я, — и тогда все пропало... О, помогите же хоть кто-нибудь, помогите!»

Кто-то поднимался по лестнице. Неужто Юм-Юм?

— Юм-Юм, милый Юм-Юм, помоги мне! — прошептал я.

Я не видел его во мраке. Но я услышал шепот:

— Возьми меня за руку, и я помогу тебе! — прошептал кто-то. — Возьми меня за руку, и я помогу тебе!

И я взял его за руку. Но то была не челове-ческая рука. То был железный коготь.

(Окончание следует)

НАД КАМЧАТСКИМИ ВУЛКАНАМИ

А. Шалимов

Фото автора

Прежде всего летчики решили показать нам — участникам Вулканологического совещания — сопку Ключевскую.

На высоте четырех километров делаем полный круг. Проходим над седловиной, отделяющей Плоский вулкан от Ключевской. Ее вершина вздымается над нами еще на километр. Она совсем близко. Кажется, достаточно протянуть руку, чтобы коснуться ее склонов. Внизу застыли голубовато-белые искрящиеся волны — снег. Гигантские снежные козырьки нависают над черными скалами. Ниже, в разрывах облаков, проглядывает желто-бурый пьедестал вулкана, сложенный пеплами и лавой. Где-то совсем далеко зеленеет кромка тайги.

Нельзя оторвать глаз от красавца вулкана. Смотрим, торопливо стирая ладонями ледяные узоры, застилающие стекла кабины.

Кто-то говорит в задумчивости: «Кажется, начинаю понимать, почему их обожествляют в Индонезии...»

Идеальная правильность конуса Ключевской — признак молодости вулкана. Вулканологи подсчитали, что ему всего около пяти с половиной тысяч

лет. Он — ровесник древнейших пирамид Египта. Его ближайшие соседи — вулканы Плоский и Камень, значительно старше.

Вот в разрывах облаков виден конус вулкана Безымянного, приземистый, бесснежный. Внутри кальдеры — полуразрушенных взрывом остатков старого конуса — рыжий дымящийся «каравай». Это раскаленная вулканическая пробка, которая продолжает выжиматься из жерла и разливается на огромные каменные глыбы. Особый тип извержения, завершающийся взрыв вулкана.

Успеваем разглядеть в рыжем каравае змеящийся огненный узор трещин, сквозь которые просвечивает его раскаленное нутро.

— Кратер, кратер Безымянного!

В западной части каравая мелькнуло что-то, похожее на разверстую темно-багровую пасть, но облака и вулканические пары сразу же скрыли ее.

Тряхнуло раз, другой, третий... Самолет ложится на крыло и уходит в сторону. Это летчики напоследок решили сделать нам сюрприз и «прокатили» над самым кратером Безымянного...

Еще раз мы оценили мастерство летчиков на обратном пути в Петропавловск.

...Самолет снижается, влетает в кальдеру и начинает летать внутри нее, как над аренной гигантского цирка. Разноцветные озера и яркая зелень трав и болот кажутся совсем близкими. Мы видим цветные корки минералов по берегам у самой воды и высокие струи белого пара, поднимающиеся в воздух прямо к крыльям самолета. Потрясенные грохотом моторов с разноцветных озер парами поднимаются большие белые птицы — лебеди. И тени их плывут над этой сказочной страной.

Через прорыв в кольцевом гребне самолет улетает из кальдеры. Летим в узком желто-оранжевом коридоре, по долине реки, текущей к океану.

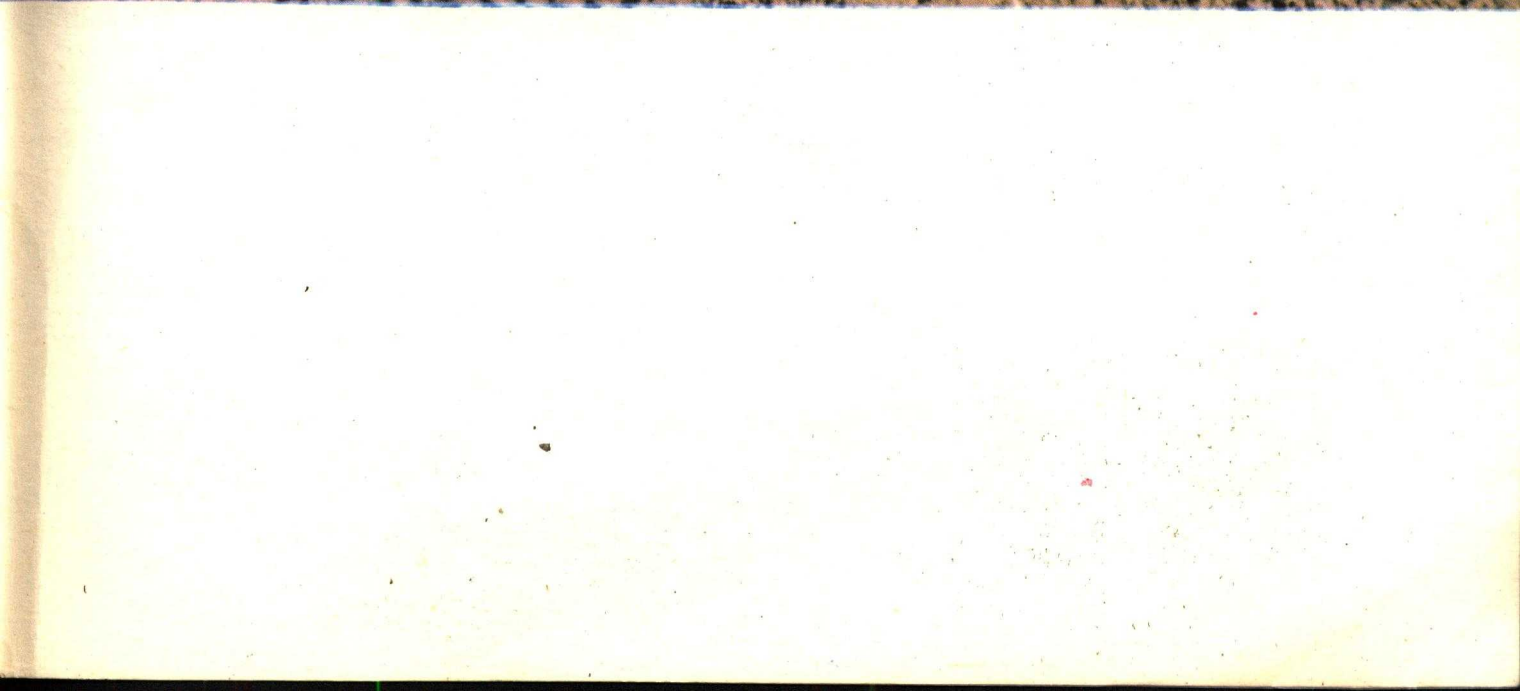
Последний глубокий вираж над Авачинской бухтой. Солнце зашло. Небо и воды бухты отливают перламутром. В городе зажигаются огни...

Самолет подрулил к аэровокзалу, но никто из нас не тронулся с места. Мы ждем... Дверь в кабину летчиков открылась, и они выходят. И тогда самолет дрогнул от аплодисментов — заслуженной награды за их удивительное мастерство.

Фото сверху — Камень и Ключевская сопка.

Фото внизу — У Безымянного.

Цветное фото — Вулкан Ключевская сопка.

ФЕДЯ-ПОВОДЫРЬ

БЫЛЬ XVII ВЕКА

Всеволод Рождественский

Рисунки И. Ризнича

I

В сумерках в снегу чернеет что-то,
Копошатся люди-муравьи.
То ползет боярская охота
Через поле, мерзлые болота,
Лапчатые ели и ручьи.
Впереди — зеленые кафтаны,
А за ними рыхлой бороздой
Тащат лошади возок сафьянный,
Где боярин, круглый и румяный,
Черною качает бородой.
На ремнях загонщиков суровых
Прыгают собаки там и тут,
Солнце тонет в сумерках лиловых,
И в лесу на развальнях ковровых
Мертвую медведицу везут.
Вот и месяц, словно сабля, тонок,
Меж пушистых елок стал всплывать,
И дивится черный лес спросонок,
Как бежит у санок медвежонок,
Жалобно обнюхивая мать.

II

Огни! Огни! Уже немного
Тащить усталым лошадям.
Загнулась под гору дорога
Навстречу лаю и огням.
Скрипят ворота. С фонарями
Выходят люди. Псы снуют,
И слуги, путаясь ногами,
К крыльцу боярина несут.
Кругом костры пылают ярко...
Кипи, котел, кипи скорей,
И обходи по кругу чарка
Вконец продрогнувших псарей!

III

В низкой горнице топлены печи,
И хозяин — он дюж и румян —

Порасправил затекшие плечи,
Скинул шубу и тесный кафтан.
Стол накрыт. Молодица в убрусе¹
Ставит в жбане забористый мед,
Щей котел и румяного гуся
На подносе резном подает.
С треском рушит гусиную лапку
Крепкозубый подвыпивший князь,
А у притолки комкает шапку
Верный староста, низко склонясь.
— За три дни, что ты был на облаве,
Шло чин чином хозяйство у нас.
Снедь собрали, как сказано даве²,
В закрома понабили запас,
А с поборов остался излишек,
Уж не знаем, куда его деть.
С деревень понагнали людишек
Ставить тын и дубовую клеть.
Бит Игнат за промерзлую редьку —
Он и лалял тебя непутем —
Пастушонка, строптивного Федьку,
Поучили слегка батожьем...
Но боярин обмяк, как солома,
И не слышит уже ни аза.
Душноватая мутная дрема
Навалилась ему на глаза.
Осушил сулей³ половину,
Бородищею лег в толокно,
И холопы его на перину
Отнесли ночевать, как бревно.

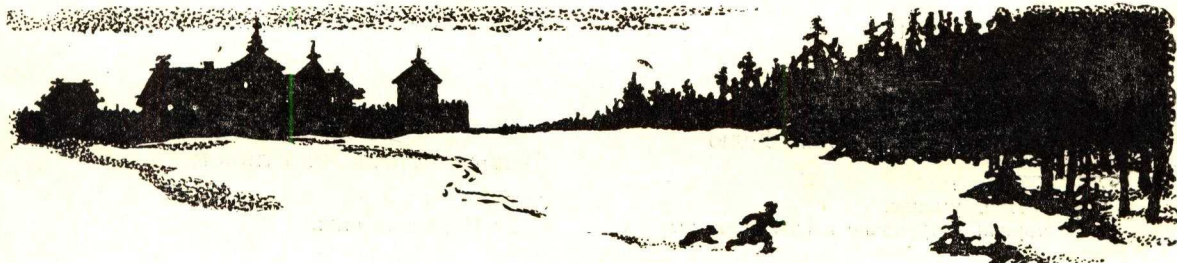
IV

Серебряный месяц дозором
Полнеба уже обогнул.
В покоях, за крепким забором,
Боярин, вздыхая, заснул.
Все тихо. По лунному лоску

¹ Головной платок.

² Давно.

³ Род кувшина.

Закутанный сторож идет
И мерно в чугунную доску
Под черными окнами бьет.
А там из последних силенок
(Куда уж бедняге уснуть!),
Урча, норовит медвежонок
Постылую цепь натянуть.

V

Скрипнул снег. На синь сугроба
Черной тени лег излом.
Медвежонок смотрит в оба —
Уши черные торчком.
Кто идет там? Страх медведя
Холодит с башки до ног.
Да не бойся, это Федя,
Федя — княжий пастушок!
Федю били на конюшне,
(А за что — он сам не знал),
И всю ночь в избенке душной
Он метался и стонал.
Оттого, что он с пеленок
Рос, как этот пленный зверь,
Одинокий медвежонок
Словно брат ему теперь.

VI

«Миша, Миша, тяжело нам с тобою,
Всякий нас обидеть норовит.
Убежим скорее! Под Москвою
Деревенька дедова стоит.
Там мой дед — ему седьмой десяток —
Дуба крепче и снегов белей —
Доживает дней своих остаток
Посреди мережек и сетей.
Он давно уж не видался с внуком.
Если вместе мы к нему придем,
Он тебя научит разным штукам,
Он ведь был медвежьим вожаком.
Будем мы с тобою по базарам
С бубном и трещоткою ходить,
И не поздоровится боярам
От забавы нашей, может быть...
Будем правду говорить народу,
Вежество¹ показывать твоё...
И милей нам станет год от году
Скоморошьё² вольное житьё».

VII

И мальчик нагнулся к медведю
Скорее его развязать.
Звереныш привстал, чтобы Федю

¹ Искусство, умение.

² Скоморохи — бродячие певцы, плясуны.

В лицо горячо облизать.
Забраться на тын мудро ли?
Пускай он и скользок и крут.
И вот уж приятели в поле
По мерзлой тропинке бегут.

VIII

Москва! Москва! Вся деревянная,
В глухих бревенчатых стенах,
Толпа тулупная и рваная
На площадях и на мостах.
Пахнуло дегтем, голенищами,
Скрипят колодцы, псы снуют,
С утра юродивые с нищими
В воротах «Лазаря»¹ поют.
Возы спускаются обозные,
Галдит веселый «Рыбный ряд»,
И, как дрова, сомы морозные
У стенки рядышком стоят.
Снежок слетает с неба хмурого,
Ползет малиновый возок,
А там — медведя темно-бурого
Ведет курчавый паренек.
Ударил в бубен, улыбается,
Задорным голосом зовет,
И переулками сбегается
К базарной площади народ.

IX

«Ой, дуда, ты дуда,
Берестяная,
Скоморошья наша доля
Бесталанная!
Мы смешить вас пришли,
Люди добрые,
Показать вам, шутя,
Правду-истину.
Покажи-ка, Мишук,
Как боярин идет,
Распахнув соболя,
Круглым пузом вперед.
Как народ перед ним
На карачках лежит,
Как толкнуть он народ
Сапогом норовит.
Как забитый мужик
Все терпел, а потом
Поднялся на бояр
С топором и колом».

X

Из толпы, из круга тесного
Вышел парень, ряб лицом.

¹ Народный стих.

Шапку оземь. И по-честному
 Речь завел о том о сем.
 «Ой, вы, люди бестолковые,
 Как вам правду рассказать?
 Времена теперь суровые,
 Надо сызмала смекать!
 Соты лепятся по катышку.
 Кто устал терпеть полон,
 Тот иди на Волгу-матушку,
 На широкий вольный Дон!
 Там находят долю новую,
 Там по степи, как буран,
 Ходит с вольницей низовою
 Стенька Разин, атаман.
 Запылала ярче зарева
 Волга-матушка сама,
 Затрещит и государева
 Крепкотынная тюрьма!
 Скоро, скоро волю братскую
 Все увидят наяву,
 Слухом слышно — рать казацкую
 Двинул Разин на Москву.»

XI

Стоит народ — не дышит.
 На паренька глядят.
 Восторг и страх колышет
 За рядом черный ряд.
 Все чуют — близко воля —
 По всей земле пожар,
 Когда не станет боле
 Ни дьяков, ни бояр.
 Трещит мороз румяный...
 Вдруг — галки взмыли ввысь:
 Стрелецкие¹ кафтаны
 Откуда ни возьмись.
 Сверкают бердышами²...
 Рассыпался народ
 Проулками, «задами»,
 За тын, за огород.
 Но смердам крепко дума
 На сердце залегла:

¹ Стрельцы — войско московских царей.
² Старинное оружие.

Ушло на Дон без шума
 Почти что полсела.

XII

А мальчик с медведем далеко,
 Широко их скитальческий путь,
 И воздух морозный глубоко
 Глохает голодная грудь.
 Завидная доля — по селам
 С дудой скоморошьей бродить,

Напевом — пускай невеселым —
 Людские сердца беречь,
 Чтоб знали, что ждать уж недолго,
 Что гнев всенародный готов
 В поля и низины, как Волга,
 Шагнуть из своих берегов.

* * *

Мальчику светлокудруму — слава!
 Медведю темно-бурому — слава!
 Песне скоморошьей — слава!

БЕГ ПО ДИСТАНЦИИ

Как взять старт и развить скорость — об этом речь шла в июньском и июльском номерах «Костра». Теперь перейдем к бегу по дистанции.

Когда спортсмен заканчивает стартовый разгон, перед ним стоит задача — сохранить набранную скорость. Это достигается переходом на так называемый «маховой шаг». Он характерен тем, что в момент отталкивания маховая нога энергично выносится вперед-вверх. В это же время опорная нога делает мощный и стремительный толчок. Затем, опускаясь на дорожку несколько впереди туловища, маховая нога совершает как бы загребающее движение.

Шаг при этом должен быть широким, размашистым, но не слишком, а то нельзя будет сохранить нужную частоту движений, иначе говоря, высокий темп бега.

Бежать по дистанции следует с небольшим наклоном туловища вперед. Нога при спринтерском беге

всегда ставится с передней части стопы! Бежать надо так, чтобы следы стоп были параллельны.

Во время бега руки, согнутые в локтях, движутся вперед-назад с большой быстротой, но в едином ритме с движением ног. Кисти рук должны быть наполовину согнуты. Не следует отводить локти от туловища в стороны, выпрямлять ладони или сжимать кулаки.

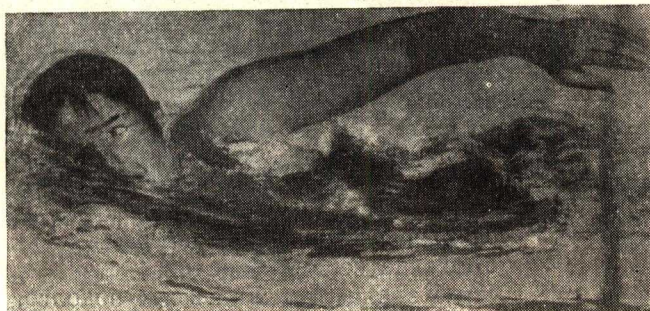
Следите, чтобы при беге от напряжения плечи не поднимались вверх. Необходимо, чтобы они свободно двигались вместе с руками. Спина при этом должна быть выпрямленной.

Очень важно научиться расслаблять мышцы, которые в данный момент активно не работают. Успех в спринте во многом зависит от искусства расслабления, от умения бежать легко, свободно, без излишнего напряжения. Это помогает более экономно расходовать силы, необходимые для поддержания высокой скорости до самого финиша.

Начинающему бегуну из-за наступающего утомления трудно пробежать всю дистанцию с «оптимальной», то есть наиболее выгодной скоростью. Разумеется, чем лучше бегун тренирован, тем менее он утомляется. Умение бежать быстро вырабатывается поэтому постепенно, в ходе систематических занятий.

Во время бега ни в коем случае нельзя оглядываться на своих соперников. Это не только ведет к потере драгоценных мгновений, но и, главное, нарушает ритм бега.

ОНИ НАЧИНАЛИ ТАК:

У женщины-«торпеды» Даун Фрэзер — три золотых олимпийских медали. В Мельбурне, Риме и Токио не было равных ей в плавании самым быстрым стилем — кролем. Быстрее чем за минуту проплывает она стометровку! Совсем недавно такой скорости на воде достигал лишь один человек в мире — Джонни Вейсмюллер, американский киноактер могу-

чего телосложения, прославившийся исполнением роли Тарзана.

У Даун нет устрашающей мускулатуры. Ее главное оружие — быстрота, резкость движений. В школьные годы будущая рекордсменка мира проводила все свое свободное время на площадках для игр, с увлечением тренировалась в беге на короткие дистанции.

Сильнейший теннисист мира Нил Фрэзер — соотечественник и однофамилец чемпионки трех олимпиад. Как и Даун, он отличается феноменальной быстротой. В момент атаки ракетка в его руках становится невидимой — с такой стремительностью наносит он удары по мячу. Да и сам Нил перемещается по корту со скоростью спринтера. Что же в этом удивительного, если он был в свое время быстрейшим бегуном своей школы!

ПОКА БЛИНЫ ГОРЯЧИ...

Вряд ли какие спортивные соревнования имеют столь почтенный возраст, как эти. Разве что олимпийские игры.

Речь идет о гонках... с блинами. Такие состязания проводятся во многих местах Англии. Но особенно популярны они в городе Олни, где они впервые проводились еще в 1445 году!

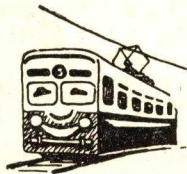
Так же, как и 520 лет назад, претенденты на победу бежали нынче от кабачка «Бык» до церковной ограды

со сковородками в руках, подбрасывая на ходу лежавшие на них свежеспеченные блины. Дистанцию 415 ярдов первой закончила школьница Дженни Эдьюс. Ее время — 1 минута 8 секунд — было тотчас же сообщено за океан — в американский штат Канзас. Здесь, в городке Лайбириел, проводились точно такие же состязания. «Международный матч» завершился победой англичан.

ТРАМВАЙ ТРАМВАИЧ

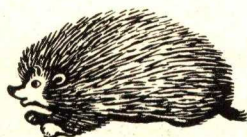
К. Высоковский

Потихоньку, бряк да бряк,
шел по улице добряк.
Шел туда и шел обратно,
по железному пути...
И ему было приятно
трудовой народ везти!
С остановкой тут и там
всех развез он по местам,
безотказный наш добряк...
Потихоньку, бряк да бряк.

ИСТОРИЯ С ЕЖОМ

Н. Слепакова

Через поле шла межа.
Там мы встретили ежа.
Мы смотрели на ежа,
не крича и не визжа.
Мы смотрели на ежа,
рты закрытыми держа.
Мы смотрели на ежа,
он от нас и убежа...

8

Уголёк № 8

Рисунок В. Фомина

Август — собери́ха-припаси́ха

1

ТЕТРАДЬ ДЛЯ РИСОВАНИЯ

Владимир Торопыгин
Рисунки Н. Кустова

Открываю я тетрадь —
начинаю рисовать.
Что на первую страничку?
Сразу не решить никак:
можно — солнце...
Можно — птицу...
Маму...
Мячик...
Красный флаг...

Солнце надо! С неба глядя,
пусть выходит из-за туч!

Пусть гуляет по тетради
золотой веселый луч!
Мне не хочется без птицы!
В синем небе над страной
пусть летает!
Пусть садится
рядом с мамой и со мной!

Мне не хочется без мамы!
Я могу признаться всем,
что без мамы мне, ну, прямо,
ну, не весело совсем,
хоть она за это может
рассердиться на меня...

Без мяча мне скучно тоже —
пусть он прыгает, звеня!

Пусть идет походным шагом
вдоль по улице отряд,
пусть играет ветер флагом —
я смотреть на это рад!
Что на первую страницу,
я решил —
рисую так:
в небе — солнце,
рядом — птицу,
маму,
мяч
и красный флаг.

5

СОЙКА И ЖЕЛУДИ

Е. Серова

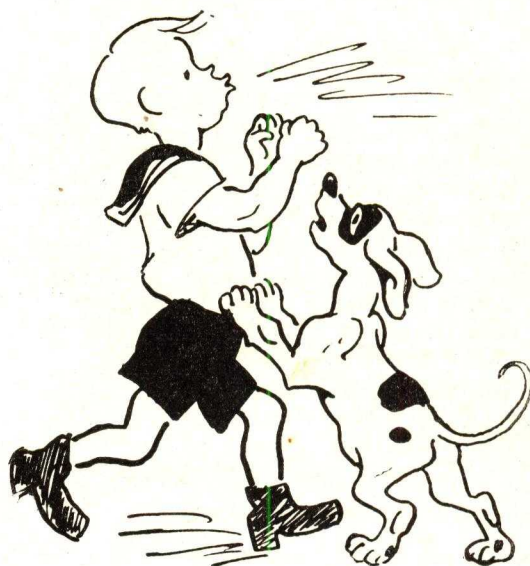
Рисунки Н. Муратова

Сказала сойка голубю:
— Эх, память у меня...
Вчера четыре желудя
Зарыла возле пня,
Зарыла-то, зарыла,
А место позабыла!

И выросли, честь-честью,
На этом самом месте
Красавцы пареньки,
Братишечки-дубки.

Веселые, вихрастые,
В любую бурю стойкие!..
Товарищи, да здравствуют
Рассеянные сойки!

2

ЭЛЕКТРОВОЗ

С. Коган

Рисунок Н. Муратова

У нас Барбос —
Преглупый пес:
Работать мне
Мешает.

Вот я сейчас —
Электровоз,
А пес...
Не понимает.

7

МАРШ, МАРШ, НЕЖЕНКИ!

Ш. Дриз

Марш, марш, неженки,
Стыдно быть трусишками!
В путь — за синяками,
Ссадинами, шишками!

Может быть, на вкус они
Горькие, кислючие...
Ну так что? Начнем реветь?
Шапки нахлобучивать?

Верьте мне как старшему:
Будет, будет прок,
Станут они сладкими,
Дайте только срок.

Перевела с еврейского
Э. Паперная

6

3

Уполномоченный
бесслого архивариуса

КОРОЛЬ С ТАТУИРОВКОЙ

В 1810 году престарелый шведский король Карл XIII усыновил Жана Батиста Жюльа Бернадота. Жан Батист не был ни хорошеньким младенцем, ни пылким юношей. Бернадоту было сорок семь лет, он был маршалом Франции, одним из любимцев императора Наполеона. Почему же шведский король вдруг воспылал отцовскими чувствами к боевому маршалу?

Дело в том, что на старости лет король возмечтал о завоеваниях. На своих военачальников, которые незадолго перед этим проиграли войну с Россией, он не

полагался. Вот и пришлось решение заполучить опытного полководца таким необычным путем.

Король вскоре умер, а Бернадот, унаследовав трон, отнюдь не рвался в походы. Он быстро сообразил, что гораздо выгоднее заключить союз с богатой Англией и могущественной Россией. Со времен его царствования началась эпоха шведского нейтралитета (и до сих пор еще Швеция не участвовала ни в каких войнах). Под именем Карла XIV Иоанна Бернадот правил 34 года. Когда он умер, обрядившие его тело придворные обнаружили на груди у короля татуировку. Она была нанесена в давние годы Французской революции, когда будущий шведский король был простым солдатом. Это была надпись — «Смерть королям!»

ЛОРДЫ, КАК КАРТОШКА

Когда-то английские лорды заставили короля Иоанна Безземельного подписать Хартию Вольностей. В какой-то степени это было первым демократическим актом в истории Англии. Но уже ближайшие потомки этих лордов и слышать не хотели ни о какой демократии.

По этому поводу замечательный английский ученый Фрэнсис Бэкон сказал как-то: «Наши лорды, как картошка, — лучшая их часть — в земле».

А молчаливый Митя показал на этот раз очередной экспонат своей коллекции — немецкий журнал середины прошлого века «Shakespeare Jahrbuch».

В журнале приводится еще одно забавное «доказательство» того, что Шекспир действительно был автором своих пьес (см. «Костер» № 4 за 1964 г.). Здесь приведены на английском языке названия тридцати шести пьес, составлявших первое издание сочинений Шекспира. Шестнадцать

WILLIAM SHAKSPERE

WROTE THESE
GREAT TALES

названий так расположены одно под другим, что четвертые от конца буквы оказались на одной вертикали и образовали слова William Shakspeare. Оставшиеся двадцать пьес расположены так, что на одной вертикали оказались их последние буквы: «Wrote these great tales».

В переводе на русский язык эта не совсем грамотная английская фраза означает: «Вильям Шекспир написал эти великие произведения».

ПОХОДНАЯ ПЕСЕНКА

Музыка М. Феркельмана
Весело

Слова В. Фетисова

Привет:

нам из-веда-ть хо-чет-ся даль-ние пу-ти Мы у-же ис-ка-те-ли, мы у-же ко-чев-ни-ки, мо-ги та-ки про-сят-ся зем-лю о-бой-ти Льет-ся

пе-сен-ка за-дор-на-я над про-сто-ра-ми зе-ман нам под-сви-сты-ва-ют здо-ро-во и чи-

жи и со-до-вьм Путь до-ро-га сте-лет-ся-вьм!

tr *mf* *f* *p* *ff*

Обложка К. Савкевич

Вторая страница обложки — «Будущий чемпион», фото Л. Полякова
На третьей странице обложки рисунок В. Звонцова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов,
Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова,
Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. А. Маевская

Технический редактор

А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-13338

Тираж 300 000 экз.

Подписано к печати 13/VII 1965 г.

Формат 84×108^{1/16}
Зак. № 1592.

Печ. л. 8+1.

6,57 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Подождите осени,
книжки и учебники,
нам изведать хочется
дальние пути.

Мы уже искатели,
мы уже кочевники,
ноги так и просятся
землю обойти.

Припев:

Льется песенка задорная
над просторами земли,
нам подсвистывают здорово
и' чижи и соловьи.

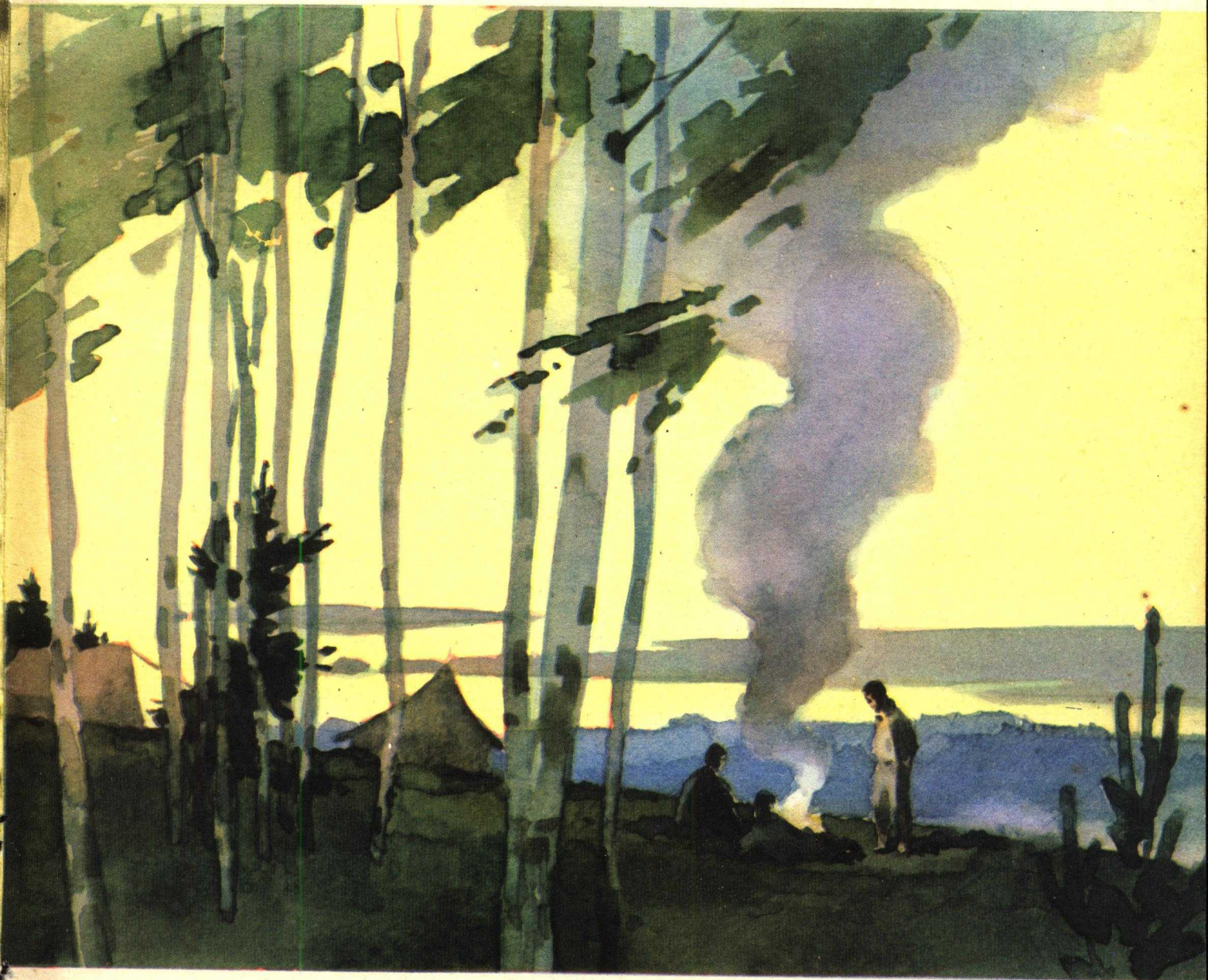

Рисунок В. Звонцова

Путь-дорога стелется,
к горизонту тянется,
книгой раскрывается
даль из-под руки.
Нам с походной песенкой
весело шагается,
как один качаются
наши рюкзаки.

Припев

Пылью пропыленные,
солнцем закаленные,
мы под вечер валимся
у костра поспать.
Утром просыпаемся,
как кроты, копаемся,
для страны стараемся
клады отыскать.

Припев

Мы уже искатели,
мы уже кочевники
и готовы трудными
тропами идти.
Мы проходим самые
нужные учебники,
пожелайте, люди, нам
доброго пути!

Припев

AB (p. 10)

25 K.

